

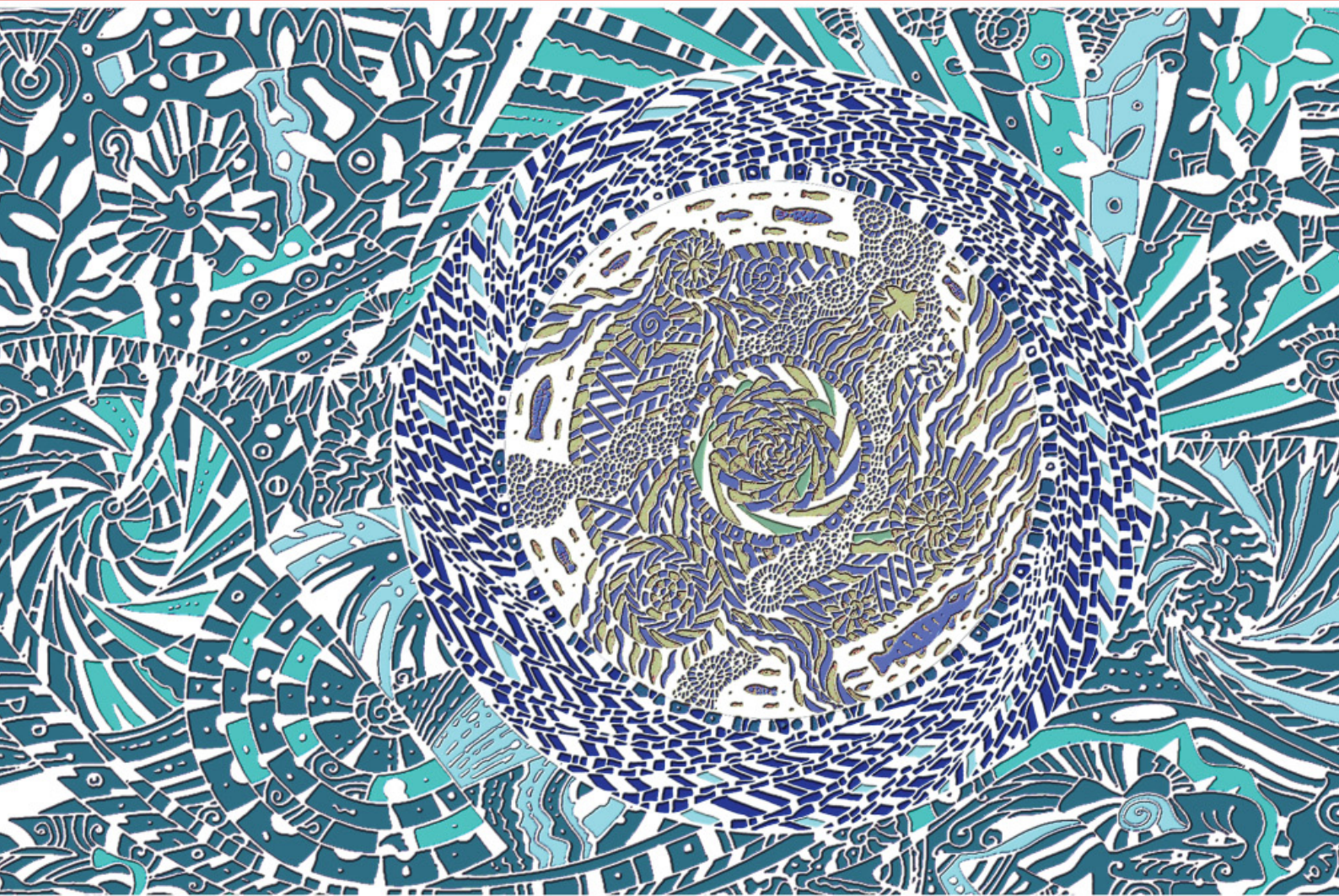
APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT

1
2024

APT

12+

Журнал «Арт»

APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT

Акценты

Первый номер журнала приятно удивит любителей поэзии стихами Александра Шебырева на русском языке: цикл его стихотворений «Суета... или неясные мысли вслух» открывает литературный раздел. Это философская лирика, заставляющая одновременно и думать, и чувствовать. Небольшая повесть Фёдора Конева «Отчий берег» о взрослении, о памяти, о душе, о той глубинной духовной связи рода, которую нельзя объяснить рационально. С дебютной подборкой стихотворений «Юяслён сылан» (Песни рек) журнал представляет нового автора – Артура Уляшева. Его неторопливая, вдумчивая лирика завораживает: плавно катят свои воды Помос и Эжва, они живые и, кажется, мыслящие, как и вся природа вокруг, поэт беззаветно влюблён в свою малую родину, он находит слова для стихов в пении ветра, в голосе эха, в лучах солнца и жёлтых головках купальницы. Пьеса Алексея Попова «Карса ныв» (Городская девушка) о безрадостной жизни современной деревни, обречённой на угасание.

В новом разделе «Финно-угорский берег» журнал предполагает знакомить читателей с традициями финно-угорских народов. В разделе печатаются статьи профессиональных этнографов, так что на этом уровне журнал возобновляет публикацию научных статей. Статья Людмилы Корольковой «Земледелие и огородничество у вепсов» представляет обычаи землепользования в традиции вепсов. Очерк Анны Лебедевой «Святой день просьб на картинах художников Обского Севера» о том, как мифология и ритуалы ханты и манси находят воплощение в творчестве современных художников Сибири. Статья Тимофея Молданова «Современное состояние хантыйских медвежьих игрищ» посвящена описанию известного всему миру «медвежьего праздника», архаического ритуала, исполняемого после добычи медведя охотниками. Статья известного карельского этнографа Алексея Конкки «Жертвенные деревья Западной Карелии и ближнего зарубежья» знакомит с обычаями почитания деревьев у карел. Очерк Ивана Плоскова «О некоторых образах-персонажах леса и воды...» посвящён реконструкции мифологических представлений коми на базе фольклорных данных.

Ещё один новый раздел журнала – «Зырянский мир: визуальная этнография коми» – открывает публикации фотографий этнографов и фольклористов, сделанных в разные годы в отдельных уголках Коми края. На фотографиях – изображения этнографических памятников, малоизвестных широкой общественности. Первая публикация рассказывает о часовне и празднике Параскевы Пятницы в д. Кривое Удорского района.

В разделе «Арт-факт» два события. Первое: «Молодёжная выставка в Доме художника», получившая освещение в статье Анны Сажинной; второе: иллюстрации замечательного художника-графика Николая Фомина к фольклорным сказаниям финно-угорских народов.

В журнале «Ы» две публикации. Елена Игнатова, учитель коми языка и литературы из с. Пожег, представляет вниманию читателей небольшие рассказы своих учеников – возможно, это дебютные произведения новых коми авторов. Также юный читатель увидит серию коротких рассказов о чудиках из с. Киндасово, что в Карелии.

СОДЕРЖАНИЕ

• Литература сегодня

А. Шебырев. Суета... или неясные мысли вслух. <i>Стихи</i>	4
Ф. Конев. Отчий берег. <i>Повесть</i>	14
А. Уляшев. Юяслён сылан. <i>Кывбурьяс</i>	43
А. Попов. Карса ныв. <i>Пьеса</i>	59

• Финно-угорский берег

Л. Королькова. Земледелие и огородничество у вепсов	104
А. Лебедева. Святой день просьб на картинах художников Обского Севера.....	109
Т. Молданов. Современное состояние хантыйских медвежьих игрищ	117
А. Конкка. Жертвенные деревья Западной Карелии и ближнего зарубежья (<i>по материалам конца XIX века</i>)	123
И. Плосков. О некоторых образах-персонажах леса и воды, связанных с древними традициями коми и других северных народов	131

• Зырянский мир: визуальная этнография коми

В. Власова, П. Лимеров, В. Шарапов. Праздник Параскевы Пятницы в деревне Кривой наволоок на Удоре	140
---	-----

• Арт-факт

А. Сажина. Молодёжная выставка в Доме художника	155
А. Баженова. Северные сказания Николая Фомина	164

• Ы

Пожӧгса челядьлӧн висътьяс	180
Киндасовоса байкаяс.....	185

t.me/komiart

Делимся с вами
новостями в Telegram

Присоединяйтесь
к увлекательному чтению!

Республиканский
литературно-публицистический,
историко-культурологический,
художественный журнал

Республикаса литература,
публицистика, история,
культурология да
художественной журнал

Издаётся с 1997 года четыре раза в год
на коми и русском языках.

Публикация социально значимых тем
осуществляется при государственной поддержке
Министерства цифрового развития, связи
и массовых коммуникаций Республики Коми.

Учредители (соучредители):

Администрация Главы Республики Коми,
Министерство национальной политики
Республики Коми, МОД «Коми войтыр»,
АУ РК «Редакция журнала «Арт».

Руководитель редакции – Татьяна Логинова.

Главный редактор – Павел Лимеров.

Художественный редактор – Юрий Лисовский.

Технический редактор – Роман Пашнин.

Корректор – Алёна Старцева.

Главный бухгалтер – Татьяна Леончик.

Журнал «Арт»

Зарегистрировано Управлением
Роскомнадзора по Республике Коми.
Регистрационный номер и дата принятия
решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г.

Тираж: 1200 экземпляров.

© Журнал «Арт», № 1 (105) 2024 г.

Дата выхода в свет: 25 марта 2024 г.

Руководитель редакции:

Логинова Т. И.

Главный редактор:

Лимеров П. Ф.

Цена свободная.

В оформлении обложки
и заставок использованы работы
(©) Ю. Лисовского.

Адрес редакции, издателя:

167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Карла Маркса, д. 229, каб. 136.
тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru,
www.artlad.ru

**Отпечатано в ООО «Коми
республиканская типография»**

с электронных носителей заказчика
в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов.

Подписано к печати по графику – 15.03.2024.

Фактически – 15.03.2024.

Формат: 70x100 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,48. Заказ № 24-1981

Адрес типографии: 167982, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Подписной индекс:

П4453 по каталогу «Почта России»

Все права на материалы, опубликованные в
номере, принадлежат журналу «Арт».
Перепечатка без разрешения редакции
запрещена. При использовании
материалов ссылка обязательна.

Материалы, не опубликованные в журнале,
редакция не рецензирует и не возвращает
авторам. Публикуя материал, редакция не
обязательно поддерживает точку зрения
автора.

www.artlad.ru

Литература сегодня

Александр
ШЕБЫРЕВ

Александр Васильевич Шебырев чужис 1960
вося май 28 лунö
Кулöмдін районса
Пожöг сиктын.
Помаліс Сыктывкарса
государственной уни-
верситетын экономи-
ка факультет. Уджалис
«Ленин туйöд» газе-
тын корреспондент-
сянь редакторöс
вежысьöдз. Öні веськöдлö
Помöсдін школаса
краеведческой музейöн,
«Росток» литературной
котырöн.
Гижöдъясыс петöны
öтувъя сборникъясын,
«Войвыв кодзув», «Арт»,
«Чушканзі» журналъ-
ясын. Лэдзöма «Олöм
туйті» (2001), «Фараон»
(2019) небöгъяс. СССР-
са, Россияса журналист
котырö (1991), Россияса
гижысь котырö (2010)
пырысь.
Олö Помöсдінын.

Суета... или неясные мысли вслух

Ощущение

Я не видел...
И не знаю
Робингудовой стрелы.
И обратной стороны
Перекопчённой Луны
Я не видел...
И не знаю.
Но я видел в жизни честь,
Убивающую лесть.
Видел – снимки той Луны,
Что с обратной стороны.
Потому, подобно зверю...
Недоверчиво, но – верю:
В веру – в Слово.
В веру – Слога.
В ощущение веры –
В Бога...

Суеверие

Было сказано всем:
От винта!
Так чего, горемыка, стоишь?
Отходи веселей от борта.
Ты – чужой.
Ты – не с нами летишь.
Я бы взял...
Вот те крест: я бы взял!
Суеверный попался пилот.
Он, увидев тебя, прошептал:
Он не тот. Он не тот!
Он – не тот...

Отпускаю

Брек!
Нечестивы Вы, братец, однако...
С кирпичом в кулаке.
С арматурой в руке.
А я – весь! Налегке!
Ба!
Сколько зим, сколько лет!
Ты прошёл белый свет?
Ты искал?
Ты – нашёл?!

А я верю, милейший, однако...
По мою же приплёлся ты душу?
Так не бойся, мон шер, не укушу...
В этой жизни, милок, правды нет.
Помяни моё слово...
И – браво !
Ты прошёл... ты искал... ты нашёл...
Ты вошёл...
Через тысячу лет!
Ха! – но пропал с кирпичом!
Коль
в руках
у меня
пистолет.
Так иди же ты с Богом!
Отпускаю.
Налево...
Направо...

Медно-жёлтым костром...

Золотые слова...
В золочёной оправе.
Драгоценные мысли –
Алмаза сияющий блеск.
Не мои вы. Чужие...
И я любоваться не вправе.
Медно-жёлтым костром
Полыхают родные.
...И слышится треск.

Слова Омара...

Я лечу в темноте...
Безвоздушная яма.
Раздирают на части Омара Хайяма...
Слова:
«В этой жизни безумной не будь дураком,
Полагаться не смей ты на тех, кто кругом!
Оглянись на ближайшего друга:
Он, возможно, окажется злейшим врагом...»
Крик немой.
Слог – не мой.
Боже мой...
Видит Бог, о, мудрейший Омар!
Был я молод, а нынче я стар.
Одряхлел я не кожей – душою.
Не осталось там места покою.
Ниц я падаю... Падаю ниц
У подножия тьмы, у границ...
Между злом и добром нет просвета!
Лебединая песня пропета.
О, почтенный Омар,
Как Вы правы.
Вы правы...
Вы правы.
О, нравы...

Суета

Суета ты, суета...
Ахиллесова пята.
Эх, копьё бы – пополам!
Лук, колчаны – в пыль и хлам.
Али на ногу – башмак?
Али по ноге – тесак?
Али в омут головой
Со своею суею?
...Колокольный звон. Кресты.
Вижу мир без суеты.

В параллельном...

Чересполосица...
Безголосица...
Мир чужой.
Шоу-бизнес как
Кара жизни.
Боже мой!
Мишура и
Прозрачный фантик.
Дивный трёп.
Как я счастлив, что –
Параллелен.
Глух и слеп.

Не хочу...

Не хочу – вопиющим в пустыне.
Не хочу быть один – да на льдине.
В одиночестве мутное эго.
При гордыне не строится Лего.
Расхотелось мне быть и со всеми.
С полупрозрачными, теми,
Кто визжит, находясь не в пустыне,
Кто молчит, озираясь, на льдине.
...Что за странный субъект – нехочуйка?
Чей портрет?
Эй, дружок, нарисуй-ка!

Спасибо...

Отзолотилась роща. Отцвела...
В ранимом сердце поселилась грусть.
За белы ручки радость увела.
Спасибо, грусть... И пусть!
Спасибо, осень жизни, за покой,
За юность беззаветную прости.
Пылает моё время за рекой.
Лети-лети... Грусти...
Я не один на этом берегу.
Со мною делят ложе тень и свет.
Я не спешу, родные, не бегу.
Меня там нет. И тут уж нет.

Просто жизнь

Может, просто – жить,
Есть, дышать и пить?
По заре вставать.
Вечером – в кровать.
Чарку – в выходной.
Утром – к проходной...
Дети. Кошка. Дом.
Тишь и гладь кругом...
Может, просто жить,
Жить и не тужить?
...Это – тоже жизнь...
Только где – душа?
Где родимой плыть
Тихо, не спеша?
Смазанный портрет...
Там, где рамок нет.
Много тысяч лет
Спрячт тень и свет.

Острова

Мои стихи, мои слова...
Как острова.
Там обитают тень и свет,
Но не растёт трава.
Там безнаказанно хитёр
Правитель – Голова.
Его бы – в пламя, да, в костёр...
Но мне нужны дрова.
Из буро-серых островов
Свяжу цепочку слов.
Нелепой фразой кину в тень –
Ну, будь здоров!
Презренным хохотом в ночи
Давится Голова:
– Не можешь ты творить! Молчи!
Убоги все слова!
Ты не получишь никогда
Цветущих островов,
Твоя не свяжет голова
Букет весенних слов!
...Наверно, прав. Или права?
Правитель... Голова...
Я покидаю навсегда...
Прощайте, острова.

Причастие

«У тебя нет ни одного шанса, –
Говорил мой друг скорокопчёный, –
Ты витаешь в половодье Брамса.
А я – жгут, я – Вагнером сплочённый.
У тебя нет ни одного шанса.
Этой жизнью правит закалённый.
Ты – дитя распутного романса.
А я, видишь, – «Битлом» окрылённый!»

– У тебя нет ни одного шанса, –
Прошептал я. – И слова – суровы:
Принимал я – причащение Агнца.
Но не Буйвола, то бишь коровы...

Не приходи...

Прости меня, предутренний рассвет,
За то, что в этом мире мира нет.
За нецерковный звон ты нас прости.
Не приходи, не приходи...
Прости меня, таинственный закат,
За то, что в побратимах враг и брат.
За душу нашу грешную прости.
Не приходи, не приходи...
Прости меня, безликая Луна.
Что я – один на льдине, ты – одна.
За думу мою смутную прости.
Не приходи, не приходи...

Очертания

Очертания реальности размыты.
Овцы полуцелы. Волки сыты.
Мне не нравится такая данность.
Что-то полуложное, обманность...
Непонятна иллюзорность краски.
На холсте нет лиц, а только – маски.
Полуобнажённая Джоконда
С чёрным пистолетом Джеймса Бонда...
Что за напасть? Помутился разум?
Помутился. Безнадёжно, сразу...

Отпусти меня...

Отпусти меня... Не жми до боли.
Верному – да захотелось воли.
Разожми звенящие оковы.
Они – не новы.
Увы, не новы...
Отпусти... В минуту вдохновенья
Разорву я в клочья эти звенья.
Улечу свободной птицей в небо.
Где раньше не был.
Увы, там не был.
Отпусти меня... Я заклинаю.
Крови зов. Хочу в родную стаю.
...Боже мой... Меня ты отпускаешь?
Так неожиданно...
Ты знаешь...

Река

Течёт вольготно, не спеша,
Бордюры шинами круша,
Откуда-то издалека
Автомобильная река.
Когда-то сей рекой вскормлённый,
Её величьем удивлённый,
Наивно-пылкий и влюблённый,
Попал в немилость.
И пока...
Я ненавижу вас, река!
За ржавость иступившей вилы,
За встречность мысли,
Встречность силы,
За тугодумие быка,
Не уважаю вас, река.
Мой бог, одно теперь желаю,
Молюсь я вслух и заклинаю:
Катись во времени назад!
Стань ручейком –
Я буду рад.

Город и люди

Весь в чёрной вуали.
Но город насадно дышал.
Распахнуты окна.
Величие пластика...
Смог.
Зелёные дали
Когда-то он нам обещал.
Но всё же людей
Отцепить от себя он
Не смог.
Сверкание сабли
Затмил полувойлочный щит.
И нет поединку!
Забубнились наши фанфары.
Тот бедный кораблик,
Тот город, который убит,
Уходит на дно.
В никуда.
В ни во что.
В тары-бары...

Серый цвет

Серый цвет...
Как золотая середина.
Цвет мышей, мешка
И раннего утра.
Цвет усталости.
Щетинистая льдина.
Затёртость ремешка.
Надорванность нутра.
Поёт в тоске
Величья серо-бурость...
Ей хочется скорей
Из темени да – в свет.
Унылый цвет.
Плод зазеркалья, – хмурость.
Там суета теней.
И выхода там нет.

Сон

Сон...
Но первой вернулась усталость.
Потом уже – память.
Потом уже – страх.
Как жаль, что я самую малость
прожить не успел
в своём
сне...
В пух и прах
разнесён
мой дворец.
Моя свита
разбита.
Убита.
Моя карта небитая –
бита.
Моя чаша с улыбкой
испита.
...А я ждал! Но не знал,
что ты – крут.
Здравствуй, милый, родной,
славный Брут.

Взгляд

Не глаза, а – сучки на стволе!
Наползает буграми кора.
Серебро уложилось в стволе.
Взглядом просишь: давай же, пора...
Проникающий в душу огонь.
Но глаза почему-то без дна.
Заклинают: родимый, не тронь!
Проклинают: давай же, пора...
Запах плесени вьётся змеёй.
Запах осени. Вечно чужой.
Обернусь я, мон шер, колеёй.
Стану пеплом.
Но – вслед за тобой.

Деревенщина

Однолюб. Так бывает. Как женщину
Я люблю всей душой деревенщину.
За наивную мудрость, несуетность...
За предсказуемую непредсказуемость.
За шушунно-шабуристость, лапотность,
Самогонность, неспешность, нехлопотность.
За великую силу – терпение...
В час лихой, как всегда, – удивление.
В час беды, как всегда, – отрезвление.
В час Судьбы, как всегда, – озарение.
Но основа основ – всетерпение!
...Как великая, мудрая Женщина,
Верит в чудо моя деревенщина.

Осенняя картина

Снова небо плачет
проливным дождём.
Перебором осень... Неумело...
Дразнится сорока под моим окном:
– Улетело лето, улетело!
Не читает мысли
птичка – божья тварь.
Ей стекляшки кажут изумрудом.
Для меня же осень – просто бог и царь.
Глупая! Ей лето мнится чудом!
Осень золотая мне стирает боль.
Полоскает мысли. Заливает...
Перебором осень.
До-ре-ми-фа-соль...
Перебором осень уплывает.

Фёдор
КОНЕВ

Фёдор Егорович

Конев – киносценарист, писатель, член Союза кинематографистов Республики Беларусь, член Союза писателей Республики Беларусь. Автор множества киноочерков о жизни и судьбах северян. Родился в 1935 г. в с. Мужы Ямало-Ненецкого округа Тюменской области. После службы в армии, вернувшись на родину, работал ответственным районной газеты «Ленинский путь». Окончил сценарный факультет Всесоюзного Госинститута кинематографии в г. Москве. В 1963 г. поехал в Сыктывкар, где открывалась республиканская телестудия. С 1968 г. – член сценарно-редакционной коллегии киностудии «Беларусьфильм» в Минске, с 1991 г. – зам. главного редактора киностудии.

Отчий берег

повесть

Сон

Привиделось Тимке широкое поле, изрытое воронками и вспаханное гусеницами танков. Одиноко стоит он посреди поля, а вокруг него павшие солдаты. Ещё дымится земля, бой кончился недавно. Лежат, как застала смерть, но лица обращены к небу. Среди них должен быть Тимкин отец. Но как его узнать, если не видели друг друга, отец ушёл уже на войну, как он родился?

И тут начинается дождь, он превращается в ливень и смывает с лиц погибших грязь и кровь. Тимка видит себя, только не мальчишкой, а годами старшим, и понимает, что это его отец.

– Идём домой, – говорит Тимофей. – Тут всё чужое.

И он идёт чужими полями, чужими лесами, воды переплывает, горы переходит и видит – вот она сама Обь. А всю дорогу над его головой летело белое облако, невеликое собой и очень светлое. Тимофей идёт берегом реки на север и просыпается, когда завиднелось родное село.

Тимкина тайна

Родился и рос Тимофей в старинном селе, что стоит на левом берегу Оби в её низовьях. С одной стороны – река до горизонта, с другой – тайга до бесконечности. По крайней мере пешком не дойти до края. На меже этих приволий и жил Тимофей.

В незапамятные времена его предки – зыряне, перевалив Урал, вышли на обские берега, поставили посёлки, освоили рыбные и охотничьи угодья, помогли русским служивым людям основать город, который называли Обдорском, что по-зырянски означает – около Оби. В советские времена, правда, старинное название поменяли на ненецкое – Салехард. Теперь уже некого спросить, зачем надо было это делать.

А ведь когда-то зыряне вообще обитали на берегах Камы, в её верховьях. За века, правда, но всё равно большой путь прошли, оказавшись в обских низовьях. Какая ж нужда вела их под Полярную звезду? Влекла прирождённая предприимчивость и охота заглянуть за горизонт?

Но не удовольствие же дышать воздухом, калённым от морозов?

Шли пятидесятые годы, вторая половина, минувшая

война с немцем всё ещё дышала в спину пеклом, однако жизнь людская как-то налаживалась в селе. Страной правил Никита Хрущёв. Он обещал к восьмидесятому году построить коммунизм, но для этого надо старательно поработать. Люди были тем довольны, что хоть ясность наступила, а то ведь шли да шли ко всеобщему счастью, оно же всё отодвигалось, как горизонт. А работали и прежде на износ, понукать не стоило.

Настасья, мать Тимофея, продолжала ждать своего мужа Макара, с похоронкой могли ошибиться. Такие случаи бывали. Да и написано было в казённом извещении – «пропал без вести». А это значит, что никто не видел его погибшим. Она ждала без надежды, умом понимая, что десять лет прошло, как утихла война, и это много. С конца света можно было дойти пешком до дому, и коль не вернулся, значит, не было для него такой дороги.

А душой не могла смириться с тем, что его может не быть.

На двадцать втором году жизни осталась она вдовой, за жалкие колхозные трудодни работала от рассвета до заката, мокла в непогоду, стыла в зимние стужи, но никогда не жаловалась на судьбу.

Теперь Настасье светло думалось, что все невзгоды остались позади. Тимофей помогает по дому, подрастает мальчик, взрослеет и всё больше на отца походит.

Душа Настасьи родилась для счастья, и унынию не было в ней места. Было ради кого жить, а это уже немало. О себе не думала. Дважды сватали вдовую, и это при том, что невест после войны хватало в селе, бездетных. Отказала, мол, и говорить не о чем. «Твой же погиб», – уговаривали подруги, да всё без толку. Настасья слушала сердобольных товарок, а сама думала, что всё может быть, мог и погибнуть, но любовь-то к нему жива. Её не скинешь на обочину. Да и зачем нужен Тиме отчим? Разве можно Макара заменить? Смешно прямо...

Ему отец нужен. Тимофей об отце спрашивает. Он не верит, что отец мог остаться на поле боя убитым. Мать говорила, он был удачливым охотником, на медведя ходил один и стрелял без промаха. Уж как-то справился бы с фашистом.

А почему так долго не возвращается, этого Тимофей не знал. Может, выполняет какое-то секретное задание.

Тимофей имеет представление о том, что такое секрет, у самого есть тайна, о которой ни одна живая душа не знает, которую он не выдаст под пыткой. Под калёным железом... Правда, таких страстей в селе не было до этих пор, ссоры случались – как без них! – но до калёного железа не доходило пока, и вроде не намечается. Но дело же не в этом, а в том, что Тимофей готов свою тайну уберечь.

Ему в том году исполнилось пятнадцать лет.

Если от избы, в которой Тимофей жил, спуститься по косогору к реке, то окажешься у камня, самого большого на весь обозримый берег. Он лежит на песке тысячи и тысячи лет, не сосчитать сколько. В пяти метрах от него находится омут, в котором Тимофей удачнее всего ловит рыбу.

Этот участок берега – омут, камень, да ниже по течению мостки, – мальчик считает своим владением, рыбным угодьем, при весёлом настроении – королевством, а с камнем дружит. Об этой-то дружбе и не знает никто, даже мама. Это Тимофеева тайна.

Как-то с мостков мама полоскала постирушку поблизости от камня, на котором сидел Тимофей. Он ждал, чтобы отнести домой таз с мокрым бельём. И мама подала голос:

- Часто тебя вижу у камня, – сказала она.
- Удочки здесь, – пояснил Тимофей.
- Отец лодку ставил рядом, – сказала мама. – Привязывал к этому камню. Как приплы-

вёт, садился с устатку, помню, сидит, думает о чём-то...

И мягко посмеялась над собой:

– Здравуюсь теперь с ним.

– С камнем? – подивился Тимофей.

– Может, отец услышит.

– Как он услышит?

– Он уехал, а душа-то осталась с нами. Может, в этом камне.

Мама верила в Бога, а Тимофея учили в школе, что это суеверие, поповские придумки. Но ему очень хотелось верить, что есть душа, что она не умирает, а может поселиться в камне и быть рядом.

Тимофей после того разговора с мамой, как увидит камень, так невольно вспоминает отца. Но он даже представить не может, каким он был с виду. Мать говорила, забился в её животе, когда пароход «Гусихин» подал прощальный гудок. На палубе стояли мужики, треть села, среди них Макар. Пели в голос – «Прощай, любимый город». На берегу плакали бабы навзрыд.

Теперь Тимофей тоже здоровался с камнем и, уходя с уловом, прощался:

– Пока!

А то, забросив снасти в реку, садился на валун и подолгу сидел и думал. Ещё недавно всё было ясно в его мальчишеской жизни, а тут стали возникать вопросы, и становилось их всё больше, прямо комариным роем подступали порой. Зачем? Почему? Какой смысл? Откуда? Отчего? И не было им числа, этим вопросам, о которых ещё вчера и знать не знал!

Он не понимал, что всему виной переходный возраст, в который он вступил. А друзья несколько задержались в детстве, и оттого Тимофей чувствовал себя одиноким, ему совершенно не с кем было поделиться мыслями. И он выкладывал свои догадки и домыслы камню. Прямо в привычку вошло с ним толковать.

– Почему люди умирают? – задастся вопросом Тимофей и продолжит: – Жили бы и жили.

Камень, естественно, молчит, так Тимофей сам начинает искать ответ, и воображение уносит его в какую-то другую бытность, в которой всем одинаково хорошо и нет никаких причин воевать. А то в газетах пишут, что опять зреет война, теперь уже с американцами.

– А мы победим? – спрашивает Тимофей.

– Этих янки, что ли? – отвечает стариковский бодрый голос.

Дед Ефимий

Это дед Ефимий неслышно подошёл за спиной мальчика и тут же разговор подхватил, успев при подходе подслушать.

– Зависит от того, чью сторону возьмут негры. Думаю – нашу. В газетах пишут, что бьют их белые. Сколько ж можно терпеть!

Держал он в руках эти газеты! Расписаться не умеет, тамгу ставит. Мозг его от грамоты начисто свободен, потому фантазиями забит.

– Сунутся опять, и камни встанут.

Он погладил ладонью Тимофеев камень и сообщил, что в старину богатырей много было, а потом их не стало. Они оборотились в каменные глыбы. То ли надоедало им биться в бесконечных сварях племён и народов, то ли затаились до поры до времени, до главного призыва, когда понадобятся их сила и твёрдость духа.

– Дед, – смеётся Тимофей. – В прошлый раз ты говорил, что колдун усыпил их, а теперь сами затаились. А как на самом деле?

С памятью огрехи случались у деда, и тут главное – не смутиться, не терять серьёзного выражения лица. Он моментом выдал:

– С колдуном они управились.

– Значит, сами?

– Сами, сами. Разумею, Тима, это военная хитрость. В нужный момент скинут каменный покров и поднимутся в полный рост.

Поверить в эту сказку начитанный Тимофей, конечно же, не мог, однако и то было необъяснимо, почему возле камня так часто думалось об отце. Он ведь тоже был воином, отец.

– О войне ты не думай, – советует дед Ефимий. – Ты живи, Макарыч. Жить хорошо.

А время шло такое, когда самыми расхожими словами были – «только б не было войны». Общая мольба и молитва.

Если камень, омут и мостки – это было урочищем Тимофея, то дед Ефимий тоже имел своё пристанище на берегу – баньку. Она стояла по течению ниже мостков и камня. Дед с первым теплом переселялся в неё до осенних холодов.

Внукам и внучкам она не нужна была, банька. Сельсовет построил общую, так что сельчанам не стало нужды содержать свои, топить, носить воду, дрова расходовать. В просторном предбаннике новой бани продавали сур, самодельное пиво. Так это же культура!

Выходит, дед Ефимий первый в селе завёл дачу, о чём народ здешний представления не имел. Банька была невелика, стояла на сваях, на вид игрушечная, и странно, что река никак не подхватит волнами в бурю, не унесёт вниз по течению это строение.

Когда ни придёт Тимофей к реке, хоть в полночь, застанет деда бодрым и разговорчивым. Спит, что воробышек, трёх часов вполне хватает. А главное для Тимофея заключалось в том, что у деда спроси, о чём угодно, и он ответит. Дед Ефимий хоть и не имел школьного образования, и церковно-приходского тоже, но был таким сведущим, словно пять университетов окончил разом.

И вообще Тимофей рос среди людей, которые разительно не похожи были на нынешних. Как-то иначе к жизни относились, не требуя от неё благ, будто она должна им чего-то, а надеясь только на себя, на свои руки и предприимчивость. При этой деловитости и хватке много в них было природной наивности, иной раз прямо-таки ребячьей. Телевиденья же не было, всякое событие понимали без подсказки, толковали своим умом. А уж мысли в тех умах рождались узорчатые.

Теперь попробуй найди человека, который внятно объяснит, в каком мире живём. А тогдашние люди жили в мире им понятном. Леший, водяной, домовый, банник – неисчислимое множество духов вокруг человека, и с ними лучше ладить, не сердить, тогда и они тебя не обидят, ещё и помогут.

Каждая травинка, каждая мошка, каждый комар-кровосос и безобидная бабочка-однодневка, не говоря уже о берёзах, о елях, о кедрах, о самой тайге и реке со всей уймой рыб в толще вод, имеет душу. Всё вокруг человека живёт той же трепетной жизнью, что и он сам, и всем одинаково больно. Даже камень таит душу. Так считала мама. Так же думали Тимофеевы тётки, бабки, иные близкие и дальние родичи, соседи и вообще всё старшее поколение, населявшее его детство и отрочество.

Дед Ефимий прихлопнет комара, что впился в руку, и говорит:

– Прости, дружок. Но больно же!

И жили эти люди в огромном мире духов, злых и добрых, не путая их, и при всём при этом в каждой зырянской избе любовно содержались иконы, особенно почиталась Божья мать с ребёнком. И молились, большей частью пожилые, с подлинным чувством веры. И как-то устраивались в головах земляков Тимофея чистой воды язычество и православие. И мир им был действительно понятен.

Дед Ефимий говорит, что это полное понимание от изначальных предков пошло, от давних племён, которых русские называли чудью. И оказывается, что она-то и была началом Тимофея – чудь. Да ещё к тому же, оказывается, – по уверению деда Ефимия, – что не исчезли они вовсе, а остались в глубинах времени истоком, как корни в земле, которые питают деревья и травы. Плоть давно истаяла, а мысли и чувства остались вживе.

В знании легенд, мифов, поверий и народных примет равного деду Ефимию в селе не было. Женщины познаниям деда прямо дивились – голова маленькая, а так много помнит.

Дед Ефимий действительно был некрупный телом, со спины за подростка принять можно. Но мужчины уважительно пожимали ему руку, про себя удивляясь живому взгляду старика и упругим чертам молодого лица. Человеку под девяносто, а ни за что не дать таких лет.

Говорит, переболел всеми болезнями, выделенными ему природой, так что одно здоровье осталось в теле. И так может быть, а может и не быть. Пожалуй, не вышел из ребячьего возраста, и в том истинная причина. Изумляется же всему, что происходит перед глазами каждый день, да и к снам своим тоже относится с детским интересом. Их у него не бывает случайных, все с намёком, то есть предсказывают, что будет, только угадать надо. В снах, говорит, мы тоже живём, иной раз даже затейливей.

Дед Ефимий сидит на пороге баньки и рассуждает вслух, глядя на бледную луну:

– Сдаётся мне, что не к добру это. Что скажешь, Тимофей?

Это он про луну, которая проступила на небе, когда солнце всю светит. И ведь не заговаривается старый, ведь знает дед Ефимий, что бывает так, но в воображении возникла мысль, что природа предупреждает людей о чём-то важном, и ничего он с этим предчувствием не может поделать. Обсудить бы это обстоятельство, но Тимофей жёстками даёт понять, что не может ответить, не до этого ему, занят.

Чего это хлопчик пришёл на берег, сел и сидит на камне, в полусотне шагов от баньки? О чём думает? Ефимий человек любопытный, но умеет вести себя, нет в нём назойливости, терпеливый, знает, что любая тайна раскроется, погоди и дождёшься. Он вообще уступчивый в обращении с людьми, потому ни с кем и ни разу не ссорился. Человек думает иначе, но и на здоровье. Чего спорить, нервы тратить?

И только в одном дед настырный, это в том, чтобы звали его Ефимием. По документам он Ефим, но позови так, мягко поправит:

– Отроду Ефимием зовусь и помру им. Ты уж извини.

Не хочет ещё одним Ефимом быть, их в селе шестеро, а так он один на весь район, а то и область.

Правда, старухи говорят, что жена его так звала. Голос у неё был красивый, заслушаешься. По грибы, по ягоды пойдут селяне, перекликаются на весь лес. А она как позовёт:

– Ефимий, ау!

Все умолкают. Почудится, видимо, дива лесная манит. И собой же была очень пригожа, а вышла за неказистого мужика, ростом ниже на голову и гораздо старше годами.

И это был Ефимий. Словами заворожил, не иначе. Он заговорит при настроении, забудешь, куда шёл и зачем.

Жена умерла после родов ещё до войны молодой и здоровой с виду. Врачей тогда не было в селе, акушер только. Старался, конечно, вылечить настоями, но хворь оказалась не по его силам, через неделю скончалась, оставив двух девочек, близняшек. Ефимий в это время был за тысячи вёрст, на берегу Карского моря, на летних выпасах оленьего стада. Связи, конечно, никакой тогда не было. Только через три месяца стадо вернётся на зимние пастбища, и села не минует.

Так что жену усопшей дед Ефимий не видел. Годы прошли, а он не женился больше. Звали единственную женщину деда Зинаидой. Он её хорошо помнил. Во сны приходит, разговаривает с ним, значит, тоже не забыла.

Был Ефимий потомственным оленеводом. Каслал со стадом от тайги до Ледовитого океана. Родился и более шестидесяти лет прожил в чуме. При царе пас собственных оленей полторы тысячи голов. В начале тридцатых годов создали колхоз и стадо отобрали. Но Ефимий остался при оленях и берёт их, как прежде. У человека можно отнять дом, а душу-то не отберёшь, как пистолетами не грози.

Всё прошло, всё миновало, и чужих били, и своих постреляли. И наше бывшее из глубин памяти смотрит на нас скорбно, и один в глазах вопрос – поумнели хоть? Так думал дед Ефимий, всем и всё простив.

Теперь он жил у одного из внуков в бревенчатом доме.

Да так и не привык за годы оседлой жизни к пружинной кровати, голова кружилась. Поначалу даже сваливался несколько раз на пол.

В чуме всё было устойчиво, постелили циновки, на них олени шкуры, а ниже вечная мерзлота. Не укачает.

Дочери уже в годах стали, а всё чего-то не ладили между собой, хотя двойняшки – куда родней! И не ужился Ефимий ни с той, ни с другой. Понять не мог, чего они не поделили. А когда он чего не понимает, тоска подступает к сердцу, и готов он уйти куда подальше, только бы не видеть и не слышать пустые свары. Трое внуков, четверо внучек двери для него держали открытыми, Ефимий из них младшего выбрал.

А того не учёл старый, что внук с невесткой народят семерых деток, одинаково звонких голосами. Голова Ефимия не выдерживала шума, потому сбивался с толку «мыслительный процесс». А дед постоянно думал. Опять же тундровая привычка. Пасёт стадо ночью, сидит на нарте, волчьего воя не слышно, погода тихая, лайки на страже, уши торчком, а над головой небо, усеянное звёздами и так густо, что дивно. И так они набухли, что, кажется, вот-вот дождём сойдут. Не хочешь, да задумаешься, в какой ты мир попал и что такое жизнь – наказание или дар.

Главное в этом деле – задаться вопросом, а затем уж откуда-то появляются мысли. Также ведь удивительно – откуда? Только для этого нужны тишина и покой. Так считал дед.

– Не к войне бы только, – примирительно сказал он, глядя на бледную луну.

И принял без долгих размышлений правильное решение, ушёл в баню и устроился у единственного окошка, похожего на амбразуру, выбрал лучший наблюдательный пункт, говоря по-военному.

Старик видел, что Тимофей всё сидит на камне. Может, рекой не налюбуется. Семь месяцев таилась подо льдом, срок большой, можно соскучиться по водной глади. День назад лёд ушёл.

Но, видать, не только с рекой свидеться пришёл Тимофей, а по какому-то важному делу, если даже не подошёл к старику руку пожать. Похоже, кого-то ждёт. Время вечернее, село затихает, готовится ко сну. Молодёжь в такое время свидания назначает. Вот и у Тимофея, видимо, зазноба появилась, да заставляет ждать парня, негодница.

Друга ищи, а враг сам придёт

На деле так и было – ждал. Днём столкнулся на крыльце школы с Вовкой. Тот шёл на уроки, а Тимофей учился в первую смену.

– Вечером жди у камня, – сказал на ходу Вовка. – Разговор есть, для тебя важный.

Вот его-то и ждал Тимофей, а не вымышленную дедом зазнобу.

Теперь, когда появилось у него своё угодые, почему-то на многих мальчишек напала охота половить рыбу в омуте возле камня. Тимофей догадывался, откуда это шло. Вовка Полуянов своих «шестёрок» посылал, чтобы досадить Тимофею.

А тот и на самом деле никому не позволял рыбачить у камня. А как иначе! Подкормил рыбу в омуте, как лёд ушёл. Для кого он это делал? Для чужого дяди? И его же снасти заброшены. С ними как быть? Выбирать и убираться? Каждому толкуй, что это несправедливо, язык устанет. А в лоб вмазал, вопросов нет. Пока, правда, до лбов дело не доходило.

Он один на весь берег такой большой, камень этот. Выше села мыс, так и называется Каменный, и там навалом этого добра, но такого крупного близко нет. Валун со стороны походил на спящего медведя, уткнувшего морду в лапы. На нём Тимофей мог лёжа загорать. Правда, ноги свисали. Но это не мешало думать вслух.

А кто-то из прислужников Вовки подслушал и доложил командиру, что Тимофей с камнем разговаривает. Вообще-то оно так и было, но с чего тут же появились желающие на том камне полежать? Разлётся и несёт абы какую чушь, издевается. В ответ Тимофей брал ведро, в котором носил улов, набирал речной ледяной ещё воды и преспокойно обливал незваного гостя.

Иной не выдержит и накинется с кулаками, а Тимофею только этого и не хватало. Один на один, то есть в честном бою, он чаще побеждал своих ровесников. Верткостью брал, ловкостью и удар, конечно, держал.

Вовка на год старше и ростом выше. Правда, на турнике висит дохлой рыбой, два раза не подтянется. Или придуряется, или вправду не может. Но он придёт не один. Тимофей догадывается, что встреча не кончится тихо-мирно, Вовка поставит какие-то условия, негодные Тимофею, унижительные.

Так что опять снова да сначала! Всё село считает Тимофея задирой, а у него к дракам нет никакого пристрастия. Но как-то так складываются обстоятельства, что вынужден довольно часто пускать кулаки в ход.

После очередной стычки нельзя по улице пройти спокойно. Поучают и поучают. Драться нехорошо. Вырастешь хулиганом, в тюрьму посадят. Этак в основном пожилые будущее рисуют. Помоложе бабы при встрече погладят волосы, жалеют вроде, а при этом говорят, что ремня отцовского ему не хватает. И подзатыльник дадут в воспитательных целях. Мужики больше угрожают – поймаю, уши надеру. Ты прежде поймай, потом хвастай.

А Катька Рожкова вообще непонятно чего придирается. С вицей в руке идёт, непременно дотянется до мягкого места. И ловкой же оказывалась. Хоть бы раз промахнулась! И ведь не со зла. Тимофей по глазам видел. Глаза-то печальные.

Мама говорила, от душевного расстройства. Сама мечтала родить сына Макару. Замуж собиралась, да не её сосватали. Со зла вышла за первого встречного, а человек оказался хороший. Ещё и с войны вернулся целым. Дочка растёт. Чего Катьке не хватает? Дочку Любой зовут.

Дед Ефимий продолжал сидеть возле амбразуры и ждать, что будет дальше. Он не однажды видел, как Тимофей проверял свои удочки, да забрасывал их снова, потом садился на камень, думал о чём-то, но так подолгу не сидел. Непоседа же невозможный, живчик, ходить не умеет, всё куда-то бежит, будто со всех сторон зовут его интересы. А тут грустит, печаль какая-то на душе, видеть.

Конечно, деда ни коим боком не касаются раздумья мальчишки, но хотелось бы знать, о чём они. Макар вспомнился, батяка мальчика, так тот с рыбалки или с охоты приплывёт, поставит лодку и непременно посидит на том камне. Смотрит на реку, улыбается каким-то своим мыслям.

Дед Ефимий уже тогда летовал в баньке, недавно срубленной, ещё молодой, пахнувшей смолой. Так дед берёт для виду ведёрко, идёт на близкие от камня мостки, будто воды зачерпнуть, и спрашивает:

- О чём задумался, Макарушка?
- Сколько ж воды утекло, дед? – спросит. – За века-то!
- Ведёрко есть, – предложит дед. – Померяем?

Иной раз не ответит, улыбнётся только. А всё ж вроде пообщались. Макар улыбочивый был. Таких людей, светлых ликом, дед уважал. И был уверен – все они родом из чуди.

Он прикрыл глаза, чтобы яснее увидеть в памяти Макара, сидевшего на камне, обхватив руками одно колено. А ведь точно так сидит мальчишка, будто кто научил. Ненадолго и забылся Ефимий, а открыв глаза, увидел уже стоящими друг против друга Тимофея и Вовку. В шагах пяти от них толпились человек десять ребят. Видимо, пришли сразу после уроков, сумки при них были. Дед всех по имени знал. Эти всегда кучковались вокруг Вовки.

Прямо как духи явились. Те из воздуха возникают, нет их, нет, да раз и стоят, пустыми глазами хлопают. У деда такие встречи были за жизнь, и от людей слышал, от пожилых.

Что Тимофей один против целой ватаги оказался, деда насторожило. Он знал, что отношения этих двух ребят, Тимофея и Вовки, были не лучшими. И надо бы ведёрко найти и сделать вид, что идёт за водой на мостки, а на деле в разведку. Но куда-то делось оно, никак не найти. Урес спрятал, банник. Кому ещё вредничать?

Так что события начались без деда. Вовка спросил Тимофея:

- Ты с ними или с нами?

Село извечно делилось на две части – на южан и северян. Те и другие имели свои армии, и Тимофей понимал, о чём спрашивает Вовка.

- Я сам по себе, – ответил он.

– Так дальше не пойдёт, – покачал головой Вовка. – Если ты наш, все права за тобой. Если нет, рыбалку кончай. Иначе снасти конфискуем.

И стоит сам собой довольный. Он вообще любит распоряжаться, указывать, поучать, и всё это делает с таким видом, словно все глупые, он один знает, кому какое место на свете. Почему-то решил, что раз он сын секретаря райкома партии, то имеет право.

А выглядит-то как! В новом костюмчике. Беленькая рубашка, накрахмаленная, галстук. Прямо красавчик городской. Часы на руке! Ни у кого из мальчишек нет такого богатства. Тимофей в сравнении с этим щёголем голь перекатная, шпана. Отцовы штаны на

нём, перешитые, штопанные-перештопанные, заплат больше основы.

– Это с какой дури, – спокойно спросил Тимофей, окинув взглядом Вовкино сопровождение, среди которого не увидел своих друзей, – я должен уходить?

Вокруг Вовки кучковались в основном дети начальства и откровенные «шестёрки».

– И куда мне идти? – продолжал Тимофей. – Где та граница, что на замке?

– За той баней, – ответил Вовка, махнув рукой.

Явно только что придумал.

– Так и деда выселите? – удивился Тимофей.

А тот как раз идёт с ведёрком в руке. Слух-то у него хороший, всё слышал.

– О себе думай, – посоветовал Вовка. – Последний раз спрашиваю – ты с нами или нет?

– Я с дедом, – сказал Тимофей и приобнял за плечи запыхавшегося от быстрой ходьбы Ефимия.

– Шутить он будет! – скривил лицо Вовка. – Тебе помочь или сам соберёшь удочки? Камень тоже можешь забрать. Слыхал, разговариваешь с ним. А друзей не бросают.

Тимофей снял руку с плеча деда и шагнул вперёд. Драться не собирался, но Вовка этот шаг принял за начало. Тимофей же хотел проявить трогательную заботу, поинтересовался:

– В лоб не хочешь?

Вовка отступил назад, споткнулся о камень и еле удержался на ногах. Но тут же приосанился, сделав вид, что намеренно освободил место вокруг Тимофея. Властно поднял руку, как полководец какой, выждал паузу и бросил небрежно:

– Куча мала!

Сам отвернулся и сел на камень, забросил ногу на ногу, красиво получилось, вальяжно. А ребята, радуясь забаве, с весёлыми воплями накинулись на Тимофея, сбили с ног и стали кидаться друг на друга, образуя эту самую кучу, а было их человек десять, накрыли будто колпаком. Дед лупил ведёрком по спинам, по задам, но его даже не замечали в азарте.

Тимофей узнал позже, что изначально шли проучить его. Кучу малу предложил Вовка, и всех это развеселило, потому что давно не устраивали, не упомянуть даже, с каких пор.

От неожиданности Тимофей не успел руки подобрать, они оказались стиснутыми по бокам, не шевельнуть. И голову не мог повернуть. Лежал, как прикованный, а ор только усиливался, уж больно развлеклись пацаны. Беспомощный Тимофей почувствовал, что ему не хватает воздуха, он задыхается в крошечной темноте под крики и хохот мальчишек.

Воротник суконного пиджака так вывернулся, что закрывал рот при вздохе, как клапан. И Тимофей почувствовал, что теряет сознание, что страх ледяными пальцами сжимает сердце, и тьма душит, как смола, заволакивая мозг.

И в этот миг, который он принял смертным, Тимофей почувствовал, что рядом отец. Это было так просто и так ясно, что сразу поверилось. Подумалось, что в этом нет ничего необычного, ничего странного, а так и приходят души близких на помощь. Они оказываются в нашем сознании и подсказывают, как быть. Совершенно спокойный Тимофей подсказывал себе: «Не трепыхайся. Не дёргайся. Не хватай воздух, как рыба на суше. Медленно всасывай. Вот так, молодец!»

А на воле Вовка рубил рукой воздух, считая:

– Десять... одиннадцать... двенадцать...

Братва уже не вопила, чуя, что потеха затянулась. Вовка продолжал:

– Двадцать два... двадцать три... двадцать четыре...

И тогда дед Ефимий накинулся на него с ведром, закричал громко, на весь берег:

– Убьёте же человека!

Голос был такой пронзительный и такой встревоженный, что Вовка испуганно затих, а «куча мала» вмиг развалилась. Все вскочили на ноги, отбежали в стороны и немо усталились на неподвижно лежавшего Тимофея.

Мальчишки испугались не на шутку и растерянно молчали, а дед Ефимий, согнувшись, охотничьим неслышным шагом подкрался к Тимофею и заглянул в лицо. Такого пунцового уха видеть у покойников не приходилось деду. Он выпрямился и обернулся к онемевшему Вовке.

– Доигрались, – сказал с укором. – Милицию звать надо.

– Я ни при чём! – прорвался голос вскочившего с камня Вовки. – Я в стороне был. Вы сами видели. Вы видели!

И ещё бы оправдывался, обвиняя всех, но тут «убиенный» отжался на руках и пружинисто вскочил на ноги. Он просто наслаждался воздухом. Оказывается, так радостно дышать во всю грудь.

И ещё он медлил вставать, потому что хотелось сохранить ту уверенность, что отец рядом. Однако оно растаяло, это чувство. Вокруг мельтешили ненужные ему люди, и Тимофей уцепился за рукав пиджака деда Ефимия, своего верного друга.

– Попьём-ка мы с тобой чаю, – предложил дед. – А луна-то не зря показалась. К добру, видишь...

И они пошли к бане. Ребята подбирали свои сумки и расходились по домам. Разбредались, молча и не прощаясь. Вовка стоял с тремя неизменными провожатыми и смотрел вслед уходящему Тимофею.

– Ничего, – сказал он. – Приползёт на коленях.

Достал пачку папирос и угостил товарищей.

Тимофей шёл рядом с дедом Ефимием и сам себя не узнавал. Как это он мирно бросил поле боя? Надо было спросить Вовку, не хочет ли он всё-таки по лбу, а врезать под дых. И никто этому не помешал бы, потому что справедливо. Настоящие мужчины обид не прощают.

Дед Ефимий говорит, что жить надо в согласии со всем сущим на земле. После такой войны, мол, это всем ясно стало. Кому это всем? Вовке, что ли? Или американцам, которые негров бьют?

Тимофей не перечил, не огорчал деда своим несогласием. Сам-то считал, что надо стоять за себя, если даже весь мир против тебя ополчился. В природе всякая пичужка борется за своё право жить. А человек должен отступить. Скажут: «Встань на колени». Встать или как? Вот что бы ответил отец?

– Укоряешь себя, что Вовке не врезал? – спросил догадливый дед Ефимий.

Их было четверо, но Тимофей не струсил. Он знал это о себе. Новым было для него то, что он понимал, как бессмысленно было бы затеять драку. Это не приблизило бы победу, не помогло бы сохранить за собой берег. Его занимал более важный вопрос, и он спросил:

– Душа... Это что, дед?

Сомневаться в том, что дед Ефимий не ответит, Тимофею даже в голову не приходило. А дед пожал плечами и сказал:

– Не знаю.

И несколько не смутился. Сколько-то шагов прошёл молча и признался:

– Зинаида моя говорила – солнышко.

Оставлять человека в полном неведении, тем более мальчишку, дед Ефимий никак не мог, потому пояснил:

– У каждого человека есть своё солнышко. Пока оно светит, мы живём.

Враг он и есть враг

Как-то поутру нёс Тимофей с берега домой ведро с рыбой, привычный улов. Встретился Васька Сухой, остановил, заглянул в ведро и сказал только одно слово:

– Ого!

И разошлись. Мирно. А оказалось, что Васька забежал к себе в сарай и со своими удами спустился на берег, к валуну. Тимофей всегда забрасывал в реку два перемёта с шестью крючками каждый и спускал в омут вершу. Васька Косой его снасти спутал и бросил мотком у камня. Своими заменил. А вершу Тимофееву оставил себе, у него такой не было.

Но зачем ему эти старания нужны были, понять Тимофей не мог. Отец Васьки работает мастером на рыбоучастке, в просторном цехе стоят чаны отборного сырка и муксуна, то есть тонны нежной малосолки, которую в Кремле едят. Уж домой-то угощенья приносит родитель, небось. Неужто соблазнится папаша Васькиными ершами, окуньками да щучками? Ну, конечно, иной раз и щокур попадётся, налим. Но разве же это сравнить с теми деликатесами, которые творит своими руками Гаврила? Так звали отца Васьки. Говорили, мастер, каких мало.

– Сумрачный человек, – сказал о нём дед Ефимий, – ни друзей, ни собутыльников нет.

А до войны каким был! Рубаха-парень, весельчак, плясун и певун. Девки чуть ли не дрались из-за него. А он учительницу выбрал. У самого ни класса грамоты. А приданое молодой жены – книги. Всё село веселилось – богатая невеста! А Гаврила несёт по селу туго набитые книгами авоськи, сияет во всё круглое лицо и говорит:

– Подучит жена, и все до одной прочитаю.

Он жену на руках носил. Не при людях, конечно, напоказ тогда стыдились, но дед случайно видел. И ведь научился бы читать Гаврила, жены не ослушался бы.

Но война будто поменяла человека, ушёл на фронт одним, вернулся – не узнать. Он ведь и финскую прошёл, и до Берлина дошагал. На той проклятой земле контузию головы получил.

– С того часа в сумраке живёт, а там все они...

– Кто все?

– Ну, кто, кто? Не ангелы же.

Эти сведения Тимофей от деда Ефимия получил.

– Ты остерегайся Васьки на всякий случай, – добавил дед, – хотя не понимаю я этого парня. Гадаю вот – кто он?

Тимофей не собирался разгадывать Ваську – враг он и есть враг. Захватил чужую территорию, закинув свои переметы и устроив на дне омута чужую вершу. Кто он после этого?

По совету деда Ефимия, миролюбца, попытался Тимофей выяснить, какая муха укусила Ваську, так много чего услышал в свой адрес. Оказывается, Тимофей с этих пор не имеет права подходить к камню, иначе Косой свернёт шею. Да ещё, мол, скажет – так и

было. Тронет уды – зубы на песке будет собирать. И лучше Тимофею обходить это место за километр, сохранней будет голова на плечах.

Ну, враг, чего от него ожидать?

Один справиться с ним Тимофей не мог, об этом и думать нечего было, а друзья-товарищи увечья не хотели, даже просить о помощи не стоило. Васька бил головой как тараном, доска раскалывается, а ему не больно. Правда, этого Тимофей не видел своими глазами, но люди говорили. И старше он Тимофея года на три, ему жениться пора, а он ершей ловит. В его годы на Большой Оби осетров берут плавными сетями, а не крючки червями наживляют. Кстати, Косой – это не прозвище, а фамилия.

Васькина мама – Ираида Ивановна – в начальных классах учила Тимофея и говорила, что мальчик способный, есть интерес и память цепкая. Она была ещё не старой, но как-то сильно увяла, и её прежде лучистые глаза притухли. Да и ходила она как-то боязливо, старалась никому не мешать, всем уступала дорогу, а с лица не сходил испуг. И только в школе с детьми возвращалась в себя, в ту улыбчивую миловидную женщину, которая говорила Тимофею, что ему надо учиться.

Обитали они – Гаврила с женой и сыном – на окраине села, на отшибе, и мало кто знал, как им жилось в старой избе под огромной елью.

Тимофеева мама Настасья очень возмутилась разбойным поступком Васьки, о чём узнала от соседок, и собиралась поговорить с ним, разбудить совесть, она у всех есть.

«Может, и есть, – подумал Тимофей, – но не у Васьки». И маму попросил не унижаться.

– Я сам, – заявил он.

– Как отец, – вздохнула Настасья. – Тоже всегда – «я сам». Большим становишься.

Забыла, что сама учит сына своей головой думать, своими руками делать и чужого не брать, даже дырявого ведра, во всём и всегда обходиться без нянек.

– Так я с Ираидой Ивановной повидаюсь, – продолжала мать. – Она мужу скажет. Отца-то слушается этот негодник, наверно.

– Ну, мама! Я же сказал – разберусь сам.

Просить Ваську без толку, он не считался ни с кем. Любого встречного пихнёт, если тот слабее, конечно. Идёт Косой по тротуару, навстречу малец, так обязательно столкнёт в грязь. А если девушка подвернулась, так больно ущипнёт. И гогочет. Это для него забава. Приходит в магазин, очередь как не видит, суёт деньги продавщице, подавай ему первому. Первобытный человек!

В самую полночь дед Ефимий очнулся с таким чувством, что кто-то появился на берегу, сон стариковский чутко, что у белки. И кого какая нужда привела в такую пору? Вечером на глазах деда Васька поднялся по трапу на речной трамвайчик, чтобы укатить в Салехард по своим каким-то делам. Как Тимофей сказал – вызвали гвозди забивать лбом. Ох, и зол мальчишка на Косого!

Дед ушёл с причала до отплытия судна, и всегда он так поступал, потому что его интересовало только одно – кто приехал. А встречал он каждый теплоход и трамвайчик, благо пристань поблизости, а свободного времени с избытком. Люди говорили, что ждёт жену старый. Как-то надо объяснить его приходы на пристань. Вот и пустили слух, мол, чудит Ефимий, да иначе он и не умеет жить. Будто кто-то своими ушами слышал, как дед на вопрос, кого ожидает, ответил – жену.

И главное же в том, что этот таинственный кто-то прав оказался. Деду Ефимию немало времени назад, но уже после того, как стройные красивые теплоходы заменили колёсные суда, сон приснился. А привиделся деду пароход «Гусихин», когда-то увёзший

Макара и треть села здоровых мужиков. Ефимий не подлежал призыву, уже за шестьдесят перевалило. И вот снится ему, годы спустя, «Гусихин» плывёт, и дед знает – за ним. Уже виден дым из трубы, чёрные клубы. Над рекой пасмурно, в сумерках потемнела вода, небо затянуло серой мглой, а из-за далёкого мыса появляется пароход, и весь он светится, будто оказался в солнечном облаке. Можно было подумать, что время вечернее, на пароходе включили все лампы, вот он и сиял. Но нет, не от ламп разливался свет, а было такое впечатление, что снисходил он с неба. Это солнце пробилось сквозь серые тучи и сопровождало пароход, который приближался к селу, бойко хлопая плечами, будто в ладоши.

Осторожно прильнув к причалу, чудное судно замерло. Молодая Зинаида тянула с борта руку и торопила:

– Ну же, Ефимий!

Одета была в такие дорогие одежды, что царицы не носили, а на голове сияла золотая корона. А тут уж и гадать было нечего – дочь Солнца. Дед Ефимий впервые в жизни растерялся. Руки-ноги непослушными стали, будто судорогой свело, а пароход стал отходить. И сон на том оборвался.

Но с той поры дед уверен, что жена его была дочерью Солнца.

С той же уверенностью, что Васька уехал, пришёл в ту ночь на берег Тимофей. Он придумал каверзу, которая может полностью отбить охоту врага к омуту. Вершу опускают на дно, и от неё змейкой выползает на берег верёвка, конец которой намотан на колышек. Потяни за неё, и вытянешь снасть. Рыба заплывает в сетевой или ивовый мешок, а назад выбраться не может.

А что, если в самую полночь улов забирать? Ваське надоеет утром вытаскивать пустую вершу, и он пойдёт искать другое уловистое место. Естественно, камень останется за Тимофеем, Косой не утащит. И омут тоже не заберёт. Победа?

«А это не воровство?» – подумалось Тимофею, но эту мысль перебила другая. Какая же это кража, если снасть у тебя отобрали? Это контрибуция. Вот это что. Но сомнение, однако, не прошло. Контрибуцию платит побежденный. А кто-то победил Ваську? Может, Тимофей?

Мысли всё возникали и возникали, одна другую тесня, будто устроили мальчишескую бучу, – все кричат, а никто никого не слышит. Но Тимофей всё-таки согласился с тем, что воровать – последнее дело. Но как-то же надо бороться с Васькой. Не стоять же чучком да смотреть на то, как тот несёт домой ведро, в котором Тимофеем подкормленные рыбины хлещут хвостами.

Теперь, когда Тимофей отказался от боевого замысла забирать улов, он понял, что и пришёл-то на берег в полночь не за наживой. Рыбу можно наловить и в другом месте, в реке её много, всем хватит.

Тогда зачем он пришёл?

Тимофей старался представить, как отец пристаёт к берегу, выбирается из лодки, причаливает её, а потом садится на камень и отдыхает, отмахав вёслами километров десять.

И Тимофей подходит к тому камню, садится, сгибает одну ногу и обхватывает руками. Мама говорила, так сидел отец, а она спускалась к нему по косогору. И жизнь казалась им вечной в те минуты.

Природа дремлет в летней истоме, дивные белые ночи в самой поре, солнце, чуть коснувшись речного плёса, начинает восходить, всё шире раскидывая лучи, будто обнимая всё окрест и Тимофея заодно. От его лучей щекотно глазам Тимофея, и он щурит-

ся, но не отворачивается. Всею своей сутью, всею душой Тимофеем чувствует жизнь, и не только не хочет, а не может поверить, что отца нет в этом чудном мире. Его не хватает Тимофею, отца.

А в это время по кособоку к реке спускался Вася Косой. Никуда он не уехал, твердо-лобый, по какому-то делу забегал на речной трамвай и соскочил, а Тимофеем того не видел. Дед Ефимий появился в дверях баньки и на всякий случай предупредил Тимофея:

– Вася идёт. Это ничего?

А Косой уже рядом. Убежать Тимофеем ещё успевал, но он кинулся к колышку, схватил верёвку и вытянул снасть. Так же ловко открыл донышко верши, вывалил обратно в реку весь улов и сказал:

– Пусть живут.

Вершу с открытым донцем бросил в воду. Тут уже Вася поспел и ринулся на Тимофея. А тот верткий, его поймать, что воробья. Вася с разбегу чуть не плюхнулся в воду, еле удержался на краю омута. Тимофеем вскочил на камень и теперь оказался выше врага. И странное чувство охватило его, будто поменялся он в эти минуты, будто внутренне стал другим, суетность покинула тело, а появилась твёрдая вера в свои силы. Он стоял на тверди, а враг внизу, на краю омута, и был совсем не страшен со своей стенобитной головой. Тимофеем с холодной уверенностью готов был прыгнуть на Васю и сбить его с ног. Сам повалится на песок, а Вася бултыхнётся в омут, вынырнет и будет мычать, забыв все матюги от Тимкиного кулбита.

Так бы и поступил Тимофеем, но прежний, а теперешнему, новому, того было мало. Это будет пустой вознёй, а не победой. Штаны Васи высохнут – и весь результат. А надо такое придумать, чтобы Вася обходил камень за версту, чтобы о нём дурные сны снились по ночам.

Неожиданно за спиной Тимофея послышался голос деда Ефимия, который спокойным голосом сообщил:

– Побьёшь малолетку – посадят, Василий. Я свидетелем пойду.

Пришёл старый выручать мальчишку. Откуда было знать Ефимию, что Тимофеем переступил только что порог детства, и никакой он не малолетка? За себя постоит. И за всё справедливое вокруг себя, если уж честно.

Милиции Вася боялся, видимо, не кинулся на Тимофея, остудил себя угрозами.

– Поймаю в лесу без свидетеля, утоплю в болоте, – обещал Вася.

– За что? – подивился Ефимий. – За десяток ершей?

Тимофеем усмехнулся. Для Васи вопрос деда был непосильным. Едва ли он вообще думал. Жил и всё. Рыбы тоже живут, не думая. Щуки, к примеру.

– В тюрьму сяду, но увечу гадёныша! – продолжал Вася.

Наобещал с короб и стал вытаскивать перемет, складывая шпагат кругами у ног. Уда шла туго, не пустой была явно, на каждом крючке по рыбине, пожалуй.

– Идём, – позвал дед Тимофея, подал руку и помог спрыгнуть с камня. – Мы с ним не управимся. Что поделаешь?

Они пошли по песчаной кромке берега. Тимофеем всё думал, что же с ним было недавно. Он даже оглянулся и посмотрел на камень. Отчего почувствовал вдруг такую уверенность, будто силы удвоились?

А то ж отец был рядом. Истинно же так!

– Дед, скажи, – обратился мальчик к старику, – откуда приходят мысли? Кто-то будто подсказывает – не делай так. И правильно подсказывает.

– Это чья-то душа рядом с тобой. Не одни мы, Тимофей, не сироты. Только мы их не видим. А они видят нас. Так вот, Тимоха, обстоят дела.

Деду поговорить бы обстоятельно о том, как устроен мир, чтобы знал Тимофей и не путался в понятиях. Настасья, конечно, воспитывает сына, но отца не заменит. Она женщина, ей рожать природой дано, а закалять к жизни, мужской характер ковать должен отец. Растут мальчишки под опекой женщин. Какими будут мужиками?

Вот уж забота деду Ефимию! Вот уж печаль! Теперь всю ночь будет ворочаться, пытаюсь понять, откуда появился фашист, из какого ядовитого болота вылез? Сколько по всей стране безотцовщины оставил проклятый.

– Я пойду, – сказал Тимофей, как подошли к баньке. – Мать потеряла меня.

– Иди, Тимофей, – живо отозвался дед. – Не огорчайся. Мы с тобой что-нибудь придумаем. И другое рыбное место найдём.

Тимофей только подумал, а не стал говорить, что другое оно и есть другое, без камня, без мостков рядом, без омута.

– А ты заметил? – спросил дед. – Грозит, а глаза не злые.

Это он о Ваське. Тимофей не стал отвечать.

Новое прозрение Ефимия

Оставшись возле баньки, дед Ефимий смотрел на уходящего мальчика и мысли о фашистах отложил в сторону, потому что в них не было срочной потребности, как-нибудь позже разберётся, а возникла другая, которую нужно довести до полной ясности, иначе покоя не будет.

Глядя на уходящего мальчика, дед Ефимий вспомнил тех сельчан, что не вернулись с войны. Они прожили свои короткие жизни у него на глазах. Наезжая из чума, видел их мальчишками, а как обосновался в селе, считай, каждый день встречались, замечал, как выросли, а там и на свадьбах гулял. Крепкие были мужики, труда не чурались, строили добротные, просторные избы, потому как бабы им детей рожали чуть не каждый год...

Где они – Касьяны, Герасимы, Михаилы, Федосеи, Иваны? Не могли исчезнуть бесследно. Не соглашалась с тем душа деда, что их не стало.

И в это время Тимофей наклонился, поднял камушек и пошёл дальше, подбрасывая его и ловя ладонью. Так ведь и у Макара, отца мальчишки, была такая привычка, всегда нести в руке чего-нибудь, да подбрасывать и ловить на ходу. Но Тимофей этого не видел. Откуда привычка?

И походка же отцовская, легко идёт, как на носках. Ефимий не в этот миг заметил, что сын похож на родителя, и прежде это отмечал для себя. Но в эту минуту дед осознал, что его навестила и зреет мысль, которая раскроет огромную истину. Пока она в тумане, та весомая истина, но Ефимий уже в азарте, он уже чувствует, что она есть, пока никем не раскрытая, и теперь главное – не упустить, как рыбу с крючка.

У деда Ефимия друг был – Викентий Иванович, умер в прошлом году восьмидесяти лет от роду. Так он говорил, что Ефимий обладает даром прозрения. Прямо так научно и заявлял – прозрения. Это означало, что дед своими мыслями способен постичь любую суть. С медицинской точки зрения это большая редкость. А Викентий Иванович медицину знал, полвека работал по этой части. Правда, ветеринаром. Прибыл в село с эвакуированными ленинградцами в начале войны, да так и остался. Приворожил его трескучий от морозов Север.

И вот дед Ефимий в расчёты пустился. Тимофей родился позже того дня, как пароход

«Гусихин» увёз самых крепких мужиков, тем опустошив село. Хорошо помнит Ефимий, как следующим утром шёл улицей, и всё ему будто чего-то не хватало. Потом понял – мужских голосов.

Пароход был летом, а Тимофей родился зимой. Макар к тому времени, как родился сын, уже попал на фронт и мог оказаться на передовой, немец яростно наступал.

И что получается? Вполне могло случиться так, что два события – смерть отца и рождение сына – совпали минута в минуту. Вот эта мысль и пришла невольно, да теперь уж точно укрепитесь в затейливом мозгу деда Ефимия. Вражья пуля оборвала жизнь солдата в тот самый миг, как сын родился.

И, выходит, не погиб солдат, а в сыне воплотился.

И прежде спрашивал Тимофей об отце, так явно было из простой пытливости, детской, а теперь слушал бы и слушал. Интересно ему, каким был отец. И глаза при этом задумчивые, повзрослевшие.

Дед Ефимий никак не мог успокоиться от осознания того, что точно такого паренька уже видел однажды. Только много лет назад. Что это за игра природы? Это же что означает? Это же... И чувствовал Ефимий, что высоко взлетает его мысль, орлиные дали открывая. А что, если вообще не умирает человек? Его по старинке отпевают, а где-нибудь на краю света или в соседней деревне он уже плачет в пелёнке. И дед понял, что надо ему поспать, чтобы одолеть эту в его мозгу возникшую мысль. Мозг тоже должен отдыхать. В этом он на своём опыте убедился. И он юркнул в баньку, как в нору, да, переступив порог, оглянулся, но Тимофея не увидел, скрылся за постройками.

Давняя встреча у камня

О сыне думала и Настасья, теряясь в догадках. Может, зря сказала Тимофею, что отец ставил лодку возле этого валуна. Ещё ведь призналась, что здороваётся с ним, с камнем. А теперь из-за этой глыбы сложности у него какие-то. Вовка с друзьями чего-то требует, Васька отобрал омут и до камня не допускает.

Но главное – скрывает, не делится своими заботами. До этой поры был мамин, что нельзя, что можно, от неё узнавал. Открыт был и ясен, не возникало тайн между ними. Если не знает, как поступить, маме расскажет, та посоветует.

А будто подменили, стал другим, ушёл в себя. Сидит за книгой, а мать замечает, что не перелистывает страницы. Это он задумался опять. Что-то очень уж сильно его занимает. Что уж такого секретного затаил мальчик? Может, в какую-то сельскую девчушку влюбился.

Возраст-то самый подходящий, переходный.

Ещё несколько не забылось, как она сама, примерная разумница и недотрога, влюбилась. Это же как в полымя шагнуть.

И с детства ведь знала этого Макара. Росли на одном проулке, считай, каждое утро встречались. Она идёт по тротуару, и он по нему же, навстречу. А тротуар в проулке узкий, две плахи рядом. В сухую погоду вся улица твоя, а после дождей отступись – по колёно в жидкой няше увязнешь. Чтобы разойтись, он брал её за локотки, она старалось больше отстраняться, но грудь-то высокая, всё равно касалась парня. «Привет! Привет!» И весь разговор. А дальше торопливо уходила, будто бежала непонятно от чего. Только сердце чаще билось.

В одно утро не встретился. Она узнала, что уехал в Салехард. Захотел городской жизни, деревня прискучила. Где-то около года ничего о нём не слышала, сама не спрашивала, и никто не докладывал.

Зима прошла, новое лето наступило. После танцев в клубе Настя с двумя подружками спустилась к реке, и все трое устроились в конце длинных мостков, скинули туфли и голыми ногами плескались в прохладной воде. Ледоход был недавно.

И тут по тихой воде без всплеска спустилась по течению лёгкая лодочка, калданка, похожая на большую мыльницу, и за спинами подружек прильнула бортом к мосткам, невольно их пошатнув. Девушки испуганно вскочили – уж не водяной ли! – и увидели парня в летней малице, в кухлянке, подпоясанной широким ремнём – тасмой. Удивились.

– Ты, что ли, Макар? – спросила одна.

– Да он же! – узнала вторая.

Третья промолчала, Настя.

– Рыбы надо? – спросил парень, на неё глядя.

Свежий улов был прикрыт кулем.

– Зачем нам рыба? – ответила самая бойкая из подружек, конопатая круглый год Юлька. – Нам женихи нужны.

Все засмеялись, а парень даже не улыбнулся, не сводя взгляда с Насти. Её подружки, почуяв, что лишние, не сговариваясь и прыская в ладошки, побежали с мостков, а Настя осталась. Она тоже уставилась исподлобья своими чуть раскосыми беличьими глазами на парня. Знала, как мальчишки смущаются её взгляда.

– А тебе? – спросил он.

– Что мне?

– Жених нужен?

– В городе не нашёл? – улыбнулась она. – Там невест много.

Макар выбрался из лодки на мостки, взял причальную верёвку, затащил на песок нос лодки, да ещё привязал к камню, – уж никакая волна не унесёт, – и всё это проделал, не глядя на девушку, похоже, закончив с ней разговор. Но потом он повернулся к её товаркам и твёрдым командным голосом приказал:

– А ну, брысь домой! Спать пора.

Обе уставились на подругу. Та коротко махнула рукой. Идите, мол. Они и пошли. Да всё оглядывались из жгучего любопытства.

И остались они вдвоём.

– Поговорить бы надо, – сказал парень.

– Поговорим, – согласилась Настя.

Настя с Макаром уселись на камень, очень даже удобно устроились рядышком и проговорили до самого утра о том, как снились друг другу.

Вроде неплохую работу нашёл, девушки замечали, квартиру снял, но городская жизнь всё равно не налаживалась. Макар поначалу не понял, что с ним происходит. Чуть ли не каждую ночь идёт он во сне по узкому тротуару, а навстречу одна и та же девушка. И каждый раз остаётся несколько шагов до встречи, а сон обрывается.

Настя смеётся. И ей же снилось, как идут они навстречу по узкому тротуару, как он берёт за локти...

До начала войны оставалось им четыре года счастливой жизни.

Откровенный разговор

Два друга – дед Ефимий и Тимофей – сидели на порошке бани. В привычку вошло у Тимофея приходить к старику, а тот тому радовался. Внучки навещали по утрам, приносили еду со своего стола, но тут же убегали по бесконечным делам. Так что поговорить

толком совсем было не с кем. А Тимофей – толковый мальчишка – и любит слушать. Да и в том возрасте, когда жизнь наваливается со своими сложностями и порой трудно разобраться самому. А дед Ефимий поможет. Вопросы парнишку занимают не пустяшные.

– Дед! – обратился к нему Тимофей на этот раз. – Зачем мне душа? Я её не вижу, не слышу... Какой же она друг, если прячется? Откуда я знаю, есть она у меня или нет?

Ответил Ефимий не сразу, а прежде на реку посмотрел, – сколько веков течёт! – да задержал взгляд, словно подсказку выждал.

– А ты не ищи душу в карманах, Тимофей, – сказал он, положив ладонь на худенькое плечо мальчишки, – а верь, что есть и с тобой она. Во что веришь, в том твоя сила.

– Да мало ли во что я могу верить! – не согласился Тимофей. – Я учительницу спросил – есть душа? Она накричала на меня и с урока выгнала.

– С урока-то зачем же? – огорчился дед.

– А я который раз спрашиваю, – улыбнулся Тимофей. – Всех учителей обошёл. Поповские выдумки, говорят.

– Они грамоте учат, – с уважением в голосе сказал дед. – Читать, писать. И великое им за это спасибо. А я теперь так думаю – душа ведёт нас по жизни. Коль она мелкая, с воробья, скажем, то и ведёт по узкой тропе, да по буеракам, а коль велика, то на большие просторы выйдешь.

Разве кто-то, кроме деда Ефимия, так ясно и коротко ответит на такой сложный вопрос? Едва ли... А почему? Да потому, что дед Ефимий опыт имеет, он эту жизнь изучил за девяносто лет, как дерево от корешка до макушки. Но кой-какие вопросы остались, конечно. Так ведь жив пока и голова на месте.

Тимофей сидел задумчиво, опустив голову, потом мельком взглянул на деда и признался:

– Я так хотел врезать...

– Вовке? – подхватил дед. – Я видел по лицу!

– А вдруг будто рядом кто-то говорит – кулаками ничего не добьёшься.

– Душа отца, – покивал Ефимий. – Это уж даже не сомневайся.

Дед Ефимий смотрел на камень, потом перевёл взгляд на Тимофея.

– А можно тебя спросить? – обратился к мальчику дед.

– О чём?

– Почему не подойдёшь? Обижается на тебя, думаю.

– Тайком от Васьки? – вспыхнул Тимофей. – Никогда! Он захватил мой берег, а я буду по ночам, крадучись, приходить, как последний трус? Нет! Ещё не знаю – как, но я верну отцов камень. Я ему обещал.

– Это правильно, берег ваш, родовой. Говоришь с ним, я слышал.

– И мама здороваётся. Говорит: «Может, услышит отец». Узнают, засмеют, подумают, у нас с головой неладно.

– Кто у нас такой смешливый?

– Ты уж никому не говори, дед.

– Да я сам здороваюсь с ним. Иной раз и поговорю. Это не попусту нас к нему тянет, душа Макара выбрала его обителью. В том не сомневаюсь.

Вовка возник внезапно, дед сказал бы – как чёрт из лохани. А потом и вальяжная тройка выплыла. Оказывается, они подошли к баньке с тыльной стороны и таились до поры. Конечно, подслушали весь разговор.

– Васька – это серьёзно, – сказал Вовка. – С этим дебилом интеллигентного разговора не получится.

Опять в новом костюме, теперь в спортивном, появились в магазине, импортные какие-то. Хвастается – у других нет, а у него есть.

Стоял, скрестив на груди руки, изображая полководца или прокурора, защитника справедливости, в общем, – важного начальника, от которого всё и зависит. Вовка с неким даже пафосом говорил, что речь идёт не о простом камне, не о булыжнике, а о семейной реликвии. На этом камне, мол, сидел пращур нашего друга Тимофея. Представьте себе чувака в медвежьей шкуре и с пикой в руке, от одного рыка которого враги падали в обморок.

– Наша святая обязанность, – продолжал витийствовать Вовка, – вернуть реликвию законному наследнику. Сам же виновник под именем Василий должен быть поучительно наказан, то бишь бит, дабы никогда больше не совершал подобных аморальных поступков.

Вовка был начитанным мальчиком и умным от природы, однако ум его был злым, колючим. Тимофей не сомневался, что в будущем Вовка Полуянов видит себя только начальником, только властным над другими людьми. Чиновник будет ещё тот! Это же он предложил на одном школьном собрании восстановить кой-какие навыки бывших гимназий. Говорили о том, что может поднять дисциплину. Он и выкрикнул на весь зал:

– Розги!

Все приняли за шутку и посмеялись только, а он не улыбнулся, он не шутил. Сам ходил в отличниках, был активистом, естественно, экзекуции минует. Однако и сечь других едва ли стал бы. Но смотреть на действие со стороны мог бы запросто. И мог бы приговор зачитывать, любуясь при этом только своим голосом.

Так думал Тимофей без всякой злости, потому что ему ясны были их отношения. Один хотел навязать свою волю второму, а второй этого не хотел. Тот, второй, почему-то считал, что хватит для свиты Вовки трёх оболтусов.

Тимофей с дедом сидели на пороге баньки, как примерные первоклашки за партой, и слушали страсти Вовки. Дед Ефимий поглядел на Тимофея, показалось, что тот спит с открытыми глазами, так безразлично было лицо.

Тройка стояла и слушала, одинаково улыбаясь, и тем одобряя юмор босса. Будто маски надели – на три лица одна улыбка.

Явно оставшись довольным своим выступлением, Вовка приблизился к Тимофею и сказал:

– Я призову пацанов. И мы заставим Василия забыть это место. Хочешь, пропустим сквозь строй? В общем, камень твой, а ты с нами. Не ошибаюсь?

Ещё сидя, Тимофей подал руку, которую прямо-таки подхватил Вовка, не ожидавший такой лёгкой победы. Он улыбался, рывком помогая подняться на ноги Тимофею, но вдруг лицо перекосилось, и он вскрикнул:

– Больно!

Они стояли лицом к лицу, глаза в глаза, и Тимофей не выпускал мягкую, узкую и слабую ладонь соперника. Свита встревожилась, рванула было на выручку шефа, но Тимофей сильнее стиснул свои будто одеревенелые пальцы. Вовка закричал от боли и замахал свободной рукой, удерживая резвых помощников. Те застыли на месте.

– Обещал меня поставить на колени? – тихо спросил Тимофей.

– Я так... понарошку...

– Прежде ты встанешь. Хорошо?

Он стал медленно сжимать ладонь Вовки. Тот понял, что не выдержит, уже подкашивались ноги, и он слёзным голосом взмолился:

– Только не это... Не позорь... Прошу, Тимофей... Всё! Мир! Сдаюсь!

– Поклянись, что мир, – потребовал Тимофей и ещё раз сдвинул в пальцах девичью ладонь Вовки.

– Клянусь! – вскричал тот во весь голос и, почувствовав свободу, ринулся от Тимофея, взмахивая рукой, будто она горела, полыхала пламенем.

Бежал от боли и стыда, впервые испытал такое унижение и свою слабость. Оставшиеся без приказа охранники двинулись было на Тимофея, но тот вытащил что-то из кармана и спрятал руку за спину. Нож? А кто его знает! Решили, благоразумней спортивной лёгкой рысцой последовать за шефом. А тот уже скрылся за постройками.

Тимофей опустил рядом с дедом на порог. В руке он держал гуттаперчевый мячик. Дед взял, помял тугую игрушку пальцами, вернул Тимофею. И, заглянув в глаза, больно грустными показались, спросил:

– А чего Вовка от тебя хочет?

– Чтоб я стихи писал, – усмехнулся не без горечи Тимофей.

– А ты вроде и так...

– Для него чтоб...

– Это как?

– От своего имени будет дарить. Ну, там одной... А мне – спортивный костюм. Это на первый раз. Правда, поношенный. А так – деньги. Родители дают на расходы. С них платить будет. Десять копеек строчка.

– Мало что-то – десять копеек, – усомнился дед и дальше в расчёты пустился: – Хотя... Десять строк – рубль. Уже деньги. А если сто строк?

– Дед! – воскликнул Тимофей. – Ты вот умный, Володьку знаешь, а не понял, чего он хочет. Ему нужно, чтобы я согласился, чтобы позарился на его изношенные портки.

Дед несколько растерялся, запоздало угадав, что Тимофей не малыми деньгами обижен. Сколько-то сидел с открытым ртом и победно хлопнул ладонью по своему колену.

– А я чего говорю! – страстью вспыхнул дед. – Мало десяти копеек, рубль за строку потребуй. И мармеладом чтобы каждое утро кормил. И мух чтоб отгонял.

Вот и вывернулся с ответом, да ловко так получилось. Нырнул, вынырни – таков принцип деда Ефимия. Не было ещё случая, чтобы с ответом оплошал. Ещё и добавил:

– А ты молодец! Весь в отца. Тот спуску не давал. Может, чайку?

Тимофей промолчал о том, что уже исписана им толстая тетрадь, мелким почерком и всё о ней, об одной. У всех великих поэтов были свои Лауры. А он, Тимофей, рыжий, что ли! Он выбрал Людку с первой парты, у неё самые длинные косы в классе, и она красиво смеётся.

Как Васька стал Василием

Без рыбы не выжить было семье. Её сушили и солили на всю зиму, да корова давала молоко. Колхозных трудодней хватало на хлеб, даже сахаром иногда баловали себя. Тимофей донашивал отцову одежду, перешитую, а у матери был полный сундук ещё царской поры нарядов, бабкины крепдешины да батист. Как раз для работы в коровнике!

Мысли крутились в голове серые и печальные. Но уж лучше пусть они занимают голову, чем гадать, какую месть надумает Вовка. В покое он не оставит, и клятва его мыльного пузыря стоит. Сам дал, сам же и назад заберёт.

На дворе избы Тимофей колот дрова и складывал поленницу на зиму. Кто-то окликнул. Разогнулся, глянул – Васька Сухой. В таких же спортивных, как у Вовки. На две зарплаты живут, чего не купить? Бодрый какой-то и с улыбкой на лице, каким Тимофей и не видел ни разу.

– Не рыбачу больше, – заявил он. – Забирай место, удочки мои тоже.

– А что так? – удивился Тимофей, воткнул топор на стоящую чурку и подошёл к изгороди. – Случилось что?

– Тебе хорошо, у тебя отца нет, – сказал Васька, глядя на Тимофея просветлённо, будто приятной вестью поделился. – Мой был хуже лешего.

– Был? Умер, что ли?

В селе ничего не скроешь. И хоть стояла изба Гаврилы на отшибе, люди слышали крики. Да и Ираида Ивановна не скрывала, что во время приступов от контузии Гаврила бьёт жену и сына чем ни попадя, принимая их за фашистов. А как приходит в себя, ничего не помнит. Везли на лечение в Тюмень, профессора развели руками, мол, эта отметина войны науке неизвестна и потому непоправима.

Василий выручал маму, ей в школу идти, к детям. С разбитым лицом? Прижимал голову к груди, закрывал ладонями, и не расцепить было его рук. Принимал отцовы удары спиной. И по голове попадало. Может, потому учился хуже некуда. Одолел на жалкие тройки седьмой класс и бросил учёбу, непосильную для него.

Не всегда мать с сыном успевали выбежать из избы и уйти к бабушке. Гаврила внезапно запирает дверь и на глазах превращался в лютого воина, готового растерзать врагов в рукопашном бою. Только враги-то были дороже собственной жизни.

Василий просил маму остаться у бабки навсегда, но она говорила, что отец не виноват, его увечила война. И возвращалась. Василий за ней.

И уловистый берег Василий отобрал у Тимофея, чтобы доказать маме, какой он хороший добытчик, как будет нести в дом еду и деньги. Ему обещали работу в кочегарке, строительство которой завершалось. К зиме как раз. А теперь ему ни к чему удочки, и нет нужды бежать из дому. Он стал сильнее отца, как выяснилось. В последний раз они с мамой просто-напросто связали родителя. Такую нашли управу болезни.

Эти подробности Тимофей узнал позже и от самого Василия. И к тому времени даже в мыслях уже не называл его Васькой.

– Так я чего пришёл? – спохватился Василий.

И сообщил, что Вовка подходил к нему и просил прийти завтра на берег. Вечером. Всё село будет. Что-то затеял.

Ответный ход Вовки

Разные вопросы приходилось обсуждать в кабинете первого секретаря райкома комсомола, но впервые решали судьбу камня. Виктор – он сам просил звать его так, меньше официальности – приехал по направлению в школу историком, но руководство решило доверить работу с молодёжью всего района. Выселением камня, как он для себя назвал нынешнюю тяжбу, не предполагал заниматься, но обстоятельства принудили.

Дело в том, что позвонил товарищ Полуянов из райкома партии и попросил серьёзно разобраться с сигналом Владимира, то есть Вовки, сына. Нам, мол, только секты не хватало. Хлещут в хвост и гриву за срыв месячного плана рыбодобычи, а тут ещё карты в руки сами подбрасываем, какой-то дух появился и поселился в камне. Что за бред, выясни, мол. И положил трубку телефона.

После того звонка появился в кабинете Полуянов-младший, то есть Вовка, которого Виктор недолюбливал. Слишком уж старательный товарищ, чересчур правильный комсомолец, какое дело не возникнет, он уже во главе, уже рулит, уже разоблачает и призывает виновных наказать, да так, чтобы запомнили. Когда он говорит о наказании, голос его звенит.

Вот и Тимофей попал под гнев праведного Вовки. И дед Ефимий не избежал его строгого суда. Мутит старое сознание подростка небылицами. Сам своими ушами комсомолец Полуянов слышал байку о том, как дочь Солнца скатилась по радуге на землю, встретила легендарного богатыря Перу, влюбилась, вышла замуж и каждый год рожала ему по ребёнку. Так возникли зыряне.

Ясно, просто и, главное, – убедительно.

Ну ладно, дед, пусть верит, во что верится ему. Но какую науку получает наш советский школьник! Он ведь тоже допускает, что так и было, а никак не иначе.

Виктор слушал и всё более убеждался, что ребята не поладили между собой и Владимир придумал какое-то наказание Тимофею. Тут же Виктор и прекратил бы эту игру, но был же звонок из райкома. Без ответа не обойтись, там этого не любят. Да и Владимира не успокоить, что-то сильно задело человека. Надо найти какой-то выход.

А Тимофея он не очень хорошо, но знал. Серьёзный парень, сосредоточенный в себе, но не собой занят, как Владимир. Даже поговорили как-то, поспрашивал, что интересуется. Отвечал вдумчиво, не по учебникам. Опять же стихи пишет, значит, дано жить в фантазиях. Просил показать – отказался. Значит, о любви, подумал Виктор и не стал приставать.

Что плохого в том, что мальчишка до сих пор ждёт отца? Он погиб в начале войны, когда мы отступали, когда народу пропало немыслимо сколько. Мальчик получил казённую бумагу – «пропал без вести». Пропал, а не погиб. И ждёт.

А с ним рядом светлый безвредный человек – дед Ефимий. Виктор очень уважал старика. Когда встретится, обязательно поговорит. О чём? Да хоть о погоде. Совершенно непритворный человек, открытый нараспашку, как небо.

В общем, Виктор не видел причины трогать камень.

– Он разговаривает с булыжником, – продолжал разоблачать Вовка. – Втемяшил себе в голову, что душа отца слышит его, потому что она в камне поселилась. А внушил эти поповские мысли опять же старик. И что происходит? В районном центре появляется капище.

– Это ещё что такое? – заинтересовался милиционер Максим.

Он год назад отслужил армию и пошёл в милиционеры по идейным соображениям. Считал, что везде нужен порядок, какой был в его роте под командой капитана Цибизова. «Дисциплина – мать победы», – говорил капитан. Милиционер Максим с ним полностью согласен.

– Что за капище? Как-то жили без него, может, и дальше обойдёмся.

– Святилище, – ответил ему Вовка, явно до этого заглянувший в энциклопедию. – А точнее – мольбище.

– Ну, что такое ты говоришь, Володя! – попрекнул Виктор, начиная понимать, что идейный комсомолец обдумал наказание, шуткой не отделаться. – Ну, кто будет камню молиться?

Кроме милиционера в кабинете были ещё две девочки-старшеклассницы, Тамара и Ольга, да сотрудники райкома. Это и был весь актив, никого больше Виктору не удалось заловить по телефону. Все же на реке, да в тайге. Такой погожий день терять не станут

селяне. Девочек Виктор осведомил, о чём пойдёт разговор. Вот Ольга и подключилась:

– Как кто? Моя бабка первая побежит.

– Наших земляков сколько не вернулось с войны? – задал всем вопрос Вовка, заранее зная, что никто не ответит, и продолжил: – Сорок девять человек. Значит, сегодня живут в селе сорок девять вдов. И что, они забыли мужей? Я узнавал в сельсовете, никто из них не вышла замуж. Вы только представьте! И эти солдатки не поверят, что души мужей вернулись домой? И что в этом камне...

– Твоё предложение? – Виктор не сдержал раздражения.

Вовка заметил это, но только усмехнулся и продолжал напористо идти к цели. И потянутся бабки в своих долгополых сарафанах ко святому камню. Он, Вовка, своими глазами видел, как две женщины, проходя мимо, остановились, перекрестились и поклонились камню. Не было этого, Вовка соврал для убедительности. Но, кстати, вполне могло быть. Через очень недолгое время руководство округа прознает про молельню районного масштаба и приедет мозги вправлять.

– Что предлагаешь, Володя? – спросил на этот раз милиционер Максим. – Бульдозером отвезти в лес и пустить ко дну болота? Так ведь утопим единственный бульдозер.

– На школьный двор завезти, – предложила Тамара. – Экспонат ледникового периода. А что?

– Так и туда потянутся долгополые мамки и бабки наши, – предположил сотрудник райкома.

Согласились – потянутся. А это под окнами школы. Выселить на Каменный мыс? Не годится тоже. Сколько лодок мимо проплывёт, со всех отметят – вот он, святой камень!

– Во двор милиции, – сказал Максим то ли шутливо, то ли всерьёз. – Самое то. Никто нос не сунет.

Двухметровый тесовый забор, обнесённый по верху колючей проволокой, конечно, остановит бабок. Но слух же пойдёт – арестовали валун, посадили в тюрьму. А нужны эти сплетни тому, кто звонил? Виктор смотрел на младшего Полуянова, который терпеливо слушал активистов, явно имея свой план.

– Что скажет Володя? – спросил Виктор.

Все притихли и с ожиданием уставились на парня.

– Есть одна идея, – ответил Вовка, скромно потупив глаза. – Через три дня День молодёжи. Предлагаю вечером устроить праздник на берегу. Запалим огромный костёр. Устроим песни и пляски вокруг полыхающего огня.

По мысли Вовки, праздник должен нести идеологический заряд. Закончится это игрой, что под звуки горна семеро старшеклассников поднимут семь вёдер, полных воды, и разом обольют раскалённый в пламени камень.

Вовка умолк.

– И что? – спросил Виктор.

Вовка ответил:

– По всем законам физики глыба расколется на части, а внутри – ничего. Никаких душ. «Прямо иезуит какой-то, – невесело подумал Виктор. – Далеко пойдёт мальчик».

Но с другой стороны, это выход. Молодёжная инициатива в борьбе с религиозными настроениями. А сельчане на них падки, на эти настроения. Без малого двадцать лет прошло с Октябрьской революции, а чуть ли не в каждом доме прячут иконы. Действительно опиум эта религия.

Виктор не сомневался, что отец наверняка одобрил затею сына. И надо позвонить

ему до конца рабочего дня, сообщить о своём согласии. А в том, что камень не треснет, Виктор был уверен.

Единственный выход

Они спустились от камня к воде и по влажной кромке песка пошагали к баньке, равные ростом, шли рядышком начало жизни и её закат. А там привычно сели рядышком на порог и молчали, словно все слова разлетелись и оставили их в пустоте. Им только что Ольга рассказала, что решил актив, а вернее – первый секретарь райкома, выслушав предложение Вовки Полуянова.

Дед Ефимий смотрел издали на камень и вспоминал, как Макар лодку привязывал за него, чтобы ветром не снесло. Это он с рыбалки возвращался. А то с охоты. Присядет отдохнуть, задумается о чём-то, глядя на реку. А тут жена его Настасья сбегает по косо-рогу. Видать, с крыльца дома увидела, муж приплыл. Так вот в памяти Ефимия и живут – он сидит на камне, она по косо-рогу спешит к нему.

– Он твой друг, камень этот, – прервал молчание дед. – Я знаю. И у меня ж был друг, старый ворон. Я его кормил. Прилетал, прилетал, а потом не прилетел. Друзья иногда уходят.

Привалившись к косяку, Тимофей закрыл глаза и молчал.

Дед поднялся на ноги, потрепал кудлатые волосы Тимофея и сказал:

– Против них не попрёшь. Смирись, парень. В смирении тоже есть сила.

Сон у Ефимия чуткий, как сам говорит – птичий. И где-то ж насмотрелся спящих птиц шустрый дед. В полночь услышал шаги и сразу признал – не взрослый идёт. А кому из детей может понадобиться за полночь приходить на берег? Тимофею только.

Уже возле бани полуночник негромко позвал его по имени. Дед не отозвался из хитрости, а выбрался из-под одеяла и устроился у окошка. Тимофей решил, что спит старый, и пошёл напрямик к камню. На плече нёс лопату. Что-то затеял малый.

Белые ночи были в разгаре, деду всё видно, каждое движение мальчика. Вот он сбросил на камень кепчонку, поплевал на ладони, взял в руки лопату и начал копать у самого камня со стороны реки. Это деда встревожило, что-то неладное затеял парень. И старый покинул наблюдательный пост, вышел из бани, накинув на плечи старый халат.

Полы халата волочились по земле, как у царской мантии. Друг Ефимия – ветеринар Викентий Иванович – был высок ростом, да и стать имел, так что халат сидел на нём по-барски. А как могло быть иначе, если Иванович был из дворян. Кроме этого халата из прежней жизни у него ничего не осталось, ни богатства, ни родни. Перед смертью его завещал деду Ефимию, и тот дорожил наследством.

Уже на штык лопаты Тимофей яму вырыл. Он не слышал, как дед подошёл, а тому показалось, плачет малый. И впрямь Тимофей вытер лицо тыльной стороной руки, да почувствовал, что не один, и обернулся. Лицо было мокрым то ли от пота, то ли от слёз. Но откуда ещё поту быть? Только начал работу.

– Ты, Тимофей, это самое... не больно того... может, зря...

Дед Ефимий, бойкий на язык, говорун, какого свет не видал, беспомощно бормотал ненужные слова. Не ожидал он слёз от Тимофея, никогда прежде не видел парнишку в таком расстройстве. Подумал, Васька с Вовкой довели, а оказалось, не угадал.

– Как это – «пропал без вести»? – говорил напористо Тимофей, яростно копая песок. – А командир на что? Он-то должен был знать, куда делся его солдат. Штабы на что? Тоже

не знали, куда теряются солдаты после боя? Я не понимаю этого – «пропал без вести». Не могло такого быть. Неправильно это!

– Война, Тимофей, правильной не бывает, – рассудил дед Ефимий. – Если гибнут молодые парни, что уж тут правильного? И не забывай – немец наступал. Наши погибшие оставались у него в тылу.

Несложно было догадаться деду Ефиму, что парнишка решил от всех спрятать камень. Выроет яму, подкопает под валуном, и глыба сама рухнет вниз. Останется только завалить песком. Утром придут зачинщики, а добычи нет на месте.

Но стоит ли так рисковать? До несчастья очень даже близко. Ещё, чего доброго, сам угодит под валун. Как-то бы надо отговорить от опасной затеи парнишку.

Сбегать до Настасьи, до матери Тимофея, разумней всего было бы, да где же деду прыти такой набрать? И духу же не хватит. Пока доплетётся, Тимофей яму выроет. Уже по колено углубился, до уровня реки, потому пошёл сырой песок, хорошо брался лопатой, не рассыпался. Нельзя мальчонку оставлять одного. И ничего другого дед не придумал, как спуститься самому в яму. Скинул халат, остался в кальсонах.

Халат постелил на дно ямы, Тимофей набросал песку, потащили волоком. С трёх сторон стенки ямы были отвесными, а с одной – полого. Выбрасывать лопатой стало высоко. И дед всё время держался на той стороне, где камень лежал. Если поползёт глыба ненароком, то на него.

Когда яма стала достаточно глубокой, дед посоветовал выбраться из неё и подкапываться под камень с боков. Так неопасно было вроде. Валун рухнул неожиданно, а с ним вместе – Тимофей. Дед не успел испугаться, как услышал голос мальчика:

– Лёг, как надо.

Дед Ефимий поспешно перекрестился, беды не случилось. Тимофей стоял на камне. Всё обошлось, лучше не бывает.

Засыпали они валун, выровняли песок, отошли к баньке, чтобы со стороны оглядеть свою работу. Камня как и не было.

– Ловко ты их с носом оставил, – сказал дед Ефимий, разглядывая халат и прицениваясь, оставлять или выкинуть, один рукав на нитке держался. – А я ж было собрался поговорить с отцом Вовки, больно уж большим начальником ходит по селу его сынок.

– Когда поговорить? – спросил Тимофей. – Ночью?

– А что? Постучал бы в окошко. Вежливо, конечно.

– Ты прямо герой, дед. Секретаря райкома разбудить в полночь!

– А тебе-то надо помочь.

– И что ты сказал бы?

– Чтобы сынок с дружками не обижали тебя.

– Да я как-нибудь сам справлюсь с ними, – возмутился Тимофей.

Дед Ефимий, видимо, решил оставить одежду при себе, складывал на коленях. От песка можно отряхнуть, палкой выбить, рукав пришить, и пригодится вещь, ещё послужит. И он положил свёрток рядом с собой на порожек.

– Теперь никто не потревожит душу Макара, – сказал дед.

– Но приставать же будут, где камень? – ворчливо отозвался Тимофей. – Куда подевали? Кто помог?

– А ты-то откуда знаешь? – удивился Ефимий. – Спал, сны видел. Про невесту.

Дед улыбнулся, тем оценив свою шутку, и продолжил:

– А я видел. Потому как у меня бессонница. И выложу чистую правду.

Узнать бы хотелось «чистую правду», но усталость одолела любопытство, Тимофей поблагодарил за помощь и направился домой. Но в избу не пошёл, разбудит мать, двери скрипят во все голоса, забрался на сеновал и повалился на пыльное сено, как был одетым, и вмиг уснул.

А через несколько часов милиционер Максим арестовал деда Ефимия и отвёл в милицию. Как будто нельзя было в баньке допросить. Видимо, нагонял страху. Так дед же ничего не боится. Чего страшиться безгрешному человеку?

Сидя у окна с решёткой и глядя на милиционера Максима своими бесхитростными глазами, дед давал показания.

В самую полночь накрыло камень белое облачко. Что ж это такое? Не успел толком подумать дед, как оно рассеялось. И на месте камня возник воин в древнем одеянии – в кольчуге по колено и в шлеме. В руках меч держит и щит. Это богатырь очнулся. Может, заколдован был. Может, по своей воле спал. И пошёл по берегу реки на юг.

– Где-то война будет, Максимка, – озабоченно поделился тревогой дед. – Ничего не слышал такого?

Милиционер Максим толку не добился, хотя трижды заставил Ефимия повторить показания. Может, запутается, мол. А чего деду ошибаться, если он истину говорит? В его голове возник образ – поднялся во весь рост богатырь. Только об одном жалеет дед, что не спросил, как зовут. Это, считал он, большое упущение.

Но вот же в чём главное – к изумлению милиционера Максима и всех селян, пропавший камень через год возник и лежит на прежнем месте, на котором покоился много тысяч лет. Зима была долгой и снежной, по весне долго держалась большая вода и смыла, видать, лишний песок, да вечная мерзлота вытеснила валун, и как спало половодье, оказался он полностью на виду. Природа вернула свой порядок.

– Может быть, и так, конечно, – выложил своё мнение дед Ефимий. – Однако чудеса никто не отменял.

Погожий ветреный день

Мостки, омут, валун, похожий на спящего медведя, уткнувшего нос в лапы... За эту пядь обского берега Тимофей воевал прошлым летом, истинно поверив, что душа погибшего отца осталась без приюта. Но вот наступило новое лето, и никто не грозитя расколоть на части камень, чтобы доказать, что нет души и быть не может, никто не предлагает стать «шестёркой». Ныне лови рыбу в омуте сколь угодно. Вовка из ущемлённой гордыни уехал в Салехард к тётке, к родной сестре матери, и там заканчивает школу. Дальше, хвастал, в Москве будет учиться в каком-то особом институте, который готовит кадры руководителей. Тимофей не слышал о таком. Но чего не может быть!

Васька, ныне Василий, стал настоящим другом. Славный он парень, надёжный и во все не вредный. Только очень наивный. Считал, что всем хорошо, а ему одному плохо, потому щипал и толкался. Из-за обиды на свою судьбу. Из-за того, что люди не понимали, как ему больно за маму. А доски лбом он не раскалывал, разыграл, боднул уже треснутую, еле держалась. А видели это мальчишки и разнесли слух по всему селу, как воробыи.

У него же не было друзей, он же понятия о них не имел и привязался к Тиме всем своим сердцем. Вели ему переплыть Обь, тут же и полезет в воду, хоть в бурю. Но Тимка такого приказа не даст. Сам не ходит под чьей-то волей и другому не пожелает.

Дед Ефимий по традиции и этим летом поселился в баньке с первым теплом. Всё таким же вроде оставался живчиком, прямо-таки выбегал из своих хором, как завидит

Тимофея с Василием, и был с ними во всех затеях. Но что-то старый задумываться стал чаще, как заметил Тимофей. Забудется и сидит, будто его и нет. Окликнешь – улыбнётся виновато, сошлётся, что спал плохо.

А уже два раза Тимофей с крыльца своего дома видел поздно вечером одиноко стоящего деда на причале. Уж не ждёт ли светящийся пароход «Гусихин», с борта которого протянет руку жена? И он примет ту руку, чтобы вместе уплыть в какую-нибудь легенду.

У Тимофея своя печаль. Он же добивался того, чтобы на берегу возле камня всё было так, как при отце. А разве это возможно без лодки? Которая была, давно сгнила в труху. Сколько ж лет прошло! Так долго лодки не служат людям. Новую никто не подарит, а сама не приплывёт, не причалит. Купить не по карману. Такие деньги Тимке с мамой и во снах не мерещились.

– Ничего, – успокаивала мама, – будешь работать, купишь.

А это ж сколько лет ещё должно пройти! И всё это время видеть берег без лодки? Тимофей этого не хотел. Он даже представить не мог, как взрослому человеку можно жить на берегу реки и не иметь лодки. Но что делать?

В этом году река вскрылась в середине мая, как обычно. Не успели скрыться последние льдины за мысом, как стали выплывать на гладь реки разных размеров лодки. На больших целые компании устроились, на мелких, на калданках, – парочки. Всему селу видно, у кого с кем симпатии.

За семь месяцев люди соскучились по вольной воде и радовались, как дети. К вечеру ни одной лодки не осталось на причале, все оказались на плаву. И развернулось на реке празднество. Лодки гонялись друг за другом, сходились и расходились, звенели девичьи голоса, сливаясь с эхом, и такое возникло разноголосье, что чайки испуганно отлетели на другой берег и там сидели в тихом изумлении.

Одиноко сидел на камне и Тимофей. Настроение было не поймёшь какое. Рад был, конечно, ледоходу, но чувствовал-то себя на чужом празднике. Василий предлагал показаться на лодке своего отца, но Тимофею не катанье нужно было.

Он не услышал, как подошла Людмила, та самая, которая красиво смеётся, которую он выбрал своей Лаурой. В зырянском сарафане до пят и кофте с широкими рукавами, – бабкины ещё наряды, – она показалась ему такой неожиданной, будто не одна из одноклассниц пришла, а въявь увиделась воспетая Тимкиными стихами девчонка.

– Бегу на берег, – признаётся Людмила, – и вижу, ты один сидишь. Пойдём к нашим.

Тимофей отказался, помотал головой, не отрывая взгляда от реки. Там всё больше становилось лодок. Там продолжался праздник.

– Тогда и я не пойду, – сказала просто Людмила и села рядом. – В школе надоели. Тебе не помешала?

– Да нет, – торопливо ответил Тимофей.

Он заметил, что недавнее уныние улетучилось куда-то, и ему хорошо, ему уютно рядом с этой девчонкой, глаза которой впервые так близко видел. Они были добрые и доверчивые, как у оленёнка. Говорили невесть что, ни связи, ни порядка, но было захватывающе интересно. Не заметили, как завершился день, опустела река. И Людмила сказала:

– Жалко нет лодки, покатались бы.

Много лет назад так же запозднились два милых человека, сидя на камне и расска-

зывая о том, как снятся друг другу. Они думали о будущем, а Судьба уже знала, какая им предстоит жизнь.

Спал Тимофей в эту ночь плохо, сотый раз прокручивал встречу и не мог ответить Людмиле, почему нет лодки. Спрашивал себя – так и будет ждать до зарплаты? Но и её ж не хватит, надо будет копить. Так состариться можно. А сам-то стоит чего? Топор не держал в руках? Пилу не видел? Может, гвозди не забивал?

Вот и подумал Тимофей, что лодки делают люди. А они кто с дедом и Василием? Те самые люди.

Утром раненько спустился к баньке. Дед Ефимий вешал на верёвку свой княжеский халат, постирал в реке с песочком.

– Лодки делал, дед?! – спросил Тимофей.

– Лучше спроси, чего не делал, – спокойно ответил дед, занятый халатом.

– Лодку отца помнишь? – снова спросил Тимофей.

– Ну, как не помнить!

– Отлично! Будешь бригадиром.

Василия дома не оказалось, застал в магазине. Стоял Вася в очереди за хлебом, свежий с пекарни завезли. Взял его Тимофей за руку, увёл на улицу и сказал:

– Лодку буду делать. Поможешь?

– Ты? – несколько опешил Василий. – Лодку? А это... самое...

Догадавшись, что хочет спросить, получится ли что, Тимофей ткнул пальцем в грудь парня и, нисколько не сомневаясь в своих словах, спокойно сказал:

– Мы всё можем.

Ну, раз так, Вася готов. И оказалось, нужней помощника не бывает – мог всё достать. И доски, и гвозди, и паклю, и смолу... У кого выпросил, у кого одолжил, кто сам дал, кто на обмен согласился, но ни в чём нужды не было.

Мастерили лодку на самодельном стапеле за баней, подальше от мостков, с которых женщины брали воду. Излишнее любопытство только мешало бы корабелям. Но от сельчан не скрыться было, бабы как раз меньше интересовались, а мужики все до единого, пожалуй, навестили. Многие сами спускали на воду челны, сколоченные своими руками. Могли и толковые советы дать. Но дед Ефимий в них не нуждался. Весь берег утыкан был лодками, глянь, как у кого сработано, и перенимай. А Тимофей никому молоток не доверял, забивал гвозди только сам, ещё и загибал торчащий из доски конец и вколачивал намертво.

И сотворили три друга, три товарища лодку-городовушку, настолько похожую на прежнюю, будто та обновилась и заняла своё место у камня. И на воде она оказалась очень даже устойчивой и лёгкой на ходу.

Пора было покатать Людмилу, но с неделю минуло времени, как она не появлялась. А приходила каждый день. Тимка даже прогулялся мимо её избы, в которой, похоже, никого не было. Потом выяснилось, всей семьёй ночевали на покосе. А завтра воскресный день. Кто ж работает в праздник? Так что Людмила уже в селе. Тимка был уверен, что сегодня она придёт. Лодка стояла, прижатая течением к мосткам, кормой к берегу, готовая отчалить.

И она пришла.

В ситцевых шароварах и кофте с широкими рукавами из того же ситца – говорят, шьёт сама, – с яркой косынкой на шее, собранной в кольца косой на голове она стояла на мостике над лодкой и была удивительно ладной и трогательной.

Людмила легко перешла с мостков на лодку, та даже не качнулась.

– А это что такое? – спросила она, перешагнув длинный свёрток брезента, лежавший поперёк лодки, и устроилась на переднем сиденье.

Отложив на время весло, Тимофей быстрыми короткими движениями стал подбирать бечеву, брезентовый свёрток вдруг ожил, стал раскручиваться и пополз по мачте вверх, а сильный ветер шумным хлопком распахнул его и надул. Тимка схватил кормовое весло и направил лодку по ветру. И она вольно понеслась, будто птица, расправив крылья.

Никогда в жизни так радостно не было Тимофею, как в эти минуты. Людмила пришла в детский восторг.

– Мы плывём под парусом! – восторгалась она. – Тимка, какой же ты молодец!

И она просила плыть дальше от берега, где волны крупнее. На стрежне они уже ходили, пенясь на гребнях, ворочались, как огромные допотопные животные, и против них маленькая лодчонка не значила ничего, проглотят и не заметят, что проглотили. Для них две человеческие жизни тоже не значили ничего. Вокруг Людмилы и Тимки гуляла гибель, слепая, безжалостная смерть, а они радовались жизни.

Не подобно ли реке жизнь таким же могучим потоком течёт без цели и смысла, неся добро и зло без всякого разбора, без удержу, так что предвидеть невозможно, что и как проявит себя через минуту. И только душа знает пути и безбоязненно влечёт нас вперёд, как парус, наполненный ветром.

Сон Тимофея

Привиделся Тимофею цветной сон. Бежит он, бежит из последних сил. По кромке мокрого песка бежит. Впереди, бортом прильнув к причалу, всеми огнями сияет пароход. И не успел Тимофей, как ни старался. Принял руку жены Зинаиды помолодевший с виду Ефимий и шагнул с причального настила на борт судна. Они стояли рядом на нижней палубе, а над ними, на верхней, от носа до кормы теснились Касьяны, Герасимы, Михаилы, Федосеи, Иваны, земляки, все кому-то родные. Лиц не разглядеть, размыты, будто в тумане, и только один весь чёткий и ясный. Он-то и сказал:

– Я ведь даже не знаю, как тебя зовут?

– Тимка, Тимофей, – ответил сын.

– Так звали твоего деда. Как дела у тебя?

– Справляюсь понемногу.

– Большой стал.

Пароход стал медленно отходить.

– Живи, Тимофей!

Это отец пожелал, а эхо подхватило голос и разнесло по реке от мыса до мыса, повторив ровно столько раз, сколько было народу на палубе.

Артур
УЛЯШЕВ

Артур Иванович Уляшев чужис 1988 воын Кулөмдін район-са Вильгорт грездын. Кывбуръяс босьтчөма гижны школаын велөд-чигөн на А. В. Шебырев юрнуөдөм улын. Йөзөдчө «Парма гор, «Йөлөга» га-зетъясын, «Войвыв ко-дзув», «Арт» журналъ-ясын. Олө Вильгортын.

Юяслөн сылан

Кывбуръяс

Өні...

Кык нэм сайын сартас биён
Олөмаось йөзыс тан.
Өні шуам: «Мый нө сійө?»
Ёна вежсис чужөмбан.

Олөм эськө бурлань мунө:
Колө мый, дзик ставыс эм,
Сөмын асьным лёкас сунам,
Шөйөвошис миян нэм.

Вывті нин ми горшось лоим,
Вежавидзөмыс эз ло.
Быранвийөнөдз өд воим:
Лунысь-лун пыр рочмам со.

Водзын эськө коми мортыс
Ставсьыс вөлі шань да рам.
Парма-вөрыс – сылөн гортыс,
Быдтор вөчны сюрліс сям.

Өні миян ставыс вунө,
Кутшөм вөлі кольөм нэм.
Чашъям-перъям лунысь лунө,
Кытчөдз озырлуныс эм.

Недыр мысти ми вок пиысь
Коми войтырыс оз коль.
Кусас миян олан биыс,
Кыдзи косьмө шор да ёль.

* * *

Колө уна кад да вын,
Медым эськө мыйкө артмис.
Гижөдшойöй – эз вөв тшын,
Сьөлөмөдзид биён вартіс.

Колө изны лыдтөм кыв,
Коланаыс медым сюрис.
Асья руыд моз эз сыв,
Варов ёль моз сяльгис-тюрис...

* * *

Лэчыд кывъя веныд – бур,
Вируляён көть он ойды.
Овлө, сійö сьölөм дойдө,
Нöшта дзугыльмөдлө юр.

Киа тышыд – абу бур.
Бур нин, мынан кө куш лөзөн.
Овлө, көні уна йöзыс,
Верман пуктыны и юр.

Кывйөн водзсасьöмыд – бур,
Он кө асьтö уськөд пежөдз.
Сы вылө и мортлы вежөр:
Колө кужны кутны юр.

Шуд

Менам шудöй абу ылын,
Орччөн тані.
Куим челядь олө-вылө
Меным паныд.

Внук да внучка – сьölөм сетысь
Ыджыд мамлы.
Чайта, бур йöз наысь петас,
Шуд оз ямлы.

Найöс видзан сьöкыд уджыс
Баба рöдын.
Олан сямным водзö вуджас
Вужгөрөдөн.

Менам шудöй – вильышпозъяс –
Ныв да пиан.
Сійö гөрддзасьöма розйö
Менам кийн.

Мыжлөн дон

Дзик öтчыдысь гусьöник
Кампет көрөб гусялі,
Нуи сьöрысь.
Вомö ставсö гылөді
(Весиг синмöй кылавліс)
Сусед йöрын.

Кышөдсө ме гуали.
 Мамукөй кор юалис –
 Ок и сөри!
 Кыз синваён тюргомён,
 Бөрдан гөлөс юргөмөн
 Шызис нөрыс.
 Сидзи батыө өлөдіс –
 Век на мышкөс дөлөдө
 Тасма бөрын.
 Шуа тэныд веськыда:
 «Бура чөскыд эськө да
 Юмов көрыс.
 Гусялөмөн босьтөмысь,
 Юавтөгыс восьтөмысь
 Гөрбө төрис...»

Өтуввезын гижысьяслы

Өтуввезын мунө вен
 Ксения да Маша костын:
 Коді унджык кывбур сэн
 Аслас сьөлөм пытшкысь востас.

Тайө венлөн зык оз кыв,
 Плетьён пель бокад оз швучкы.
 Юргө, быттьө сыланкыв,
 Нөшкөн некодөс оз кучкав.

Кывбуръяссьыс дзик он ум,
 Ордйысьёмыс аслыспөлөс:
 Коркө петө небыд нюм,
 Коркө – серамсора гөлөс.

Мед и водзө мунас вен
 Ксения да Маша костын,
 Сэки унджык кывбур мен
 Лыддьөм вылө сюрас босьтны...

* * *

Мода вылө ме ог ышты:
 Ог на пасьтав пластик кышөд.
 Рөмъяс бөрсаяд ог вөтчы,
 Мортсө востө кө мед стөча.

Уналысь көть синсө вежа,
 Мода вылө ог на кежав.
 Ставлы вочавидза пөся:
 «Новла сійөс, мый мен лөсьыд!»

Öтуввезлы вочакыв

«Лайкаыд» мен весь оз ков,
Кыдзи вывлань лэптöм чуньыд.
Сійöн нинöм дзик он чуняв:
Вый ни, нök ни, весиг сов.

«Аттьö» кывсьыд шуа: «Бур!»
Водзöс ганьлöдлышта юрöн,
Нöшта казтышта на бурöн.
Сьölöм вылын оз ло дур.

* * *

Нэмыс кодi пинясьö,
Омöльторсö вайö –
Пемыдинö инасяс,
Ыджыд томан сайö.

Пинясьöмön олöмын
Нинöм абу бурыс.
Кыйкъялöмön-полöмön
Овнытö и сюрö.

Омöль кывъя мортыдлы
Бур кывтö оз видзны.
Абу медбур ёртыд ни,
Öткөн колян сiдзи.

Воз

Возлы сёйнысö тшöтш колö,
Дзик жö сэтшöм ловъя лов.
Тшыг олöмыд – абу олöм:
Нятшкан сійö, мый оз ков.

Пöt кынöмнад радлö сьölöм,
Весиг видзöдласыд мöд.
Со öд, мойдыс кöнi вölöм,
Кодöс тэ öд он и тöд...

Рака тöлысь

Бордтöм лэбач моз лымйыс усьö,
Водзö поньталö керка выв.
Рака тöлысьöн кадыс шусьö,
Но оз горзöмыс сылөн кыв.

Чизыр вой төлыс пельтө сотө,
 Руа сынөдыс йи кодь кын.
 Овлө, востымөн енэж потө,
 Либө турөбыс песө вын.

Мича шондіс асыввылын
 Водз нин мыччөдлө ассьыс бан,
 Сөмын гожөмыс зэв на ылын,
 Оз на кесйөдлы сійө тан.

Лымйыс гартчөмөн сапкө-усьө,
 Вевттьө-поньталө ыбъяс выв.
 Рака төлысьөн кадыс шусьө –
 Кылам Войпөльлысь сыланкыв.

Көрт апрель

Көрт апрельыс камгөма кыз йиөн,
 Вөла мортөс кутө чарөм выв.
 Йизьөм өшинь чусалыштө биён,
 Ломтөм пачөй мургө сыланкыв.

Трачкакылысь көдзыд ывла вылын
 Шковгө-сизьдө потшөсьяслысь йыв.
 Шоньд гожөм йөршитчөма ылө,
 Гымалөмсө дыркодь на он кыв.

Недыр кезлө нырсө мыччысь шонді
 Абу мам, а көдзыд ичинь кодь.
 Йизьөм ловнас нинөмтор оз шонты,
 Быттьө морөс пышкас лымъя додь.

Көрт апрельыс камгывлө на йиөн,
 Южмөм туй кодь овлө чарөм выв,
 Пырджык сэки лолөс шонтысь биён
 Ломтөм пачөй мургө сыланкыв.

Кодзувъяс

Төвся луныс сывйыштчис нин войыскөд,
 Шонді пыдди петіс төлысь тор,
 Эзысь дзирдсө лымйыс вылө койыштіс,
 Весиг югдіс миян керка дор.

Енэж йирын кодзувъяс тшөтш олөны,
 Сөмын налань кыпөдлы тэ юр.
 Öзйөны кө, сідзкө, йөзлы колөны,
 Медым налөн ставыс вөлі бур.

Коми муӧй

Коми муӧй, чужан муӧй,
Небыд нитшка кыддза рас.
Вӧрса ольӧй, ниа пуӧй,
Чӧс туй вылын рӧдвуж пас.

Коми мортӧй, шоньд гортӧй,
Сиктлӧн олан-вылан шы.
Батьӧй-мамӧй, дона ёртӧй,
Няня-сола олан гы.

Ӧдйӧ лэбӧ му выв кадыс,
Сійӧс питшӧгын он видз.
Мунас шогыс, пуксяс ладыс,
Чужанінын коляс мич.

Арлань

Регыд гожӧмыс катовтас арлань,
Пӧрас зэрыслӧн бусалысь руӧ...
Ӧшкамӧшкаыс – рӧмалысь карнан –
Васӧ Эжваысь ведраӧн нуӧ.

Луннас шондіыс ломалӧ яра,
Ньӧти жалиттӧг гӧгӧрбок косьтӧ.
Ӧшкамӧшкаыс волас кӧ бара,
Гашкӧ, Помӧсысь васӧ нин босьтас.

Вежа Ильяыс йиркӧдӧ гымӧн,
Сӧмын кымӧрыс Сордйылын потӧ.
Сэтчӧс нӧрысыс гымсьыс на вына,
Плешнас костӧдӧ енэжлысь отсӧ.

Орча сиктьясын бергалӧ-зэрӧ,
Миян Вильгортным кольывлӧ косӧн.
Рытив-войвывсянь камӧдлӧ шерӧн,
Буссӧ туй вылысь чышкышtlӧ роскӧн.

Мед кӧ шондіыс ломалас яра,
Гашкӧ, мунымӧс дзикӧдз оз косьты.
Ӧшкамӧшкаыс – волас на бара –
Васӧ ёльясысь гумовтас-босьтас.

Победа лунö

Асъя кыаыс ыпъялö гөрдөн,
Лысва синва моз дзирдыштис тшук,
Гудок ывлаын ливкйöдлö-бөрдö...
Вай жö сувтламöй чöла ми здук.

Тайö шыладыс казътылö важсö:
Найöс казътылö, пуктис код лов.
Сьölöм примитö шогалысь гажсö...
Сылы ошйысьöм талун оз ков.

Кыплөн шы улын сулалам лөня,
Öзйö водзвылын куслытöм би.
Тэчам дзоридзъяс гөрдоват вөнён,
Сырмö-тіралö миянлөн ки...

Ваймысь кыаыс чусалö гөрдөн,
Кыркөтш горулын солькъясьö ва,
Тувсов йөлöга сыркъялö-бөрдö...
Вай жö сулалам, сулалам на.

Ру

Сяльöдчысь шор дорсянь нöгыля ру
Вöляник енэжлань разалö-кайö.
Муртса и тыдыштö потшöсьяс сайын
Зарниөн пасътасьöм кутшöмкö пу.

Муртса жö тыдыштö руалöм йөр,
Лэбачөн войыс нин шывкнитö-пырö.
Асывнас эшкыныс вöлисти бырö,
Сиктаным шондіыс локтас кор бөр.

Вöлі и рытöдзыс бара оз ло,
Кытчöкö тöдлытöг саялас-сылас.
Олөмсö öдва ме аддза да кыла,
Руыс моз вошласьö во бөрся во.

Имитіс

Гижлі регыд на: абу и тулыс,
Муыс йиджöма кöдзыдөн, кынөн.
Збыльмис шуöмöй. Шоныдыс куліс.
Кывйöй имитіс тыдавтöм вынөн.

Борд

Ичөтик лэбачөн кыпөдча ылө,
Шонділы паськөда весът кузьта борд,
Төвруыс нөбөдас менө мед ылө,
Му вылас коляс куш вуджөрлөн орт.

Кодзулөдз воөдча, нюжөда киös,
Полөмла сьөлөмөй оз аддзы ин.
Сөмын тай көдзыда видзөдө сійө,
Вылісянь сюзь моз. И куньтыртө син.

Бушколө веськала – бергөдлас сідзи,
Весиг ме воштывла чужанін, горт,
Вунөдла весиг, кыз шоныда видзис
Мамөлөн небыда сывъялысь борд.

Поводдя мичаммас, бушколыс лөняс,
Төвруыс шыльөдас пуяслысь йыв.
Асывнас васөдмөм-руалөм лөняс
Некөн дзик сьылөм ни бөрдөм оз кыв.

Лэбовтас кадыс и воштысяс сідзи,
Төдлытөг котөртас лун бөрся лун.
Сөмын тай мам бордыд, кызди сэк видзис,
Мортыдлөн вежөрысь некор оз вун.

Вынійөра варышөн качөдча ылө,
Шонділы паськөда сыв кузьта борд.
Төв нырөн лэбовта матө көть ылө,
Нэм чөж мам гөлөсөн чуксаяс горт.

Вөрын

Кор вылад корсө-й, лыссө өктан
Да воссяс синъяс водзад ю,
Сэк аддзан комлысь ворсөм-йөктөм
Да чөла олан, кыв он шу.

Кор еджов руыс юлань лэччө
Да лысва войтыс быттьө йи,
Сэк ломзысь бипурланьыс сетчан
Да сылань нюжөдыштан ки.

Кор мыла лэбачьясөс кылан
Да некод на кындзи оз ков,
Сэк тшөтш жө бордъяяскөд сьылан
Да кагалөн моз чиктө лов.

Вөт

Петөма ниа кодь пөт
Мудйөм нин картофель муө,
Ытвәон бызгыльтө-туө,
Весигтө черөн он сөт.

Кыз кока чуткасьысь йөн
Өшинюв топольысь кузь нин.
Куткыртчөм байдөгөн узьө
Юр вылас лым еджыд гөн.

Чишкасьөм картофель кор
Нявдаа ёг пиас пөдө,
Лоас зэв регыд нин съөдөн,
Абу тай Енмыс йөз дор.

Сувтөма зу кодь съөд пөт,
Весигтө шымыртө полөм.
Кызкө да овны быть колө...
Садьми да, вөлөмкө, вөт.

* * *

Шуөны, мый ыджыд саридз помтөм,
Абу сийө мян ёль да шор.
Ваймысь шонді гыас бипур ломтө,
Бурысь вылас чөвтө өгыр тор.

Шуөны, мый карын уна бурыс,
Ставыс сэн, мый колө мортлы, эм.
Көсьян мый, дзик ставыс сэтысь сюрө,
Озджык дзерөд шөйөвошөм нэм.

Донаджыкөсь меным Помөс-Эжва,
Көть и абу паськыд налөн от.
Налөн ваыс зарава кодь вежа,
Лөдз моз юан, төкөтьө он пот.

Чужанінтөг лолөй оз и шонав,
Сийө менам съөлөм бердын дзик:
Кызди мамлы дзоля кага дона,
Сідз жө муса коми кывъя сикт.

* * *

Кисьмөма нин сьөдөдз таво чөдйыс,
Гырысь розъя таво тшөтш и пув.
Ыръян чаньён арыс талань рөдйис,
Озырмөдіс вөрлысь выв и ув.

Вотчысь ставсө тайөс шуркийө-резө,
Гортлань довгө нопъя черань моз.
Муртса төдчысь ордымыслөн везйыс
Мыччөдлывлө вөралысьлысь поз.

Сюся вотчан – пөтөс лоас төлыс,
Кыпид лола лоас тэнад лун.
Парма-вөрын юргө уна гөлөс,
Кушөн сэтысь некоді оз мун.

* * *

Иван лун бөрся дзик виль корөсьй,
Пывсьөд менө вай – жарсө корысьөс.
Гожъя мыш кузя мун вай гөрысьён,
Медым ачымөс эг кыв пөрысьён.
Юрсянь кок улөдз нюдза ветлөдлышт,
Сьөдов сойясөс тшөтш жө летөдышт.
Пөся сывйыштлы байдөг кокъясөс –
Гозйөн восьлалысь туй выв вокъясөс.
Медым лёкыс да висьом пышъясны,
Павгы вылысө биа чышъянсө.
Нөшав, нөшав тэ менө рудзавмөн,
Бурсьыс-чөскыдсьыс мед эг удзавлы,
А мед веськавлі вөтө-вемөсө,
Лолі куканьён, кывтөм пемөсөн.
Сотан жарсьыс көть юрөй дурмылө,
Тайө райсьыс и сьөлөм бурмылө.

Кывбуръяс

Меөн лөсьөдөм кывбуръяс лыдын,
Кута лача, и сэтшөмъяс эмөсь,
Кодъяс олөмас сунлөны пыдө,
Мортсө босьтлө и, гашкө да, шемөс.

Вермас лоны, и топөдлө ловсө
Либө сьөлөмсө мыйөнкө дойдө.
Ме ог лөд, шуа збыль, мый оз ковсө,
Менам пөсь, абу кын сьөлөм войтөй.

* * *

Коми му кузя ме муна,
Көні сулавліс съод вөр,
Но со өні мырйыс уна,
Тыдалыштö сөмын ньөр.

Сэн да, тан да діөн-діөн
Йөжгылясьö пожөм тіль.
Тракторъяслөн ловтөм биён
Мортыс жугөднысö зіль.

Вөрлөн морт моз синва петö,
Көть и бөрдөмыс оз кыв.
Көртыс ставсö нетшкө-летö,
Ставсö виö уклад сыв.

Коми му кузя ме муна,
Көні зэв нин этша вөр.
Оз нин лолы сійö уна,
Кыз ог содöй асьным бөр.

Нэм

Ок и дженьыд мортлөн нэм!
Тöрыт быттьökö на чужин...
Төдлін отсалөм и вен,
Ставсö вуджин, кызди кужин.

Вөлін, гашкө да, поэт,
Весиг нималана мортөн.
А эн вөв кө, но и мед,
Чужанінлы вөлін ёртөн.

Вөлі осьса сьөлөм куд,
Кызди дзоридзьяса виддзыс.
Вөрсъыс-васьыс сюрис шуд,
Сывъялін кор налысь мичсö.

Таладорыс абу рай,
Да оз ков мөд мирас нуны.
«Чолөм, ёртöй, да прöщай», –
Ковмас сөмын коркө шуны.

Сэтöра чай

Пызан вылын сэтöр чай
Öвтö чöскыд көрөн.
Мöтыр вылын, майбыр тай,
Чушкö пузьöм бöрын.

Сирöd увъясылөн көр
Сорласьöма тшыннас,
Бытьö гулыд яг выв вөр
Юксьö аслас выннас.

Руныгö вывлань еджгов визь
Ваймöм бипур дорысь.
Орчча туган йылын сизь
Пучейясöс ёрö.

Вöрса чайыс лэптö лов,
Мудзтö сьöрсыйс нуö.
Нинöм мöдтор оз и ков,
Ырскöмөн кор юан.

Шонділөн кырымпас

Шондіыс ныр вылö беринсö лөдö,
Бытьöкö пелысьлысь гылалысь коръяс.
Тöвруыс юр весьтöд шутёвтö өдөн,
Чужöмöс гильөдö кос турунторөн.

Вөр сайö рытьядор жарыс кор усьö,
Му вывсянь öвтыштö бобöнянь көрөн.
Лöсьыд сэк öтнадлы пукавны гусьөн
Мичаник кызьяса пелькиник йöрын.

Видзöдны улö и видзöдны вылö,
Чуймавны-мөвпавны номъястөм рытö,
Ловнад и вежөрнад воыны ылö,
Сынöдсö морöс тыр апавны шытөг.

Бериныс чужöмö кольö нэм кежлö –
Шонділөн пасйöмыс некор оз воймы.
Лэбовтöм воясысь нинöм и вежны,
Сьölөм и ыпъялö, сьölөм и доймö.

Бөрдысь өшинь пыр

Пулөн коръясыс усьёны гартчөмөн,
Мусö вевттьёны вижовгөрд биён,
Быттьö ва паныд сынöдын варччöны,
Жеба сынöны рудзалөм киён.

Войся төв нырыс дзикöдз нин пыркöдiс
Таво этшаник воыштöм льöмсö.
Ёна пужъявмөн йöрмöма ыркыдыс:
Койис асьядор донтöммöм сьöмсö.

А ме керкаын, шоныдын пукала,
Бөрдысь өшинь пыр видзöда чöла...
Абу лöсьыд мен сыысь, мый люкалö
Чужанiнöс кын кымöса төлыс.

Вежа ва

Вежа ваён тулыс мыссьö,
Гөгöр жургö-письтö шор.
Еджов тшынөн руыс кыссьö
Вагорулыс рытьядор.

Кымөръясыс, быттьö юсьяс,
Орöдöны енэж шөр.
Унаысь на зэрыс усяс
Тувсов гымлөн локтöм бөр.

Вöрыс колипкайөн сьылö,
Гулыд ягас тарлөн койт.
Ставлөн аслас олöм-вылöм,
Тулыс – мича-мича мойд.

Төвся зэр

Шогмытöмöдз төвся луныс тшыкис:
Выль во дырйи, видзöдтö, со зэрö.
Нёдздöм эшкын енэж йирсö пыкö,
Каньпилөн кодь лэчыд гыж туй сера.

Лымсö зэрыс азыма зэв сёйö,
Лапкыштöмөн синъяс водзад чинö.
Бонзьöм грездöс локтан рытö-войö,
Быттьö төв ныр, мулань руыс синö.

Петыр лунö шензьöдас ми воксö,
Лымйыс кодыр лоö вижов выйысь.
Быттьö тай эг вöчöй ми нин лёксö,
Кодi мыждö миянöс да мыйысь?

* * *

Зэра кымөръяс пөрөны корөбө,
Джынъя төлысьыс вылісянь дзоргө.
Ышмөм төвруыс öзынсö шпорөдө,
Ланьтөм ывлалысь чөв-лөньсö торкө.

Войдөр енэжыс шыляліс кузяла,
Лунтыр пожъяліс посныдик зэрөн.
Другөн кынтөмысь туй вылыс пузырьма,
Төлысь мичмөдө лөзоват серөн.

Йизьөм коркаыс кок улад разалө,
Кодыр сы вылө ньөжйөник тувччан.
Садьмөм йөлөга ливкйөдлө-разөдө
Көнкө ылынкөдь понъяслысь увтчөм.

Зэра кымөръяс пөрөны корөбө,
Регыд вошөны, быттьө эз вөвны.
Өтнас төлысьыс енэжсө орөдө,
Быттьө верзьөмөн лэбалысь төв ныр.

Абу тулыс

Чипансö кор юкталіс нин тулыс,
А сы бөрся ыжсö – ньöти эз,
Енэж улысь шоныд руыс куліс,
Весиг черань эз на өшөд вез.

Шонді петіс – видзөдласыс көдзыд,
Төлысьлөн кодь йиа сылөн би.
Войпöльыдлөн яйөдз мөрччө лөддзыс,
Бурыс сійө, мый оз дзикөдз ви.

Төлыс лымсö вайис ыджыд шыён
Да и ректіс менам пос пом тыр.
Ворслывлө көть мича войся кыа,
Сійө меным сьөлөмөдз оз пыр.

Мед нин эськө дзикөдз вермас тулыс,
Том на ме да, сэки кыптас лов.
Татшөмнас, кор ола нисьö кула,
Шонді улас некодлы ог ков.

* * *

Ловйөн уна гижысьёс эг су,
Найёс аслам синъясён эг аддзыв,
Олан туйсё налысь, мый көть шу,
Тёдышта ме сёмын сідзи-тадзи.

Восьтивлі көть уна небөг куд,
Лыддьывлі көть лыдтём кывбур-висьтъяс,
Налысь шогсё, майшасьём да шуд
Оз өд помөдз пасъялөмыс висьтав.

Аслам бордөй ичөт на да нэр,
Шпоркөдчөмыс медым ылөдз кыліс,
Колө венны уна шер и зэр
Шонді гөгөр бергалысь му вылас.

Кадыс өдйө лэбө, мый көть шу,
Вабергачён песё сідзи-тадзи,
Медым эськө дона чужан му
Кывбур тэчысь лыдысь менө аддзис.

Кывбур

Вильыш төвруыс пöлянөн ворсё,
Воö пельясөдз небыдик шы.
Бара кывбурлы кывъяссö корся,
Гашкө, козьналас пармалөн гы.

Уна мичасö ывла выв восьтö,
Ылөдз разалö йөлöга гор.
Сьölөм кудъям ме найёс и босьта,
А мый абу, ог дзайгөмөн кор.

Шонді гумлаын югöрсö вартö,
Купальничаён катлөдлө юр.
Со и дженьыдик кывбурыс артмис,
Донъяв, лыддьысьысь, лёк али бур.

Йöзыслы кола

Волі нюраина ольö
Вотны гырысь юмов вотöс,
Сöмын бара дьöбö коли:
Дозйöй шöрипельö потіс.

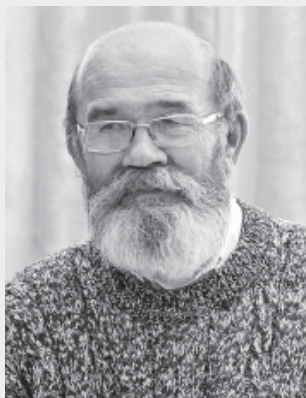
Кöсийи гожöмыслысь рöмсö
Кыны кывбуръяслөн серö,
Сöмын кымөр донтöм сьöмсö
Койис арся кöдзыд шерön.

Кöсийи мыла сьыланкывъяс
Аскöд ливкйöдлöмön нуны,
Сöмын желлясьöма кывйöй,
Абу сямöй нинöм шуны.

Сюрліс эськö уджыс киö,
Сöмын киподтуйöй – вожа...
Яндзимöйла сотча биön
Гартчысь сямöдыс моз чожа.

Тайö олöм – абу сакар,
Ош моз вурзалöмön ола.
Но öд абу пайтöм Макар,
Йöзыслы на, видзöд, кола.

Алексей
ПОПОВ

Алексей Вячеславович Попов чужис 1950 вося июль 25 лунö Корткерöс районса Ыджыдвидз сиктын. Гижö висътъяс, повесътъяс да пьесаяс. Лэдзис «Грезд», «Мывкыд Парма», «Олöм войтъяс» да мукöд небöг.

Карса ныв

Кык юкöна пьеса

ВОРСЫСЬЯС:

ЮРИЙ

НИНА

МАКСИМ

МИШ

СПИРА ДАРЬЯ – Юрийлөн мам

КАТЯ ПÖЧ – Мишлөн пöч

ВАСЬ ВАСЬ – вöвлöм бригадир

АГНИ – сылөн гöтыр

Пакула кодь грездыс Коми муын абу öти. Öнiя кадö сэтчöс олöмыс вочасөн кусö и кусö. Ачыс Пакула грездыс муртса лолалö. Сöмын важнас и овны коли. Сiйöс казътылöмөн, сы йылысь мöвпыштöм бöрын ышлолалöмөн. Коркö танi вöли мöс видзан карта. Öнi сылөн вевтыс абу, стенъяссö разöмаöсь, да пöлыньтчöм радио сюръяяс моз чурвидзöны йирксö кутысь керъяс. Орччöнмоз туплясьö кутшöмкö пемöслөн ордлыыс. Тыдалö, понъяс кыськö кыскöмаöсь. Дзик тайö вильöдöм ордлы кодъыс и мöс картаыс, и грездса олöмыс. Кытысь нö лоас грездсьыс кутшöмкö барыш, кор нинöм нин оз вöчсьы? Пöрысь йöз пенсия босьтöны. Томъяслы некутшöм удж жö абу. Кöть эськö олöны-вылöны танi куим бурлак зон: Спир Дарьялөн Юрийыс, Катя пöчлөн Миш внукуыс да Максим. Бөръяыс олö дзик öтнасөн. Мамыс воддза гожöм кувсьылис. Но кутшöмсюрö удж налы вичмывлö жö. Со и талун найö лунтыр тэчисны Катя пöчлы тулыснас на вайöм пессö.

Сцена вылын ставыс ылöсас. И грездса керка пытшкöс, и карса улича, и ресторан, и Вась Васьлөн керка дор...

Медводдза юкөн

Сцена вылын Катя пöч. Мыйкö ассъыс нокö.

КАТЯ ПÖЧ. Кык час и казачитiсны. Неыджыд пес чипастö здукөн и тэчисны. Со пырöны нин.

Мыччысьёны Юрий, Максим да Миш.

МАКСИМ. Эштөдiм со, Катя пöч.

КАТЯ ПÖЧ (*кыскö сьом да мыччö зонъяслы*). Юанныд жö эськö да. Сöмын Мишöс эн юктöдöй. Асьныд кыкөн юй, а сылы мед эз вöв кисьтöма.

ЮРИЙ. Ог, ог юй.

МАКСИМ. Сё збыль! Весиг Миштö аскöд ог босьтöй.

ЮРИЙ. Мед гортас пукалас.

Максим да Юрий мунöны.

КАТЯ ПÖЧ. Öтнадөн эськö, Мишö, вермин жö та ыджда чипастö тэчны да. Кöть нин гожöм чöжыс. Но пыксин тай. Юрийтöг да Максимтöг пö чипасад öти пес ог весиг пукты. Быть сэсса медав. Ачым ог нин со вермöдчы да. Кок улад эськö пестö пуктала на кызкö-мыйкö да, но выліад ог нин. Чатöртча кö – юрöй путкыльтчыны босьтчас. Кöть мыйта лекарство кизь сэсса нывлав, некызди оз лэдз.

МИШ. Эн и чатрась, сідзкö.

КАТЯ ПÖЧ. Кызд нö он чатрась? Пестö öд вылөдз ковмылö лэпавны. Водзті эськö пес тэчöмьд чачöөн ворсöм кодь жö вöлі да. Эг некор некодöс корлы отсöг вылад. Öні тай со немортöдз воны куті-а.

МИШ. Зэв на визув кыв вылад.

КАТЯ ПÖЧ. Нöшта кö кывворöй бырас, сэки некутшöм олöм нин оз ков. Меным тэнад юом-кодалöмьд голя помöдз воис. Нöшта кö таысь пинявны ог кут вермыны, тэ дзикöдз юсян.

МИШ. Мый нö ыззин? (*Öшиньö гоньялігтыр.*) Ог тай со ю да кодав.

КАТЯ ПÖЧ. Эг öд юктöд-а. Коранныд эськö вöлі да. Вай пö, Катя пöч, кык дозйысь став пестö тэчам. Эг на öд выживмы, мед ас киөн тіянöс юсьöдны. Сьомсö сетöмысь на каитча и. Максим эськö некодöс оз дöсадит, а Юрий со мамсö вермас дöзмöдны. Велöдчöм морт эськö и быдөн да. Мый морыс сійöс тані, енмөн вунöдöм пельöсас, кутö.

МИШ. Найö öд тай эз юны мунны. Гортаныс разöдчисны.

КАТЯ ПÖЧ. Код тöдас на. Мый ме тэкöд тані бызга? Василиса нывьёртöй корис лунйысьны. Талун пö чужан луныс да. Кöсйыси асывсяньыс локны, а со век на тані. (*Корсьысьö да кутшöмкö тубрасторйөн мөдöдчö мунны.*) А тэ гортын пукав. Нинöм кö вöчнытö. Некодöс мед татчö абу вöлі вайöдöма. (*Мунö.*)

Недыр мысти мыччысьёны Юрий да Максим.

ЮРИЙ. Дыр жö ковмис кöйгыны. Зэв дыр пöчыд эз мун да.

МАКСИМ. Кöсйим нин ме ордö мунны. Но менам сёйнысö дзик нинöм.

МИШ. Куті кö ыстыны, сійö гөгөрвоис, мый ме тіянöс виччыся. Нöшта мед метöг мунінныд да юинныд! Ме Катя пöчöс тöлысь нин берті, мед куимөн чипассö тэчам. Та вöсна абу окота садь юрөн рытсö йöткавны. Менам горшöй трачкакылö нин.

МАКСИМ. Войдөрлун на горшнымöс пожъявлім да.

МИШ. Сэксянь сутки сайö нин коли. Горш пактавны нин кутіс.

Тэрыба кисьталісны да юисны курыдторсö, кодöс вайисны Максим да Юрий.

МАКСИМ. Паладь пöчлы аскомысь пенсия ваясны. Сылы нинöм оз ков вöчны?

ЮРИЙ. Оз кө ков-а. Потшöссö арнас на лöсьöдiм. Помнитанныд öд.

МИШ. Бура вештысис.

МАКСИМ. Вась Васьлөн эськö кильчöйс пöлöстчöма да.

МИШ. Сiйö бара некодöс оз медав. Ачыс көть оз сяммы, но оз медав и ставыс.

ЮРИЙ. Миян ставыс жö быттьö лöсьыд. Мамö тай шуö-а.

МИШ. Тэ, Юрий, эськö вермин жö мамыдлы тшöктыны миянöс медавны, кор тай пес лэбувнад ноксин. Сы кызта керъяс öтнадөн быгльöдлiн.

ЮРИЙ. Висьталi эськö мамöлы, мый колö тiянöс чукöстлыны. Но сiйö ёсь гөлöсөн ме вылö вувзысис.

МАКСИМ. Миш öд вермис жö öтнасөн пессö тэчны, но вермас тай пöчсö песовтны, мед миянöс отсöг вылö корлас.

ЮРИЙ. Мишлысь пöчсö менам мамкöд эн öткодяв.

МИШ. Ланьтöй вензьöмсьыд. Вай мöвпыштлам водзö, мый кодлы грездас колö вöчнысö?

ЮРИЙ. Бокиянь кө кывзыштны миянöс, то поводнöй бизнесменъяс пö чукöртчöмаöсь.

МАКСИМ. Мый? Бизнесменъяс и эмöсь. Миянлы школаын на висьтавлiсны бизнес-план йывсьыд. Ми сiйöс öнi и лöсьöдам.

МИШ. Сiдзи и эм. Асьныд видзöдлöй. Пакула грездын олöны сöмын пенсия бось-тысьяс. Миянöс кө быттьö он лыдды. Съöмсö быд тöлысь налы гортöдзныс вайöны. Оз öд кутны найöс гортаныс видзны, колö тратитны. Ас выланыс, сёян вылö, гортса овмöслы...

ЮРИЙ. Но тэ и бизнесмен.

МАКСИМ. Колö, мед найö кызкö миянлы съöмсö вичмöдiсны.

МИШ. Мый нö ми кутам али мый потшöсьяссö гусьөн разявны либö пывсян горъяс кисьтны, медым бöрас миянöс вöчны медалiсны?

МАКСИМ. Бур бизнес-мöвп эськö да. Но пуксьöдасны таысь. Сюраам медводдза лун-нас жö.

МИШ. Лолöй корö нöшта содтыштны.

МАКСИМ. Кодкö öд отсыштас жö.

МИШ. Паладь пöч дорö ветлам. Кывсис, мый сiйö Съöлаыбö ветлысь Вась Васьлы велöдöма вайны кык либö куим доз нелямын тшупöда юанторсö.

ЮРИЙ. Мый нö эськö чöв олан? Сы дорö и ветлам.

МАКСИМ. Колö мыйкö мöвпыштны, мед сетiс жö көть нин öти доз.

МИШ. Мунiгмоз мыйкö мöвпыштам. Энлöй! Кодкö, тыдалö, пырö. Оз-ö нин Катя пöчöй?

Мыччысьö Спира Дарья.

СПИРА ДАРЬЯ (Юрийлы). Час кежлö мунiн да сёр рытöдз ныртö он мыччыв.

ЮРИЙ. Мунны нин вöлi көсья. Разöдчам нин ми.

СПИРА ДАРЬЯ. Катя тьöt öнтай висьталiс, пес пö тэчисны.

Спира Дарья эз кут өдзөс дорын сулавны. Гортас моз воськовтіс пызан дорөдз, видзөдаліс вывсө и увсө, кыйсьысь пон моз исыштис сынөдсө.

МАКСИМ. Вай мунамөй. (Саймовтчө.)

ЮРИЙ. Аскиөдз, Мишө.

СПИРА ДАРЬЯ. Ноко сулавлөй. Бара юинныд али мый? (Юрийлы.) Пöльышт. Мый он пöльышт?

ЮРИЙ. Мун, эн менө ёртъяс водзын янөд. (Саймовтчө.)

СПИРА ДАРЬЯ (Мишлы). Юинныд али мый? Он жö висьтав-а. Мый ме тэкөд кута тані овны. (Саймовтчө жö.)

МИШ. Гортын тытвидзөм могысь өд эг ю. Гашкө, содтыштны на сюрас. (Мунө жö.)

Спира Дарьялөн да Юрийлөн оланін. Мыччысьө Юрий. Сы бöрын мамыс.

СПИРА ДАРЬЯ. Мый нө, винатөгыс али мый овнысө эн нин кут вермыны?

ЮРИЙ. Верма эськө да.

СПИРА ДАРЬЯ. Верман кө, мыйла бара юин?

ЮРИЙ. Гажтөмысла.

СПИРА ДАРЬЯ. Кыдз нө гажтөм? Меным тай абу гажтөм.

ЮРИЙ. Меным тай гажтөм-а.

СПИРА ДАРЬЯ. Гөтрась, сідзкө!

ЮРИЙ. Код вылө?

СПИРА ДАРЬЯ. Корсь.

ЮРИЙ. Кытысь тан корсян? Ог өд карө либө мөд сиктө мун.

СПИРА ДАРЬЯ. Съолаыб сиктсьыс мед аддзин аслыд пөвтө. Вель тшөкыда тай сэтчө ветлывлан. Уджалыштін сэнi и быдөн. Эз мөй некод син улад усь?

ЮРИЙ. Уси кө өд, гөтраси.

СПИРА ДАРЬЯ. Сідзкө өтнадөн и ов. Но оз жö ков юны! Ме тай тэнад чужтөдз нелямын гөгөрөдз өтнамөн олі да эг вина юны уськөдчы.

ЮРИЙ. Тайө өд тэ.

СПИРА ДАРЬЯ. Нöшта паныд тшетшкы! Вод да узь!

ЮРИЙ. Водз на эськө да. Но мый сэсся тані вöчнысө.

СПИРА ДАРЬЯ. Вод, мый он вод?

ЮРИЙ. Оз на унмөй лок.

СПИРА ДАРЬЯ. Сідзкө, сөйышт мыйкө. Асывнас мунін да эн на, көнкө, нинөм паныштылы. Катя өд эз жö верд. Миш йылысь и сёрнитны ог көсйы. Дзик тшыг вылад юигөн сювйыд орласяс винасьыс.

ЮРИЙ. Нуръясьлі жö эськө да.

СПИРА ДАРЬЯ. Тöда ме тіянысь нуръясьөмтö! Пуксьы сөй. Пажын кежлө дасьтылі, да эн и ныртö мыччыв. (Ваялө пызан вылө сөян. Пуксьö пиыслы воча.) Няньнасджык сөй. Сэки пöтанджык.

ЮРИЙ. Ачыд нө мый он сөй?

СПИРА ДАРЬЯ. Ме сөйöма и юöма нин. Тэ сөй, а ме грездас петала. Водны көкъямыс рытнад збыльысь водз на.

ЮРИЙ (дугдө сөйнысө). Аттö, мам.

СПИРА ДАРЬЯ. Мыйысь?

ЮРИЙ. Сёянсьыс. Ме сэсса гожся жыръяс пета. *(Дарья да Юрий саймовтчöны.)*

*Вась Васълöн да Агнилöн керка дор. Вась Вась сулалö пывсян вевт вылö кавшасян сод
вылын да телепон пырыс сьёлöмсяньыс велöдö кодöскö. Агни гöтырыс ур вылö увтан
пон моз чатöртчöмön сулалö улиас.*

ВАСЬ ВАСЬ. Эн жö торъя ёнасö пиняв, но мед мörччас жö!

АГНИ. Ньörъялыштас мед.

ВАСЬ ВАСЬ. Кывйыс на мörччас. Тайö, Петя, ог ме тэныд. Мамыд тай суйсьö.

АГНИ. Суйся, дерт, зэв жö лёк, кор öтлаын оз позь сёрнитнытö. Василей, гашкö, ме кавшасьла жö да?

ВАСЬ ВАСЬ. Сод тшупöдсö чеган.

АГНИ. Менам сьöктаөн сод тшупöд оз на чег. Татшöм ёна нёрпалігад тай он тшöг.

ВАСЬ ВАСЬ. Сё лешакыд. Кватёт, мися! Дыдгö и дыдгö. Алё! Алё. Тэ вöсна весиг теле-
поныс кусі. *(Пыркöдö киас босьтöм телепонсö.)* Алё. Оз кыв нинöм.

АГНИ. Гашкö, Петяыс кусöдіс ассъыс.

ВАСЬ ВАСЬ. Код тöдас. Телепоныд тай сэтшöмтор. Менам бригадиралігөн тай
дышöдас вöлі кодлыськö висьталöмсö кывзыны, да личка вöлі дай. Бöрас сэсса кöть
мый висьтав. Шуан, мый йитöдыс ори невöляысь. *(Лэччö му вылö.)*

Мыччысьö Спира Дарья.

СПИРА ДАРЬЯ. Видза олан, Агни, чолöм Василий Васильевич.

АГНИ. Пуксьы, шонтысь, Дарья. Тэнад некыті оз вись, да бур. Верман на со мянöс
волыны видлыны. Абу ме кодь...

ВАСЬ ВАСЬ. Ме сэсса пыра.

СПИРА ДАРЬЯ. Ме эськö, Василий Васильевич, медсясö тэ дорö вои.

ВАСЬ ВАСЬ. Ме дорö? *(Джöм сувтö. И пыр жö вöчö зумыш чужöм.)*

АГНИ. А ме чайті... *(Ышловзьö.)* Мися, кöть висьталышта. Тіян некыті оз вись да бур.
Шыввъяланнид.

СПИРА ДАРЬЯ. Василий Васильевич, оз мöй сэсса нинöм Пакула грездас выльыс
мыччысь? Тэ öд нэмсö совхозас бригадиралін да ставсö тöдан.

АГНИ. Кутшöм мыччысьöм нö мянлы нин колö. Висигад.

ВАСЬ ВАСЬ. Кватёт, Агни! Вай виль пöв висьтав. *(Дарья дорö шыасьö.)* Нинöм эг на
гөгөрво. Кутшöм вильтор йылысь и висьталан?

СПИРА ДАРЬЯ. Мися, некутшöм удж грездас оз кут вöчсьыны. Тадзи мöй и овны ку-
там?

АГНИ. Мый нö лёкыс? Пельшер тай сöмын оз тырмы, а сэсса ставыс лючки-бур.
Пензия со ас кадö вайöны. Лавкаыд быд вежон на воліс. Няньтö верма на со пöжавны,
кöть и вися ёна.

СПИРА ДАРЬЯ. Ме ог ас йылысь висьтав. Абу и колöма локны.

ВАСЬ ВАСЬ. Кватёт, Агни! Тэ, Дарья, эн пыркъяв. Босьтчин кö, то бура висьтав.

СПИРА ДАРЬЯ. Юрий со бара гажа юра.

АГНИ. Но и... *(Лантьö верöсылöн скöра видзöдлöм бöрын.)*

ВАСЬ ВАСЬ. Пиняв ёнджыка, дай дугдас. Ме тай бригадиралігөн вөлі юысьястө топөдла, да өвсьыласны. Оз жө эськө век кежлө да.

АГНИ. Тшөкыда мөй, Дарья, пиыд юө? Меным тай юөм оз ков. Сідз юрөй быд лун путкыльтчө. А вөйдөрлун...

ВАСЬ ВАСЬ. Кватёт, мися. Голя помөдз нин воис тэнад висьөмыд. Сет мортыскөд сёрнитнысө.

АГНИ. Пыр кватёт да кватёт! Кыв оз позь шуны.

ВАСЬ ВАСЬ (*Дарьялы*). Збыль мөй быд лун юө?

СПИРА ДАРЬЯ. Оз жө эськө ен кажнөй лун да.

ВАСЬ ВАСЬ. Отнасөн али бурлак зонъясыскөд?

СПИРА ДАРЬЯ. Накөд. Отнасөн эз на юлы. Найө кө эськө эз вөвны, то эз эськө, дерт, ю. Водзті тай нө эз юлы. Кор найө армияын вөліны. Мый нө вөчны, Василий Васильевич?

ВАСЬ ВАСЬ. Мый нө тані вөчан?

СПИРА ДАРЬЯ. Сійө тай и шуа. Вөлі кө эськө кутшөмкө удж грездас... Нинөм та кузя оз кывсы. Оз нинөм көсйыны лөсьөдны Пакулаас?

ВАСЬ ВАСЬ. Эг на тай кывлы-а. (*Мөвналө.*) Мый и вөчны? Кыдзи тэныд и отсавны? Ме кө эськө воддза моз бригадирөн вөлі да найө ме дорын уджалісны, верми эськө топөдны да өлөдны.

СПИРА ДАРЬЯ. Гашкө, өні накөд сёрнитлан жө да?

ВАСЬ ВАСЬ. Ме өд некымынысь нин налы шулі, кор гажа юранас паныдасьлісны.

АГНИ. И мый?

ВАСЬ ВАСЬ. Сералісны сөмын. Мун пө да ассыйд челядьтө велөд.

АГНИ. Миян челядь на моз оз юны. Оз өд, Василей?

ВАСЬ ВАСЬ. Öні кө эз босътчыны. Водзті тай ёна юөм пиысь эг казявлы-а. Нывъяс весиг вомас эз босътлыны.

АГНИ. Ме рөдө кыскөма. Миян челядь оз винанад ышмыны. Абу мукөдлөн кодьөсь.

СПИРА ДАРЬЯ. Менам Юрий эськө оз жө ёнасө ю да. Сөмын тай ёртъясыс, тыдалө, ас бөрсяныыс кыскөны-а.

ВАСЬ ВАСЬ. Юысьыдлы век кодкө мыжа. На вылө ыстысьө али мый? Юрийыд.

СПИРА ДАРЬЯ. Оз эськө да. Сідз тай чайта-а. Мый нө вөчнысө, Василий Васильевич? Тадзитө өд том йөзыс дзикөдз вошасны. Ми ог лоөй, да кызди овны кутасны? Мый вылө? Со на өд шогыс.

АГНИ. Оласны кызкө. Налөн некыті на менам моз оз вись.

ВАСЬ ВАСЬ. Гашкө, Юрийыд мед мөдлаын уджавны кутчысяс да?

СПИРА ДАРЬЯ. Кутшөм мөдлаын? Съөлаыб сиктын видлісны жө уджавны, да сөмын туй вылас кадсө лотісны. Торъя нинөм жө эз нажөвитлыны. Мый нажөвитлісны, сійөс и прөжевитлісны.

ВАСЬ ВАСЬ. Ме ог шу Съөлаыб йылысь. Мед мунас ылөджык. Районса шөрсиктө либө веськыда карө.

СПИРА ДАРЬЯ. Сэтчө өд мунны сьөм колө. Мый вылө нө кутас овны? Кор на уджсө аддзас? Сэсса карөдз кө төвзяс, оланінысь на мынтысьны ковмас и. Менам сэнні некутшөм матысса рөдня абу. А йөзыд прөстатө видзны оз кутны. Тайө водзті вермылім ылысса рөдня дорө весиг пырны да олыштны. А өні йөзыд дзик мөд пөлөсөсь.

АГНИ. Лоины тай. Дзикөдз олөмыс син водзын вежсис. Йөзыс тшөтш и. Пиөй со воліс да телепонсьыс айыслысь сьөм кутіс корны.

ВАСЬ ВАСЬ. Кватёт!

АГНИ. Мый нө пыр вомөс менсьым пөдлалан?! Сідзи и вөлі да. Ассьыс важ телепонсө вайис. Козин пө. А ачыс сэсса сьом кутіс корны сыысь. Эз мөй, Василей, сідзи вөв?

ВАСЬ ВАСЬ. Сідзи.

СПИРА ДАРЬЯ. Ме тай сійөс жө шуа, мый сьөкыд өні карад сьомтөгыд. А менам сы мындаыс абу, медым ыстыны.

ВАСЬ ВАСЬ. Гашкө, эсійө... *(Водзө недыр нинөм оз шу.)* Өдвакө та вылө мунасны.

АГНИ. Босьтчин кө, висьтав. Тэ век тадзи. Мыйкө босьтчан шуны да он и помав.

ВАСЬ ВАСЬ. Мися, гашкө... Эсійө... Ыстыны Юрийсө карө. Сэні мед и Максимыслы да Мишөыслы уджсө тшөтш аддзас и.

СПИРА ДАРЬЯ. Найөс нө мыйла сэтчө, карас, ыстыны?

ВАСЬ ВАСЬ. Кыдзи мыйла? Пиыд мед мунас да ассьыс олөмсө ладмөдас, а мукөдыс мөй тэныд веськодьөсь?

СПИРА ДАРЬЯ. Абу эськө жө да.

ВАСЬ ВАСЬ. Ыстыны кө кытчөкө, то ставнысө. Куимнансө, шуа.

АГНИ. Мишөлы, гашкө, Катя пөчыс вермас сьомтортө сетыштны. Первой нырас. А Максимыслы нө кытысь?

СПИРА ДАРЬЯ. Да, да, сылы нө кытысь сьөмыс? Сылы мукөддырйиыс няньсө босьтны нинөм вылө да. Юрий вөлі гортись нуыштлө.

ВАСЬ ВАСЬ. Кватёт! Ме тайөс тиянтөг төда. И со мый мөвпала. Кор ме вөлі бригадирөн...

АГНИ. Заводитчис... Өні сэсса кывзымөн лоө сылысь бригадиралөм йылысь висьталөмсө.

ВАСЬ ВАСЬ. Тэныд кө дыш кывзынысө, пыр керкаө.

АГНИ. Вөтлысь аддзысьөма. Кыв сэсса эз нин позь кутны шуны.

ВАСЬ ВАСЬ. Ов да кывзы, мый бур йөзыс висьталөны.

СПИРА ДАРЬЯ. Збыльысь, Агни, ог кутөй торкавны. Мед висьталө. Збыльысь өд мыйкө колө вөчны.

ВАСЬ ВАСЬ. Кор ме бригадиралі. *(Видзөдлө гөтыр вылас, но мөдыс нинөм оз шу.)* Ме сэки уна морткөд сөвешаниеяс вылад паныдасьлі. И со өтчид сёрнивыв воим өти мужичөйкөд. Абу татчөс. Кытісянькө лунвывланысь воөма. Юыштім неуна.

АГНИ. А өд век вөлі висьталө, мый оз юны, кор совешаниеяс вывсьыс бергөдчылө вөлі.

ВАСЬ ВАСЬ. Юыштім, но эг вывтисьөй. Сійө мужичөйыдлысь ме и юалі, кыдзи, мися, миян му вылө веськалін. И сійө со мый меным висьталіс. Миян пө сэні, сылөн чужанінас, торъя бур уджыс абу. А рөдвуж пө миян быдөнлөн паськыд. И со чукөртчө став рөдвужыс и босьтчө артасьны, кыдзи вөчны, медым томджыкъясыс бурджыка овмөдчисны. Тані пө, чужанінас, шуө, бур удж абу и оз мыччысь. Томъясыс вермасны вошны. Колө пө кодөскө, медся писькөссө да сюсьсө, мөдөдны кытчөкө. Мед сійө виль инас аддзис бур удж, быдмис кутшөмкө начальникөдз и вочасөн вайөдаліс ас дінас рөдвуж пөвстысь войтырсө. Миян рөдвуж пө бөрийсны тиянлысь войвывсө да ытісны менө. Дерт, ставөн сьом тэчисны, медым ме верми выльлаас пысасьны, кодлы колө мынтысьыштны. Коді мыйта вермис, сы мында и сетіс. Со и ме кыдз сямми, сідзи писькөдчи, чин босьті. Аслам уджөн, водзмөстчөмөн и, дерт пө, ковмыліс корсюрө и мавтыштлыны. Өні пө ме дорын уджалөны да бура олөны

рөдвуж пиысь ставныс, кодъяслы эз вичмыв колана уджыс гортын.

АГНИ. Дошлөй йөзкөд тай төдмасьлөмыд. Но ме нинөм эг гөгөрво.

ВАСЬ ВАСЬ. Мый нө тані гөгөрвонысө? Ми сідз жө вөчам да зонъяс пөвстсьыс кодөскө ыстам.

СПИРА ДАРЬЯ. Менам жө ыджыд рөдвуж абу. Ме да воча чой сөмын. Сійө бура олө, ныв-пиыс ас местаынөсь, да грөш весиг оз сет.

ВАСЬ ВАСЬ. А грездса йөзыс нө мый вылө? Ми ичөтик грездад нэмсө рөдвуж моз олім. Пыдісянь кө гудйыштны, то, гашкө, збыльысь на рөднясөн ставным лоам. Чукөртыштам сьөмсө. Чайта, мый сетасны. Быдөнлы өд окота, мед том йөзыс эз вошны. А тані найө збыльысь вошасны.

СПИРА ДАРЬЯ. Кодөс нө мөдөдам? Юрийөс али мый? Гашкө, Катя тьөт Мишөсө вөзъяс?

АГНИ. Ёдвакө кодкө сьөм кутас йөзлы вылө сетавны. Некодлөн лишалана сьөм абу. Эмышт кө, то ас рөдняыслы отсыштасны. А бокөвөйыдлы өдвакө.

ВАСЬ ВАСЬ. Кватёт!

СПИРА ДАРЬЯ. Мыйла быть Юрийөс? Сійө мунас, ставсө лөсьөдас, а Максим да Миш дась вылас воасны. Зэв тай лөсьыд!

ВАСЬ ВАСЬ. Дарья, Максимыслөн да Мишыслөн некутшөм специальность абу. Юрийыд со трактористө велөдчыліс. Сьөлаыб сиктас уджыштөма и. Трактор вылас шуа. Ме эськө эг аддзыв, но висьталөны.

СПИРА ДАРЬЯ. Трактор вылын уджалөмөн тай шуө вөлі-а. Бензин дукөн паськөмсьыс өвтө вөлі и.

ВАСЬ ВАСЬ. Сійөс тай и шуа. Тракториставны кужө. Сылы кокньыдджык лоө колана уджсө аддзыны.

СПИРА ДАРЬЯ. А Максимсө да Мишсө нө кызди карас кыскас? Трактористыд өд абу начальствоыд.

ВАСЬ ВАСЬ. Юрыс кө дзуртө, то аддзас.

СПИРА ДАРЬЯ. Абу эськө дзик нин юртөм да. Но век жө ог помөдз гөгөрво.

ВАСЬ ВАСЬ. Он кө гөгөрво, то мед оз мун дай. Тані олас. Тэнад пенсия ыджыд, вердан и юкталан. А курыдтор вылад ёртъясыскөд нажөвитасны.

СПИРА ДАРЬЯ. Мый и вөчны? И татчө абу окота кольөдны, и карад ыстыны полан.

АГНИ. Вай мый вылө кө сувтөй нин. Час сайө нин өтиторсө гызмаланнөд. Менам лекарствоюанкаднин солоис. Тіянлы, дзоньвидза йөзлы, мый. А меным солекарствотөгыс некөдз. Сійө и кутө лолөс. Эз кө вөвны, вөжөн нин эськө абу ловъя.

ВАСЬ ВАСЬ. Мун да ю дай.

АГНИ. А ті мед метөг сэсся сёрнитіннөд? Меным өд окота жө. Лунтыр некод эз мыччысьлы, да кыв гилялө.

СПИРА ДАРЬЯ. Василий Васильевич, збыльысь өд нинөм на вочавидзны ог вермы. Ми тадзитө өти кывйө талун ог воөй. Гашкө, аски водзө сёрнисө нуөдам?

ВАСЬ ВАСЬ. Аски кө и аски. Ме эськө талунсянь нин көсья ставсө панны да. Звөнитла Петя пилы. Тшөкта отсыштны. Сійө карад уна во нин да сэтчөс олөмыслысь төлксө да слөйсө бура нин төдө.

СПИРА ДАРЬЯ. Дерт, кодкө кө отсасьысь вөлі, то бур. Менам өд карад некутшөм матысса рөдня ни вөдня абу. Некод дорө шыасьнысө. Быттьө Юрий вылө кө пудйыс усьөма, мед медводдзаөн сэтчө мунас.

ВАСЬ ВАСЬ. Позьё эськё и Катялысь юасьлыны да... Мед Мишсё ыстас. Сійё эськё Юрий дорсьыд писькёсджык жё да.

СПИРА ДАРЬЯ. Максим эськё медся писькёсыс да. Эз кё од писькёс вёв, эз вермы отнасон овны. Керка пытшкёсыс на абу дурк и. Талун на пыравны ковмис, да кежалі сы дорё.

ВАСЬ ВАСЬ. Сійёс ог ыстёй. Медводдзанас, шуа. Сылён кутёдыс ни оти абу. Сюрас кё сьёмыс киас, ставсё лавкаё нуас. Карёдзыс оз во. Гашкё, Сьёлаыбёдз сёмын.

СПИРА ДАРЬЯ. Сійётё сідз. Ме тадзи жё чайта, мый Максимыс Юрийёс йёткалё юём вылас. Мишёсё тшётш и.

ВАСЬ ВАСЬ. Тэнад Юрий на пёвстын медся туяна карас медводдзаён мунём вылас.

СПИРА ДАРЬЯ. Сідз эськё да. Но талун нинём шуны ог на вермы. Вай аскиёдз олыштам да, сэки.

АГНИ. Слабог. Помасис жё. Чайті, мый вой шөрөдз артасьны тані кутанныд. Асьныд весиг он тёдёй, мый косьяанныд, а сёрнитанныд и сёрнитанныд. Лекарство юны он сетёй.

ВАСЬ ВАСЬ. Оз на тэнад лекарствотод шоммы. Пыр да коть асылөдзыс килльы-сёй.

АГНИ. Висьтём йөзлы кокни тшөкөлдывайтнытё.

СПИРА ДАРЬЯ. Но ме сэсса ас дорё вуджа.

ВАСЬ ВАСЬ. Аски, окота кё быттьё лоё, водзё сёрнисё нуёдам. *(Гөтырыслы.)* Мый сулалан? Пыр. А то няргин, мый манитам лекарство юёмсьыд, но век на мыйкё виччысян.

АГНИ. Ог эськё нинём виччысь да. Мортсё коть синмён, но колльөдыштны колё жё.

СПИРА ДАРЬЯ. Ог од нинём гусяв.

АГНИ. Он эськё да. Косьясны коть, миянлысь гусявнысё нинём. Василей нэмсё сьёкыд удж вөчис. Бригадираліс, а нинём жё эз нажөвит. Пенсияыс менам ыджда жё. Ме тэнё колльөдышта. *(Дарьякөд мунёны.)*

ВАСЬ ВАСЬ. Ме грездас жё петала. *(Мунё.)*

Спира Дарьялөн оланін. Юрий пельёсысь пельёсё ветлөдлө. Мыччысьё Спира Дарья.

СПИРА ДАРЬЯ. Юрий, а тэныд абу окота кытчөкө татысь, Пакуласьыс, мунны?

ЮРИЙ. Мый нё, мам, вөтасин али мый?

СПИРА ДАРЬЯ. Кыдз нё вөтаси? Эг на кё водлы.

ЮРИЙ. Мый нё эськё нинём абусё юасян?

СПИРА ДАРЬЯ. Мыйла нинём абу? Нэм помөдзыд али мый кутан тадзи овны?

ЮРИЙ. Мыйла нэм помөдз? Вежсяс на од мыйкё.

СПИРА ДАРЬЯ. Эн вай вомёс пежав! Вежсяна кё од, вежсис нин. Та мында вонад. Оз, оз, пиё, нинём тані вежсьы.

ЮРИЙ. Вөтлан али мый нин менё?

СПИРА ДАРЬЯ. Ог жё вөтлы. Шогся со да. Кыдз нё водзёсё овны кутан, кор ме ог ло?

ЮРИЙ. Бара лөвтны уськөдчин. Вай бурджык вод. Ме ас вежөсё пета да вода жё.

Юрий мунё.

ДАРЬЯ. Гашкё, мед тані и олас да?

Кост. Мыччысьё Вась Вась.

ВАСЬ ВАСЬ. Ме сёр войөдз мөвпалі-арталі да со вои кутшөм кывкөртөдө. Бур, мый төрыт рыт тэ ме дорө шыөдчин. Зэв бур мөвпө воим со.

СПИРА ДАРЬЯ. Кутшөм нө тайө бур мөвп – ыстыны кытчөкө бокиө ассьыд быдтастө? Син водзын кө эськө вөлі, бурджык на да.

ВАСЬ ВАСЬ. Кватёт! Он нин мөй көсйы некытчө том йөзсө мөдөдны?

СПИРА ДАРЬЯ. Колө эськө мыйкө вөчны да. Василий Васильевич, збыль мөй сэсся миян Пакулаын олөмыс кусас? Нинөм выльыс сэсся оз нин мөй ло?

ВАСЬ ВАСЬ. Сылань ставыс мунө да. Ачыд өд аддзан.

СПИРА ДАРЬЯ. Аддза эськө да. Но век на тай лача кутан. Сэтшөм бур грезд вөлі да бырас кө, то лёк жө.

ВАСЬ ВАСЬ. Кодлы?

СПИРА ДАРЬЯ. Йөзыслы.

ВАСЬ ВАСЬ. Бокөвөйса пөвстсьыд некод оз и төдлы Пакула грездыдлөн бырөм йыв-сьыд.

СПИРА ДАРЬЯ. Гашкө да.

ВАСЬ ВАСЬ. Олөмыс петкөдлас. А өні колө мөвпыштны, мый бурлак зонъясыскөд вөчнысө. Ме татчө локтігөн Катя дорө кежалі да кори тэ дорө пыравны. Со, кылө, локтө нин.

Мыччысьё Катя пөч.

КАТЯ ПӨЧ. Мый бара лоөма-а. Василей корны корис, а эз висьтав, мыйла? Дарья мыйкө лоис али мый нө?

СПИРА ДАРЬЯ. Василий Васильевич висьталас. Сійө өд чукөстіс.

ВАСЬ. Сёрни эм. Сёрниыс тэкөд, Катя, збыльыс колана.

КАТЯ ПӨЧ. Прөстө өд эн кор. Кутшөм сёрни нө?

ВАСЬ ВАСЬ. Катя, тэ өд он нин дыр ов.

КАТЯ ПӨЧ. Менсьым кулөм виччысянныд али мый?

ВАСЬ ВАСЬ. Ог эськө да. Но кулан да, коді кутас Мишөтө вердны-юктавны? Та йы-лысь эн на мөвпыштлы?

КАТЯ ПӨЧ. Мөвпавла жө эськө да. Аслыс шулывла и. Мися, кызди бара-й тэ метөг овны кутан-а?

СПИРА ДАРЬЯ. Ме эськө тэ дорысь томджык на да, но тайөс шулывла жө.

ВАСЬ ВАСЬ. Вай ог кутөй кытшлавны. Тадзитө луныс вошас.

КАТЯ ПӨЧ. Мыйкө лоис али мый? Мыйкө Мишөыс вөчис али мый?

ВАСЬ ВАСЬ. Эз, нинөм эз вөч. Төрыт рыт со Дарья воліс миянө да юксис аслас мөвпөн. Меным сійө кажитчис коланаөн да ас кадө сетөмаөн.

КАТЯ ПӨЧ. Кызкө, Василей, бурджыка висьтав ли мый ли. Абу өд тэ собранньө вы-лын.

ВАСЬ ВАСЬ. Ёти кывйөн кө – ми мөвпыштім ыстыны том йөзсө карө.

КАТЯ ПӨЧ. Сідзи и төді. Мыжмөма, мися, Мишыс.

СПИРА ДАРЬЯ. Некод абу мыжмөма. Төрыт Юрий бара локтіс гажа юрөн, да со и мөвпышті, мый кызкө колө сійөс кутны водзө исковтөмсьыс. Весь олігад өд дзыкөдз

тшыксясны. Со и шуи Василий Васильевичлы, мися, колё найёс ыстыны сэтчө, кытөн уджыс эм. Карё. Сэні, гашкө, уджыс чуктасджык да.

КАТЯ ПӨЧ. Ме Мишёос некытчө мунны ог лэдз. Кула да, коді менё гуавнысё кутас?

ВАСЬ ВАСЬ. Гуалам кызкө... Он на кув. Тэа-меа дыр на сэрапом моз чисалам. Миянысь оз на мынны.

КАТЯ ПӨЧ. Код төдас.

СПИРА ДАРЬЯ. Миян кувтөдз том йёзыс дзикөдз вермасны тшыкны. Бытьё ог кө некытчө ыстөй. Чайтан, меным абу жаль Юрийёс йёзё мөдөдны? Кутшөм на жаль. Думышта да, синваой чепөсйө. Но мөд ногыс некытчө жө дай. Сідз өд, Василий Васильевич?

ВАСЬ ВАСЬ. Дзик сідз, Дарья. Нинөм бурыс миян Пакула грездын оз ло. Эн, Катя, и виччысь.

КАТЯ ПӨЧ. Гашкө да. Кор нө көсьянынды Мишөсө ыстыны?

ВАСЬ ВАСЬ. Сэтчөдз ылын на. Ме мөвпышті, мый колё кодөскө на пөвстысь ыстыны карас да мед пысасис сэтчө. Удж аддзис, оланін дасьтіс. А сэсся мөд кыксө кокныд-джыка лоө иналөма.

КАТЯ ПӨЧ. Мишө армияысь кындзи некытчө на эз ветлыв да. Пыр жө и вошас. Максим, гашкө, оз. Сійө зэв пыськөс.

ВАСЬ ВАСЬ. Максимөс ог медводдзанас ыстөй. Сылы сьом сетны киас он лысьт.

КАТЯ ПӨЧ. Кутшөм сьом? Кытысь сылы сьомыс?

СПИРА ДАРЬЯ. Ми мөвпыштім сьомсө чукөртны. Грездасясылысь. Коді мыйта вермас, сы мында и сетас. Сідз жө, кыз коркө меным керка вылад өктылінныд. Кор тай сотчим. Сё пасибө, мездінныд миянөс.

ВАСЬ ВАСЬ. Вай и өні том йёзыслы отсыштам. Мездем.

КАТЯ ПӨЧ. Мыйысь мездем?

ВАСЬ ВАСЬ. Олан туйсө индам. Шуа тай, мый тані, Пакулаас, налы вөчнысө дзик нинөм. Ми кувласям, найө өтнанысөн колясны...

КАТЯ ПӨЧ. Сэки и мунасны мед.

ВАСЬ ВАСЬ. Кватёт! Тэныд тай висьтав көть эн. Ми час нин тэныд висьталам, мый колё өдйөджык мыйкө вөчны накөд. Дарья со вөзйө кытчөкө карө ли мый ли ыстыны. А тэ, Катя, мый вөзьян вөчны?

КАТЯ ПӨЧ. Ме нө кутшөм вөзйысь? Нэмсө, мый тшөктылісны, сійөс и вөчлі да. Тэ өд тай со бригадиралін, миянлы уджсө индалін. Тэныд тыдаланаджык.

ВАСЬ ВАСЬ. Сідзкө, тэ он ло паныд.

КАТЯ ПӨЧ. Кодлы паныд?

ВАСЬ ВАСЬ. Бытьё мунас кө Мишөыд тэ дорысь карө.

КАТЯ ПӨЧ. Нимкодьясны ог кут. Но вывті нин ёна коранныд да, ог ло паныд. Гашкө, тадзи колё вөчны да. Миян мый олөма, олөма нин, да повнысө нинөмысь.

ВАСЬ ВАСЬ. Дзик сідз, Катя. А налы, томджыкъяслы, овны да овны на. А тані нө кутшөм олөм? Дерт, лапавны да мый да позьё. Но тайө оз на мортыдлысь сьөлөмтө бурмөд. Сылы аския лун вылө на лача колё кутны.

КАТЯ ПӨЧ. Бара собранньөтө восьтін.

СПИРА ДАРЬЯ. Ми сёрнитам-сёрнитам, а ассыныс эг на и юалөй. А асьныс кө паныд лооны? А налы кө кажитчө татшөм олөмыс? Сэки мый кутам, Василий Васильевич, вөчны?

ВАСЬ ВАСЬ. Чайта, мый найö оз лоны паныд. Но сёрнитлыны колö. Дарья, чукöстлы ас дорад Мишöсö да Максимсö. Эн öнi. Рытладорыс. Шуам, час квайтын, а ме сэки тэ дорö и кежала да, сёрнитам.

КАТЯ ПÖЧ. Меным, Василей, позяс жö волыны?

ВАСЬ ВАСЬ. Тэтöг нин кызкö.

КАТЯ ПÖЧ. Метöг, гашкö, кытчö ыстанныд Мишсö да.

ВАСЬ ВАСЬ. Волы инöсь, но ёнасö эн суйсьы. Бытьö пыксьыны кö томъясыс босът-часны.

КАТЯ ПÖЧ. Ог, ог.

ВАСЬ ВАСЬ. Ме сэсса муна. Агни корсьысьны кутас.

КАТЯ ПÖЧ. Менö эн коль.

Вась Вась да Катя пöч саймовтчöны.

ДАРЬЯ. Юрий, кылö, садьмис, вердыштны колö. Карас мунас да слöймас на тшыгъявнысö.

Мыччысьö Юрий.

ЮРИЙ. Вась Васьыс нö мыйла воліс?

СПИРА ДАРЬЯ. Вась Вась? А-а... Вась Васьыд. Сійö тай коксö веськөдігмоз кежаліс. Тэ нö кытысь сійöс аддзылін?

ЮРИЙ. Сарайö кайлігөн гөлөссö кивлі. Сёрнитанныд вöлі. Кытчö нö нин кодöс ыстанныд?

СПИРА ДАРЬЯ. Ме, ме ставсьыс мыжаыс. Тöрыт тэнад юом вылö сэтшöма дöзми, мый петалі Вась Вась дорад элясьны. А сійö со вöзйис тіянöс карö ыстыны.

ЮРИЙ. Карö?! Мый нö ми сэнi вöчны кутам?

СПИРА ДАРЬЯ. Уджавны. Тані со некутшöм удж нин сэсса оз мыччысь да. Öтнадöнтö на Вась Васьыс тэнö ыстыны кöсйö-а. Ме эськö паныд да. Мунас пö медводзын Юрийыд. Сэсса мукöдсö кыскас.

ЮРИЙ. Мынтöдчыны миянысь ставныд кöсьяанныд.

СПИРА ДАРЬЯ. Ог жö мынтöдчöй!

ЮРИЙ. Мый нö эськö вöчанныд?

СПИРА ДАРЬЯ. Ме ог и тöд. Но тадзи оз жö позь. Куим бурлак зон грездас и коли. Ставыс нин муналісны бурджык ин корсьны. Гашкö, Юрий, кывзысям Вась Васьыслысь да? Чайтан, меным абу жаль тэнö кытчöкö ыстыны? Зэв жаль, сьölöмöс чепöльтас, кор та йылысь мөвпышта. Вась Васьысь сідз он на мын. Сійö тшöктіс, мед ме чукöртi тіянöс квайт час рыт кешлö миянö. Вай, Юрий, висьтав Максимыслы да Мишöыслы, мед кежаласны квайтнас татчö.

ЮРИЙ. Ачыд и висьтав. Тэныд Вась Васьыс тшöктöма да.

СПИРА ДАРЬЯ. Абу öд ме бригадир, медым грездсö кытшовтны да татчö коравны. Тэныд öд кивывджык. Он мöй кöсйы талун накöд паныдасьлыны? Аддзысянныд да, висьтав. Сöмын эн висьтав, мый могысь Вась Васьыс чукöртö найöс. А то оз локны.

ЮРИЙ. Видзöдлам. (Петö.)

СПИРА ДАРЬЯ (бöрсянныс вöтчигмоз). Оз кö локны, тэ мыжаыс лоан.

Мишлөн да Катя пöчлөн оланін. Сэні Максим да Миш. Нянь шөрөм кианыс.

МАКСИМ. Кокуд кузь. Лок пажнайт.

ЮРИЙ. Ме сёйöма нин.

МАКСИМ. Тэно мамыд калбасөн вердö да, бур. Мед нин көть чöлыштін да меным вайин. А то тшак вылад кынём сöмын дундылö. Горзьöдас, и бара нин тшыг.

ЮРИЙ. Регыд ставным кутам калбас сёйны.

МИШ. Сьöмөн али мый зэрны кутас? Радио пыр висьталісны?

ЮРИЙ. Оз эськö сьöмөн да. Миянös со Вась Вась карö овны ыстö.

МАКСИМ. Миш висьталіс нин.

ЮРИЙ. А мый нö эськö веськодьöсь?

МИШ. Быд выживалöмсö кө кывзыны. Пöч садьмигмоз юөртіс, мый сы дорö төрыт рыт мамыдкөд волöма Вась Вась да тшöктöмаöсь меным дасьтысьны карö мунны. Дыркодь лөвтіс, мый ме ог бура ов да сійөн миянös пö торйöдны көсйöны. Ме дзик нинём эг гөгөрво. Збыль мöй Вась Васьыс мамыдкөд йöйтавны босьтчöмаöсь али мый?

МАКСИМ. Тайö Вась Вась ставсö гудыртö. Оз овсьы пöрысь выживлөн. Век на асьсö бригадирөн чайтö.

МИШ. Ме пöчлысь эг торъясö кывзы. Мыйкö дзик гөгөрвотöма висьталіс да. Весиг шлюпкины-бöрдны босьтчыліс и быдөн. Быттьöкө аски нин меным колö гортысь петны. Тэ, Юрий, гашкö, унджык төдан? Мамыд мый шуö?

МАКСИМ. Тэнад мамыд томджык наысь да оз на кежлась. Гашкö, сійö тэныд бур ногөн мыйкö висьталіс?

ЮРИЙ. Мамö Вась Васькөд, тыдалö, öти кывйö воöмаöсь. Сёрнитчöмаöсь, мый карö миянös, куимös, колö пö ыстыны. Грездас пö миянлы нинём вöчнысö да.

МИШ. Сідзсö эськö нинём и эм.

МАКСИМ. Карад öд мунны да овны сьöм колö. А менам зептöй пож кодь роза. Нинём абу.

ЮРИЙ. Мамö шуис, мый Вась Вась көсйысьöма став грездыслысь чукöртны. Код мый вермас, сы мында и сетас.

МИШ. Сэтшöма нин мöй миянысь мынтöдчыны көсйöны?

МАКСИМ. Мед чукöртасны. А ми воöдчам Сьöлаыбöдз да став сьöмсö сэні и сысьялам-юам. Сэсся бөр локтам дай. Шуам, мый карас эг инасьöй.

МИШ. Збыль кө ыстыны кутасны татысь да нöшта на и сьöм сетасны, то тадзи и позьö вöчны. Унджык кө сьöмсö вермасны чукöртны, то позяс и карöдз шутёвтлыны. Сэні паськыдджыка позяс трайгыны. Весиг нывъясöс на позяс аддзыны.

ЮРИЙ. Менам дзик юрысь петіс. Вась Вась тшöктöма, мед ми квайт час рытын ставөн вöлім миянын.

МАКСИМ. Кутам тай сылысь сөрöмсö кывзыны.

МИШ. Вай ветлам. Гашкö, збыльысь сьöм нин миянлы сетасны. Лунтыр чукöртасны да мычасны ватага сьöм. Олыштам ми сэки.

МАКСИМ. Тадзи кө быттьö, то ме ветла жö.

ЮРИЙ. Петалам көть ывла вылас да грезднымös синмөн кытшовтам. Ыстасны карад, да ог сэсся и аддзылöй. *(Том войтыр сералігтыр саймовтчöны.)*

Спира Дарьялөн оланін. Сэні Спира Дарья. Мыччысьё Вась Вась.

ВАСЬ ВАСЬ. Эз на бурлакъясыс локны?

СПИРА ДАРЬЯ. Эз на. Юрий пажын бёрас Максим ордё муніс да эз жё волы. Сылы тшөкті висьтавысьё, мед мянё воласны.

ВАСЬ ВАСЬ. Виччысьлам, сідзкё.

СПИРА ДАРЬЯ. Тшай коть пукта. Гёсьтъяслы.

Тыдовтчё Агни.

ВАСЬ ВАСЬ. Тэ нё мый татчё воин?

АГНИ. Аддзылі, кыз тэ татчё кежин, да локті. Мыйла нё гортё эн пыр, а татчё тапиктін?

СПИРА ДАРЬЯ. Он-ё нин вежөгты?

АГНИ. Менам вежөгтан кадыс кольёма нин. Водзті вежөгтылі.

ВАСЬ ВАСЬ. Кватёт! Дугды бызгынытё. Миян тані аскежся сёрни. Абу, абу Дарьякөд. Том войтырсё со виччысям.

АГНИ. Ме өд верма жё виччысьнысьё. Кузь лунтыр көнкё довъялін, да өтнамы гор-тын гажтём лои. Тані коть йёз сёрнисё кывзышта.

ВАСЬ ВАСЬ. Сёмын кывзы, а эн некытчё сюйсьы.

АГНИ. Ог, ог. (Аслыс моз.) Кын мыр моз пукавын татчё эг на лок. Чёв овнытё и гор-тын верма.

Мыччысьёны куим зон. На бёрся локтё Катя пёч.

КАТЯ ПЁЧ. Юны жё мунанныд, тёда өд. Ылёдланныд сёмын. Тадзи кө, Мишё, кутан овны, Вась Васьыд өдийё грездсьыс вётлас. Ыршасьё нин со тёрыт вёлі. Эн өдийё мунёй, виччысьлөй. Сьёлөм потас тіян бёрся вётчигён.

ВАСЬ ВАСЬ. Эн вай, Катя, лосьөдлы. Ме некодөс грездсьыс ог вётлы.

МАКСИМ. Быдса собраннё тай чукөрмис. Со мындаён лоим. Нёшта локтасны на?

ВАСЬ ВАСЬ. Оз некод лок. Ог кутёй кадсё кыскыны. Ті, дерт, тёданныд нин, мый мого-гысь ми тіянөс корим?

АГНИ. Тэ, гашкё, корин-а. Ме тай эг-а.

ВАСЬ ВАСЬ. Ме со грездсё кытшовті, да йёзыс абу жё паныд, медым ті ассьыныд шудтё корсинныд мөдлаысь, карысь.

КАТЯ ПЁЧ. Кутшөм шуд йылысь и сёрнитё?

МАКСИМ. Миянлы со Василий Васильевичыс шуд аддзёма. Сійөс висьталё.

ВАСЬ ВАСЬ. Кватёт! Эн тшөкөлдывайт. Ті мөй паныдөсь?

МИШ. Кодлы паныдөсь?

ВАСЬ ВАСЬ. Ті мөй паныдөсь сылы, мый ми грездын чукөртам сьөм, медым ыстыны тіян пөвстысь кодөскө карө?

МАКСИМ. Абу. Сьөмыдлы нё коді паныд сувтас?

МИШ. Энлы, Максим. Он мөй ставнымөс өтлаын ыстөй?

ВАСЬ ВАСЬ. Ог. Ставы вылө мян сьөм оз чукөрмы. Ёти морт вылө сёмын вермам өктыны. Но сылы колө оз сёмын аслыс уджсё да оланінсё аддзыны, но и мөд кыкыслы тшөтш.

МАКСИМ. Мунам кө, сөмьин өтлаын.

ДАРЬЯ. Оз пө со артмы да.

КАТЯ ПӨЧ. Ме Мишөс некытчө өтнасөн мунны ог лэдз. Сійө карөдзыс весиг оз во. Вошас йөзад.

МИШ. Ог эськө вош да. Дерт, карад ме эг на вөвлы.

КАТЯ ПӨЧ. Мед Максим мунас. Сылөн вомыс вөрөджык.

ВАСЬ ВАСЬ. Вот Максимыд и оз во карөдзыд. Сылөн Сьөлаыбын нин став сьөмыс бы-
рас. Чайта, мый Юрий медся бура лөсялас.

МАКСИМ. Юрий кө и Юрий. Меным өтнамлы дыш жө муннысө-а.

КАТЯ ПӨЧ. Юрий лөсялас, сійө карсө бура нин төдө. Сэні велөдчис да.

ЮРИЙ. Ме, ме эськө абу дзик паныд да. Но мый нө колө вөчнысө сэні?

МАКСИМ *(вашкөдигмоз)*. Бөрас висьталам.

ВАСЬ ВАСЬ. Шуи тай, мый медводзын мунысьыслы колө корсьны лөсялана удж,
оланін да сэсся вайөдны карас мукөдсө. Та бөрын асьныд вөчөй, мый да кызди
көсьянный. Он вошөй, овны кө быттьө бурногөн көсьянный.

АГНИ. Кызд нө, Василей, бура овнысө колө?

ВАСЬ ВАСЬ. Кватёт! Кызди-кызди? Бура дай ставыс! Сідзкө, тадзи и вөчам. Медводз
карө мунас Юрий. А ми видлам сьөм чукөртны.

МАКСИМ. Унджык чукөртөй. Мед и колльөднысө тырмис. Лун куим өд кутам
колльөдчынысө.

МИШ. Куим луныд этша. Вежон кымын ковмас.

ВАСЬ ВАСЬ. Некутшөм колльөдчөм оз ло. Ме сьөмсө гортсьыс петигөн сөмын сета.

МАКСИМ. Тадзи кө, то мый миянлы тані вөчнысө? Мунам, Миш.

ЮРИЙ. Менө эн кольөй. *(Вөтчө ёртъяс бөрсяыс, да саймовтчөны.)*

СПИРА ДАРЬЯ. Бара өд юны мунасны. Ме час суөдла.

КАТЯ ПӨЧ. Ме налы юа. *(Нывбабаяс мунөны жө.)*

АГНИ. Миянөс татчө колисны. Мунам, Василей, миян асланым керка на эм. *(Гозъя
саймовтчөны жө.)*

Кост. Сцена вылө петөны Юрий да Петя.

ПЕТЯ. Мый нө он вочавидз? Тэныд өд висьтала.

ЮРИЙ. Мый?

ПЕТЯ. Менө, мися, бать корис тэнө карөдзыс нуны. Ме со локті ас машинаөн. Бать
тшөктіс патераөдзыд нуөдны.

ЮРИЙ. Кутшөм патераө, Петя?

ПЕТЯ. Абу тай нинөм менсьым кывзөмыд. Мися, патера нин тэныд аддзи. Бать тшөктіс
оланінөн отсавны да. Шуө жө эськө вөлі, мед ас дорө овмөда, но некызди. Бать век на
воддза олөмнас олө. Оз төд, мый өні карад унаөн дон вылө овмөдөны. *(Чөв олыштөм
бөрын.)* Ёнісянь ме тэныд абу Петя, а Пётр Васильевич.

ЮРИЙ. Гөгөрвои. А код дорө нө овмөдан, Пет... Пётр Васильевич?

ПЕТЯ. Позис эськө кутшөмкө пөч ордө. Вөзйөны жө татшөм оланінъяссө. Ме тэ-
ныд общежитиеысь жыр аддзи. Медся донтөмсө. Чайті, мый тэ дзик сьөмтөм да.
А батьө со висьталіс, мый став Пакула грездыс тэныд сьөмсө чукөртөма. Уна-ө нө
өктөмаөсь?

ЮРИЙ. Ог төд. Эз на сетны да.

ПЕТЯ. Мыйкө тай нинөм сійө меным эз висьтавлы. Бать кө чукөртис, то, көнкө, лыдсө пасйөма. Сылөн быдтор пасьялөма. Бригадир руыс некыдзи оз пыркав.

ЮРИЙ. Гашкө да.

ПЕТЯ. Сетасны да, суй пыдөджык сьөмтө. Эн вошты. Карыд өд абу Пакула грездыд.

ЮРИЙ. Гусяласны али мый?

ПЕТЯ. Вермасны и гусявны. Шуа тай, мый карыд абу сиктыд. Сэни мөдджык йөз олоны. Велавны колө на дорө. Ме тай велали-а.

ЮРИЙ. Йөзүд быдлаын өткодьюсь. Киаось да кокаось.

ПЕТЯ. Абу на быдлаын өткодьюсь. Карыд мортсө вежө. Тэ, Юрий, керкасьыд петан да ставсө нин водзвыв төдан, кытчө мунан, коді воча паныдасяс. Ставныс төдсаось, быд пельөс ачылд төдан и. А карад петан гортсьыд да он төд, кор балябөжад лөсыштасны.

ЮРИЙ. Тышкасьоны али мый?

ПЕТЯ. Дзик эськө оз тышкасьны да. Ме сідз шуа. Сэни збыльысь он төд, кодлы кыдз шуны, кодысь повны, кодөс ошкыштны. Синмыд мед водзад и бөрад вөлі. А грездад абу тадзи. Тані ставыс ас да гөгөрвоана.

ЮРИЙ. Гажыд былрө Пакуласьыс?

ПЕТЯ. Öнi озджык нин, а водзтi ёна былрiс. Но локта бать-мам дорө, аддза гудыр-гадыр оломсө, да бөр окота өдийджык карө тюрны.

ЮРИЙ. Кутшөм нө Пакулаас гудыр-гадыр?

ПЕТЯ. Тi велалөмныд да он казялөй, а меным гудырыс пыр жө синмө сатшө. Дзик кык пөлөс олом грездад да карад. Ме öнi эськө Пакулаад лун эг ов. Эз кө быттьө ай-мам сэни вөвны. Кывзы, Юрий, кор сетасны сьөмтө да мөдөдчам, тэ меным сійөс вайлы.

ЮРИЙ. Мыйла?

ПЕТЯ. Видзөдлам көть, мыйта убөлитөмаось сетапны пакуласаясыс. Йөзүдлысь öнi уна он босьт.

ЮРИЙ. Мыйта сетисны, сійө и бур лоас. Мам эськө эз вермы та мындасө лишөдны. Пенсиясьыд кытысь унаыс. Мыйла, Пётр Васильевич, телепит төдмапны, мыйта өктисны?

ПЕТЯ. Кыдзи мыйла? Меным жө бать тшөктис отсыштны тэнө кытчөкө инапны. Патерасьыд төлысь кык водзвыв колө мынтыны.

ЮРИЙ. Вой на эг узь, а мынтысьны нин ковмас али мый?

ПЕТЯ. Ковмас. Сэсса удж вылад инапны тшөтш жө сьөм ковмас. Мавтышттөгыд некод тэнө оз босьт. Тайө өд абу Пакулаыд, а кар, көні ставыс вөчсьө сөмын сэк, кор сьөмсө мыччөдлан. Сэсса и карас вайөмсьыс на ковмас тэныд вештысьны и. Чайта, мый тэ он ло паныд. Бензиныс өд оз енэжсяныыс зэр моз киссьы. Сэсса и омөлиник туйнад машина гыркыйыс пыркалас. Гашкө, дзоньталыштны на ковмас. Сэсса ресторанө ветлөм могысь на сьөмыд ковмас.

ЮРИЙ. Мый нө ресторансьыс кутам корсьны? Ме гортысь мыйсюрө нуа. Сёянсө, шуа. Пусьыны кужа жө. Мый оз тырмы, лавкаысь босьта.

ПЕТЯ. Дзик тай тэ йөй! Тайө жө кар! Код нө кутас тэнө ресторанө нуөдлытөг удж вылө босьтны?

ЮРИЙ. А тэ, Пётр Васильевич, нуөдлiн жө?

ПЕТЯ. Кыдз нө татөгыс? Кывзы, Юрий, а тэныд тайө сьөмсө удждөны али сідз сетөны?

ЮРИЙ. Ог и вермы тшукасё шуны. Менё од мырдысьонмоз карас ыстёны. Ог од кёсйы Пакуласыс некытчё мунны. Но ыстёны тай, мед ачым пысаси да и Мишёс да Максимёс сэтчө жё нуоди.

ПЕТЯ. Меным тайёс батьё висьталіс жё. Ёна и сералі.

ЮРИЙ. Мый вылө?

ПЕТЯ. Йойталом вылас. Нинём али мый сэсся Пакулаас йёзыслы вёчнысё? Тіян вёсна тадзи тёждысьом кындзиыс?

*Мыччысьёны Максим, Миш, Катя Пёч, Спира Дарья.
Медбёрын мыччысьёны Вась Вась да Агни.*

ВАСЬ ВАСЬ (мыччө сьом тубрас). Став йёз дырйиыс сета.

ПЕТЯ. Медым бёрас мыйкө кө лоас, эн кут пыксьыны.

ВАСЬ ВАСЬ. Ог, ог та вёсна.

МАКСИМ. Абу тай этша. Ёні олыштам! Да од, Мишө?

ВАСЬ ВАСЬ. Кватёт! Тэ льобтө эн нювлы. Грөш тіянлы сэтысь оз чукты. Тёлысь чөжнин трайгинныд. Тырмас!

МИШ. Видзөдлам.

ВАСЬ ВАСЬ (Юрийлы). Ме дорсянь мунан. Петя пиёй тэнё карөдзыс лэччөдас.

ПЕТЯ. Бытьё ыджыд крам праздник талун. Ставныд машинаас он төрөй.

АГНИ. Ставнысё эн пуксьөд. Жугөдасны.

ПЕТЯ. Кадсө ёна эн нюжөдөй! Аддзысьлытөдз мунысьыслы шуёй, да и вөрзьөдчам.

Йёзыс ызгёны, мыйкө ота-мөдныслы висьталёны. Сөмын Юрий чөв олө.

ВАСЬ ВАСЬ. Кватёт!

ДАРЬЯ. Со од кытчөдз воим! Со од мый выйөдз вайөдісны!

ВАСЬ ВАСЬ. Петя, Сьёлаыбас весиг эн сувтлы. Карөдзыс ну Юрийсө. А то этайё бурлакъясыс мый йылыськө сёрнитчисны!

ПЕТЯ. Сідзи вёча. Карөдзыс сувтлытөг нуа, медым оз чеччышт да бөр тіян Пакулаад оз уйкнит!

Ставён киасьёны Юрийкөд, кутчысьлөны.

Мөд юкөн

Петкөдчөмыс ресторанын. Ворсө шылад. Кодъяскө йөктёны. Мыччысьёны Юрий да Петя. Корсьёны ассьыныс пызансө. Пуксьёны.

ПЕТЯ. Юрий, ме ставсө босьта ас вылө. Сөмын бура асьтө кут. Эн ю нинём.

ЮРИЙ. Весиг ва оз позь?

ПЕТЯ. Ватө позьё. Ме курыдтор йывсьыс шуа. Пукав да вочавидз сөмын сэк, кор юаласны. Ачыд сёрнисө эн пан.

ЮРИЙ. Унаён мөй локтасны?

ПЕТЯ. Оз. Оз унаён, сөмын кыкөн. Начальникным да сылөн гуся мусукуыс.

ЮРИЙ. Пукыштам, да аски меным удж вылө нин ковмас петны? Ёд быдса вежон нин ме тані, а век на уджтөм.

ПЕТА. Зэв тай тэрыб. Менам могыс – петкөдлыны тэнө. Кажитчан кө, то босьтас, а он кө – ачыл мыжаыс.

ЮРИЙ. Кыдз нө ме мыжа лоа?

ПЕТА. Код төдас. Вай эн пысась быдлаё. Вөч, кыдз тшөкта, и ставыс бур лоас.

Босьтчө ворсны ньөжмыд шылад. Налөн пызан дорө матыстчө Нина.

НИНА. Позьё том мортсё йөктыны корлыны?

ПЕТА. Менө том мортнас шуин?

НИНА. Эг тіянөс, а тайё том мортсё. *(Видзөдө Юрий вылө.)*

ПЕТА. Тэнө со корёны.

ЮРИЙ. Кытчө корёны? Мый, мый колө вөчнысё?

ПЕТА. Йөктыны корёны. Гашкө, и мөдтор вөчны да.

НИНА *(Петялы)*. Гашкө, мөдлаын тадзсё бызганныд да? *(Юрийлы.)* Ме тіянөс йөктыны кора.

ЮРИЙ. Менө? Мыйла?

ПЕТА. Оз куж сійө йөктынысё. Съод пемыд вөрысь мортыс.

ЮРИЙ *(ырситчө да сувтө)*. Кужа. Мыйла нө ог куж?

НИНА *(йөктыны босьтчөм бөрын)*. Кыдзи тіянөс шуёны?

ЮРИЙ. Юрийөн.

НИНА. А менө Нинаён. А кодкөд ті пукаланныд? Мыйсяма морт сійө? Эн полөй, ме сылы нинөм лөксё ог вөч. Меным мыйлакө сійө оз кажитчы. Кыдзи ті сы дорө веськалінныд?

ЮРИЙ. Тайё Петя. Менө сійө татчө вайөдіс.

НИНА. Ме тай тіянөс дзикөдз шай-паймунөді. Збыльысь меным сійө оз ков. Менө шензьөдіс сійө, мый ті дзикабу на кодьёсь. Быттьө дзик мөд мувылысь воёмныд. Орччөн пукаланныд, а мөвпъясныд мөдлаын. Он гажөдчөй, мыйкө жугыля мөвпаланныд. Мый йылысь нө?

ЮРИЙ. Нинөм сэтшөмсё ог мөвпав.

НИНА. Аддза өд. А ті дыр на кутанныд тані пукавны?

ЮРИЙ. Ме ог төд. Регыд пө воас сійө, коді менө удж вылө босьтас.

НИНА. Ме сідзи и төді.

ЮРИЙ. Мый төдінныд?

НИНА. Мися, ті дзик сылы ковтөм морт.

ЮРИЙ. Эг гөгөрво.

НИНА. Кутшөм сэтшөм удж нө тіянлы колө? *(Шыладыс помасис.)* Эн ло омөлиник кавалерөн. Нуөд менө пызан дорөдзыс. А то лэчкысь мынөм пөтка моз пышйыны видзөдчан. Меысь он мын. Кута корны йөктыны сэтчөдз, кытчөдз ставсё он висьтав. Дасьтысь. Медводдза юалөмыс лоас сы йылысь, кутшөм удж виччысян ресторанса пызан сайын пукалігас. Министрлысь?

Юрий нуөдө Нинаөс пызан дорөдзыс.

ПЕТЯ. Коді сійö? Эз висътась?

ЮРИЙ. Нинаön тай висътасис-а. Сэссия нинöм ог тöд.

ПЕТЯ. Ме эськö гөгөрвоышта, коді сійö да.

Бара босьтчö ворсны ньöжмыд шылад. Юрий ветлö Нина дорö да корö йöктыны.

НИНА. Окота лои аслыд висътавны.

ЮРИЙ. Мый висътавны?

НИНА. Кутшöм удж нö ресторанас аслыд чуктöдан?

ЮРИЙ. Трактористлысь.

НИНА. Мый? (Серöктö.) Трактористлысь?!

ЮРИЙ. Мый нö тані серамыс?

НИНА. Кызди мый? Эг на кывлы ни тöдлы, медым трактористлысь уджсö пычкисны ресторанын.

ЮРИЙ. Зэв пö сьöкыд тайö уджсö карад корсьнысö да.

НИНА. Коді висъталіс? Эсійö... тэнад тöдсаыд...

ЮРИЙ. Сійö. Петяыс.

НИНА. Ме эськö эг на медасьлыв трактористас, но чайта, мый сійös быд пельöсын виччысьöны. Гашкö, тэнö кутшöмкö торъя котырö кöсйöны пыртны да? Кöні уна мынтöны.

ЮРИЙ. Ме ог тöд. Меным мед сöмын кутшöмкö удж.

НИНА. Сиктас уджыс дзикöдз быри али мый?

ЮРИЙ. Миян Пакулаын некутшöм абу.

НИНА. Пакула? Кытыськö ме кывлі тайö сикт нимсö. Некедз ог вермы тöд вылö уськöдны.

ЮРИЙ. Абу сикт, а грезд.

НИНА. Меным дзик öткодь. Карысь петан, и сиктъяс нин тыдовтчасны. А тіян Пакулаыд тасянь ылын?

ЮРИЙ. Абу матын. Ми час сизим локтім. Туйыс абу карад моз шыльыд да.

Ньöжмыд шылад помасис. Ныла-зонма бара разöдчисны.

ПЕТЯ. Эз на сьöлöмыд бурмы?

ЮРИЙ. Мыйкö тай начальникыд дыр оз лок.

ПЕТЯ. Сы вылö и начальникыс, медым сёрмыны. Тэнад сьöмыд пыдын?

ЮРИЙ. Ме сійös сьöрысь ог новлöдлы. Неуна такси вылас босьтышті, а коляссö дзеби.

ПЕТЯ. Кызд эн босьт?! А ковмас кö нö?

ЮРИЙ. Мый вылö, Пётр Васильевич?

ПЕТЯ. Колöкö, тэнсьыд сэкнад босьтыштöм сьöмыд вештысьнысö оз тырмы да? Ассьым öд ог сет. Тэ вöсна со ковмис татчö кыссьыны да нöшта на кö сьöм видзны. Вывті дона лоас тэнö удж вылад иналöмыс. Гашкö, бур, мый эн босьт да. Гашкö, сэкса вылас тырмöдчам.

ЮРИЙ. Тырмас, дерт.

ПЕТЯ. Тэ, Юрий, татшöм нывъяс вылас ёна вомтö эн паськöдлы.

ЮРИЙ. Кутшом нывъяс?

ПЕТЯ. Ме татшомъясто пыр пырыс аддза. Бур, мый съомто эн босът. Пыркнитисны эськө дзоньнас тэнсьыд.

ЮРИЙ. Кызди?

ПЕТЯ. Быттьо он тод. Тайояс жö съома йöз бöрся и кыйкъявны воöмаöсь. Шензя весиг, мыйла тэнö крукыштны мöвпыштöмаöсь. Тэнö жö весиг паськөм да шома чужöм сертиыд позьö гөгөрвоны, мый некутшом съом тэнад абу.

ЮРИЙ. Збыльысь мый этйö... кодъяс тай съом вылö...

ПЕТЯ. Ме öд төвйылөм көч. Татшомъясто аддза. Со мый ме тэныд, Юрий, шуа. Кутас кө телепонтö корны ли асьыс вöйыны – эн висътав ни эн босът. Гөгөрвоа, мый тi Пакулаад нывъястöгыд йöймöмныд нин. Вöраыд тыр. Верман ыштыны. Гөгөрвоин?

ЮРИЙ. Мыйкө меным оз эскыссьы да, мый сйö эсйö...

ПЕТЯ. Мый нö тэ аслад грездад аддзылiн? Дзик нинöм. А ме танi ог нин öти во гартчы. Тöда карса олöмыслысь да йöзыслысь гугсö и бансö. Он кө гөгөрво – эн вензы, а кывзы, мый төдысь йöзыс висъталöны.

ЮРИЙ. Бур.

Бара ньöжмьд шылад. Нина матыстчö Юрий да Петя дорö.

НИНА. Позьö тiянöс?

ПЕТЯ. Гашкö, тырмас сэсся?

НИНА. Ме öд ог тай тiянöс йöктынысö кор. Юра, позьö тэнö нöшта öтчыдысь корны йöктыны?

ПЕТЯ. Пукав.

ЮРИЙ. Ме öд эг татчö пукавны лок. *(Тэрыба сувтö да нуöдö нылöс йöктанiнас.)*

НИНА. Мыйкө лоис али мый?

ЮРИЙ. Нинöм эз ло.

НИНА. Эн пыксьы. Казялi öд, мый весиг мелань синтö эн чöвтлы. Мый нö ас грездсайд висъталiс?

ЮРИЙ. Нинöм эз.

НИНА. Эз кө и эз. Юра, ме лöсьöдча мунны. Но меным окота нöшта паныдасьлыны тiянкöд.

ЮРИЙ. Мыйла?

НИНА. Колö. Гашкö, кодкö вылiсянь ыстiс меным тiянöс. Тöдiс, мый öнi меным зэв ёна колö төдмасьны ылi сиктса морткöд.

ЮРИЙ. Нинöм ог гөгөрво.

НИНА. Удж кузя меным тайö колö. Ме öд карын быдми. И некодöс ог төд, кодъяс олiсны сикт-грездъясын. Со другысьөн найö ковмисны, да некод абу, некодлысь юасьнысö. Та вöсна и колö нöшта öтчид тэнö аддзывны да бурджыка варовитны.

ЮРИЙ. Мый йылысь?

НИНА. Эм мый йылысь. Мöдысь паныдасигөн висътала. Тэнад кутшом телепон номерыд?

ЮРИЙ. Менам телепоныс абу.

НИНА. Эн пöръясъ. Ме öд казявлi зепсьыд кыскылöмсö. Кадсö, тыдалö, видзöдлiн. Висътав номерсö, да ме звöнитла... Менам со тайö кабалаас гижöма. *(Сетö бумагатор.)*

ЮРИЙ. Ме ассыым гижышта жö. *(Кыскö ручка, гижö Нинаөн сетöм бумагаö да косялыштö.)* На.

НИНА. Аттö. *(Мунö.)*

ПЕТЯ. Слабог!

ЮРИЙ. Меным, гашкö, мунны жö да? Эз тай локны.

ПЕТЯ. Локтасны. Пукав. Сэсся ковмас на найöс таксиөн мөдөдны. Тайö тэ да ме автобусөн мунам, а найöс бытöн колö таксиөн мөдөдны. Тайö öд кар. Тані мөд олөм. Ме ставсьыс вештыся, но ас сьöм вылö тiянöс гажөдны, вердны да новлөдлыны ог көсйы. Найöс ми ыстам таксиөн гортас, а ми тэкөд автобусөн мунам тэнад оланінөдз. Ковмас тэныд меным сетны сьöмсö, кодöс ме öнi видза. Быттö колис кө на сьöмыд.

ЮРИЙ. Кольыштіс неуна.

ПЕТЯ. Меным вылö кө тырмас и.

ЮРИЙ. Колö кызкө меным веськавны. Öд бара лун коли, а нинөм водзöсö оз мун.

ПЕТЯ. Веськалан. Петалам, гашкö, воисны, да колö пыртны. *(Мунöны.)*

Кост. Мыччысьö Юрий. Звөнитö телепон. Сценалөн кутшөмкө пельöсын мыччысьö Нина. Найö, дерт, öта-мөднысö оз аддзыны.

ЮРИЙ. Кывза.

НИНА. Юра! Тэ абу на удж вылын? Гашкö, манита?

ЮРИЙ. Он, он манит. Эз на уджыс сюр.

НИНА. Эз мөй ресторанас гөститөдөмыс отсав? Воліс эз сэкнад начальникыс?

ЮРИЙ. Воліс эськө да. Но мыйкө тай водзö нинөм на эз мун.

НИНА. Төдан, мый вöсна звөнита? Паныдасьлыны колö.

ЮРИЙ. Неуна төдышта. Но менам сьöмыс абу.

НИНА. Кутшөм сьöм?

ЮРИЙ. Паныдасьöмсьыс мынтысьнысö, мися, сьöмөй абу.

НИНА. Тэ йöй али мый? Паныдасьöмсьыс нö мыйла сьöмыс колö?

ЮРИЙ. Оз мөй?

НИНА. Оз, дерт. Ме нинөм эг кут гөгөрвоны. Кор нö аддзысям?

ЮРИЙ. Менам кадыс юр выв тыр. Кор көсьян, сэки и паныдасям.

НИНА. Ме öнi отпускын. Верма көть кор.

ЮРИЙ. Нель час рытын. *(Кусөдö телепонсö. Но сійö бара звөнитö.)*

НИНА. Тайö бара ме. Ме чайті, мый он көсйы мекөд аддзысьлыны, да кор сөглас лоин, весиг вунөді юавны, көні ми паныдасям.

ЮРИЙ. Ме та йылысь жö öнi мөвпала.

Юрий да Нина матыстчöны öта-мөд дораныс.

НИНА. Мыйсянь и босьтчыны? Меным зэв ёна колö төдны сиктса олөм йылысь. Та вöсна и со пысаси тэ дінö.

ЮРИЙ. Мый нö сэтшөмыс сиктса олөмас, мед төдмавнысö? Сэні öд нинөм сэтшөмыс абу.

НИНА. Эм. Тiян олөмыд карса дорсьыс торъялөджык.

ЮРИЙ. Тайöс ме казялі жö нин. Гажтөм тiян тані.

НИНА. Гажтөмнад эськө абу гажтөм, но торъялө. А меным арөдзыс бытьон колө төдны сиктса нывбабалөн олан сям, гортгөгөрсә удж йылысь дзик ставсө. Ог кө төдмав, то...

ЮРИЙ. Нинөм ог гөгөрво тэнад сёрниысь.

НИНА. Ме өд театрын уджала. Артисткаала. Петім отпускө. А сы водзвылын миянлы выль спектакль кежлө тшөктисны дасьтысьны.

ЮРИЙ. Отпускалигас?

НИНА. Гашкө, мукөдыс и отпускаласны, а менам шойччысьсөма нин, тыдалө. Пьесаыс, кодөс шуисны спектакльөдз вайөдны, сиктса олөм йылысь. Абу өнiя олөм, а важся. Меным колө ворсны нывбабаөс. Но ме ог төд, кутшөм сiйө. Сиктад өд ме торъясө эг и вөвлы. Сiдз, тшак вотны ветлигөн сиктьяс пыр мунам, и ставыс. А кыдзи сэнi олөны, кутшөм олан сямыс йөзыслөн, дзик нинөм ог төд. А сэтшөм окота тайө рольсө ворсны. Ог кө кут кужны, кор арнас репетициясыс лоасны, то мөдлы сетасны. Ме өд ачым мырдысьонмоз вөзйыси нывбабасө ворсны.

ЮРИЙ. Мыйөн нө ме верма отсавнысө?

НИНА. Шули нин тай, мый менам ни өти төдса абу, кодi эськө вермис сиктса олөм йывсьыс висьтавыны. И со тэ аддзысин. Отсав вай. Висьтышт.

ЮРИЙ. Кыдз нө эськө отсавнысө?

НИНА. Тэнад мам эм?

ЮРИЙ. Эм.

НИНА. Висьтав сы йылысь.

ЮРИЙ. Мый нө сы йылысь висьталан? Мам мам и эм.

НИНА. Кутшөм сiйө? Мый садьмас да вөчө? Кыдзи прөст кадсө коллялө? Тiян өд важся грезд нин. Ачыд тай висьтавлiн. Сэнi став важ оласногыс на, көнкө, кольөма. Пакула нима, шуин, грездыд. Тайө нимыс мыйлакө вежөрө сатшөма. Ресторан бөрад гортө локтi да мамлысь юалi, кывлис эз тайө грезд нимсө. А сiйө мыйлакө пыркнитчис да коса шуис, эг пө кывлы. И ог көсйы кывны. Эг и гөгөрво, мыйла тадзисө шуис. Мый чөв олан? Висьталышт.

ЮРИЙ. Мый, мый висьтавыны?

НИНА. Висьтав ичөт грездса нывбабалөн оласног йылысь. Меным шуисны, мый коvmас спектакляс весиг карнанөн ва вайны. Тэнад гортад карнан эм? Тэ кужан сiйөн ва ведраяссө ваявыны?

ЮРИЙ. Менам ки вын на эм. Ме тай карнанөн ва ваялөм эг на некодлысь аддзыв-а. Гашкө, коркө и кыскавлiсны. Миян сарайын кутшөмкө карнан весиг туплясьө. Көсйи пачө суйны, да мамө эз лэдз.

НИНА. А кыдзи мамыд осьлалө? Он петкөдлы?

ЮРИЙ. Кыдз нө ме верма сылысь осьлалөм петкөдлыны? Гашкө, узьөмсө весиг колө тэныд петкөдлыны?

НИНА. Тайөс оз ков. Сiдзкө, нинөм он вермы меным висьтавыны грездса олөм йывсьыс?

ЮРИЙ. Тайөс кывiөн висьтавыны сьөкыд, синнад колө ставсө аддзывыны.

НИНА. Кыдз нө аддзыла, кор менам ни өти төдса сикт-грездас абу? Нывьёртьяс тшөтш карысь петөмаөсь. Нинөм, вочасөн пычка тэнсьыд ставсө.

ЮРИЙ. Менсьым уна он босьт. Сьөмыс менам абу.

НИНА. Кежласян али мый нин? Кутшөм сьөм татчө гартан? Ме дзик мөдтор йылысь

шуи да. Мися, вочасон пычка грездса олөм йывсьыд ставсө, мый меным колө. Висьтав ас йывсьыд неуна.

ЮРИЙ. Мый нө висьтавнысө?

НИНА. Гортсаяс йывсьыд, ёртъяс йывсьыд, ныв йывсьыд...

ЮРИЙ. Гортын сөмын мам, ёртъясöй Максим да Мишö. А ныв йывсьыс и висьтавнысö нинөм. Абу.

НИНА. Кызди абу?

ЮРИЙ. Сидзи абу. Оз мөй вермы тадзисö лоны? Миян Пакулаын нылыс абу да.

НИНА. Ни öти ныв весиг абу?

ЮРИЙ. Абу. Миян сөмын олөма йöз колины да ме Максимкөд да Мишökөд. Öнi найö кыкөн колины. Виччысьöны, кор ме удж вылө карас инася да найös ас дорö кора.

НИНА. Эн сör. Оз вермы лоны, мед грездын сөмын пöрысьяс олiсны.

ЮРИЙ. Миян тай сидз-а.

НИНА. И тi грезднытö эновтны кöсьянный?

ЮРИЙ. Кытчö воштысян? Некутшöм удж миян абу да. Сэсся и йöзыс со миянысь мынтöдчыны кöсийöны.

НИНА. Кызди мынтöдчыны?

ЮРИЙ. Сьöм став грезднас чукöртiсны да менö карö ыстiсны. Мед ме ачым удж аддза и ёртъясöс татчö кыска. А ме со тöлысь джын нин карын гартча, а водзö нинөм на оз вörзъы. Петя некызди оз вермы со ас дорас инавны.

НИНА. Сы вылө тэ эн и лача кут. Сийö аслыс мыйкö пычкö тэныд отсалөм пыддид.

ЮРИЙ. Лöсьöдлан жö эськö да. Тэныд, тыдалö, Петяыс эз кажитчы да, сийөн?

НИНА. Кажитчыны эз кажитчы, но та вöсна эськö эг кут лөкöдны мортсö. Нюглей кодь тэнад Петяид. Эн эскы сылы.

ЮРИЙ. Мыйкö тi öта-мöднытö он радейтöй. Тöдса али мый тэныд Петяыс?

НИНА. Медводдзаысь аддза. А ме сылы эг жö кажитчы?

ЮРИЙ. Эн.

НИНА. Эз висьтав мыйла?

ЮРИЙ. Нинөм тай эз шу-а.

НИНА. Ме чайта, мый сы вылө тэныд лача кутны оз ков. Вай бурджык босътчы ачид уджсö корсьны. Тырыс тай со юör öшалö удж вылө корöм йывсьыс.

ЮРИЙ. Ме эськö та йылысь мөвпалi нин да. А то йöзөн чукöртöм сьöмыс бырны кутiс, а ме весиг аслым на удж эг аддзы. Кутшöм нин сёрни Максимös да Мишökös вайöдöм йылысь.

НИНА. А ресторанас тiянös Петяыс ас сьöм вылас вердiс-юкталiс?

ЮРИЙ. Эз. Менсьым корис.

НИНА. И сетiн?

ЮРИЙ. Сетi, дерт. Меным öд уджыс колö, а оз сылы.

НИНА. Со на сийö кутшöм? Сийö öнi тэнö йöйтöдлас сэтчöдз, кытчöдз зептад грöш оз ло. Ветлам вай да асьным босътчам корсьны тэныд уджтö. (Мунöны.)

Кост. Сцена вылын Юрий. Звöнитö телепон. Сценалөн пельöсын мыччысьö Петя.

ЮРИЙ. Тайö тэ, Пётр Васильевич? Босътöны менö?

ПЕТЯ. Эн тэрмась. Оз тайö сэтшöм öдийö вöчсьы. Тэнад сьöмыд коли на?

ЮРИЙ. Этшаник.

ПЕТЯ. Чайта, мый дона коньяк вылө сюрас на. Колө нөшта өти мортөс мавтыштны. Ме рытнас кежала. Эн некытчө мун. *(Саймовтчө.)*

ЮРИЙ. Мыйкө вывті нин дона сувтө удж вылас иналөмыс. *(Бара триньобтө телепон.)*

Сцена вылын мыччысьö Максим.

МАКСИМ. Юрий, миянлы нө локны абу? А то дзик нин пөгибө Мишөкөд воим. Вась Вась тшөктө туйө нин петны.

ЮРИЙ. Оз на ков.

МАКСИМ. Гөгөрвои өд, мый тэ став сьөмсө нин трайгин да гортад локны он лысьт.

ЮРИЙ. Ог, ог ме ю. Вомө на эг босьтлы.

МАКСИМ. Эн сөр. Шмонитан. Ме өд шмонита жö. Вась Васьыд оз жö на ысты миянөс грездсьыс. Некод оз ысты. Но мамыд некымынысь нин юасис тэ йылысь. Ме тай мыйкө такөдөм могысь сөри сылы-а. Мися, бура олан.

ЮРИЙ. Бура и ола да. Висьтав мамөлы, мый ставыс менам тыр-бур. А ті Мишөкөд мый вөчанныд?

МАКСИМ. Йөръяссө йөзыслысь ытшам да мый да. Эг на косьмылөй. Талун на со не-уна даръясьыштім.

ЮРИЙ. Майбыръяс.

МАКСИМ. Но бура ов. Эн тэрмась миянлы удж корсьны. Миянлы и тані зэв гажа. Сөмын тэ он тырмы. *(Саймовтчө.)*

ЮРИЙ. Да-а. Öні Пакулаад и овнысö. *(Саймовтчө жö.)*

Кост. Недыр мысти мыччысьöны Нина да Юрий.

НИНА. Лун джынсö корсьысим, а некод эз босьт удж вылад.

ЮРИЙ. Стаж пö колө. Уджалан нига корöны. Кытысь меным сійö? Сьöлаыбын эськө недыр трактористалі, да некутшөм уджалан нига эз корны ни сетны.

НИНА. Мый нө кутан вөчны?

ЮРИЙ. Гашкө, Петя аддзас.

НИНА. Аттьö, мый сикт йывсьыд слөймин висьтавны ветлөдлігас. Унатор төдмалі.

ЮРИЙ. Висьталөмыд висьталөм и эм. Ас синмөн колө аддзывны.

НИНА. Ок эськө тіян Пакулаад кө веськавлыны!

ЮРИЙ. Менам и аслам нин гаж сыысь быри.

НИНА. Ме эськө тэ местаын карад эг лок. Мый татысь корсьнысö? Дзик нинөм.

ЮРИЙ. Сэні тшөтш жö нинөм корсьнысö да. Киссьö да бырö Пакуланым.

НИНА. Зэв жаль. Сөмын сэні и кольөмаөсь, тыдалө, сөстөм лола йөзыс. Но ме сэсся муна. Аски либө аскомысь звөнитла. Бытьö абу кө паныд, позяс бара паныдасьлыны. Уджыд кө сэтчөдз аслыд оз сюр, кутам талунъя моз корсьны. Бур?

ЮРИЙ. Аддзысьлытөдз.

Зон видзөдö мунысь Нина бөрся. Мыш сайсяньыс матыстчө Петя да лёкысь шлапкө кисö пельномас. Юрий лажыньтчылө да бергөдчө.

ПЕТЯ. Тэныд ныр-вомад лёсыштны али кыдзи?!

ЮРИЙ. Мый нё лоис?

ПЕТЯ. Ме жё тэныд шуи, мед эн шедёдчы татшөмъясылон лэчкө. Став сьомтё пыч-касны тэ кодъ йөйясылысь.

ЮРИЙ. Некод менсьым некутшөм сьом оз пычки.

ПЕТЯ. Көні сьом чукөрыд? Вай петкөдлы.

ЮРИЙ. Мыйла?

ПЕТЯ. Петкөдлы, шуа!

ЮРИЙ (*кыскө сьомсө*). На.

ПЕТЯ (*лыддьө*). Абу на эськө, тыдалө, торъя видзөмыд да. Уджйөзөн али мый нин сыкөд мусукасин?

ЮРИЙ. Некодкөд ме эг мусукась.

ПЕТЯ. Ме өд ас синмөн аддзылі, кыдзи тайө... шалавасө... колльөдін.

ЮРИЙ (*нетшыштө сьом чукөрсө*). Некутшөм сійө абу шалава! Он кө төд, мыйла мортсө лёкөдны? Гашкө, тэнад сійө важ төдса да?

ПЕТЯ. Ме сійөс ресторанөдзыс синмөн на эг аддзыв.

ЮРИЙ. Мыйла нё эськө сэтшөма скөралан морт вылас?

ПЕТЯ. Ме татшөмъяссө верст сайсянь кыла. Тэ, Юрий, эн сибөд ас дорад татшөмъяссө. Кывзы менсьым. А сьомтё вайлы бөр. Меным өд коньяк вылө колө.

ЮРИЙ. Ог кө сет? Мыйкө тай дыр эз кут артмыны менө удж вылад иналөмыд. Сөмын сьом пыр коран, а этша мый вежсьө.

ПЕТЯ. Велөдны нөшта кутчысь. (*Бөр нетшыштө зон кысь сьомсө*.) Ставсө на босьта-а. Абу на тэнад тайө сьомыс. А батьө чукөртіс. Ассьыс, висьталө, вель уна жө пуктөма и. Ме тэныд кута лыдөн сетыштны, мед тшыг эн кув. Луннас сё шайтөн. На талун вылас.

ЮРИЙ. Босьт ставнас. А ме гортө бөр муна! Видзөда да, тэ помысь некутшөм отсөг жө оз ло-а!

ПЕТЯ. Мун. Виччысьоны тэнө сэні! (*Листыштө некымын сьом да коляссө чургөдө Юрийлы.*) Тайө гортад кайнытө. Коляссө сетан бательы. Төждысян, пессян тіян вөсна, а аттьөалөм пыдди чужөмад сьолыштасны. Олөй кызд көсьянный. Но метөг! (*Мунө*.)

ЮРИЙ. Дурмис дзикөдз Вась Васьлон пиыс. (*Триньөбтө телепон.*)

Сцена пельөсын мыччысьө Максим.

МАКСИМ. Чолөм, зимөгор.

ЮРИЙ. Энлы, ме лөньджык ин корсьла. Тані нинөм оз кыв.

МАКСИМ. Меным тай кылө-а. Со тані Вась Вась ур кыян пон моз чатөртчөмөн сулалө.

ЮРИЙ. Мый нё тарган?

МАКСИМ. Вась Вась Петяыскөд йитчылөма, да мөдыс шуөма, мый тэ пө бөр Пакула грездас көсьян локны. Сідз абу?

ЮРИЙ. Мед оз сөр. Сөмын на удж корсянінысь локта со.

МАКСИМ. И сюри?

ЮРИЙ. Эз.

МАКСИМ. Петяыс Вась Васьыслы сідз жө шуөма, мый тэнө пө некытчө оз босьтны.

ЮРИЙ. Сөрө. Босьтасны.

МАКСИМ. Петяыс пö оз кöсйы сэсса тэныд отсасыны.

ЮРИЙ. Мед оз кö. Сы помысь некутшöм отсöг на эз вöв.

МАКСИМ. Оз кö сюр, бөр лок. Миянлы Мишöкöд вывтi абу окота кытчöкö мунны.

ЮРИЙ. Гашкö, и бөр локта да. *(Та вылын сёрниыс помасьö. Максим саялö.)* Аски и мöдöдча. Сöмын тай Нинасьыс гусьöн мунöмыс лоас-а. Абу жö мича тадзитö. Звöнитла да кöть висьтала. *(Звöнитö.)* Нина! Ме бөр мунны кöсья. Аслам Пакула грездö. Аски, аски мöдöдча. Мый? Татчö локтан? Эн на ылö мун мöй?

Мыччысьö Нина.

НИНА. Збыльысь мöй аски мунны кöсьян?

ЮРИЙ. Дышöдiс танi ставыс.

НИНА. И ме?

ЮРИЙ. Эн, тэ эн дышöд.

НИНА. Кöсьян, ме тэнö Пакулаöдзыд нуа?

ЮРИЙ. Тэнад машина эм?

НИНА. Машинаыс абу. Сöмын правоыс. Машинаыс воклөн.

ЮРИЙ. Ме весиг эг тöд.

НИНА. Тэ унатор на ме йылысь он тöд. Вочасөн тöдмалан.

ЮРИЙ. Сöмын ог тöд, кутшöм синмөн йöз вылас кута видзöдны.

НИНА. Ме тэнö нуа, а тэ менам мездысьнас лоан.

ЮРИЙ. Кутшöм мездысьён?

НИНА. Быттö он тöд. Ме жö шуи, мый сиктса олём меным колö отпуск помöдзыс тöдмавны. А тöдсаыс сиктсаяс пöвстсьыс сöмын тэ.

ЮРИЙ. Но и мый?

НИНА. Кыдзи мый? Ме жö тэкöд муна. Грездад кольччыла.

ЮРИЙ. Эн менö вай йöймöд.

НИНА. Он отсав али мый?

ЮРИЙ. Мыйён отсавны колö?

НИНА. Петкöдлан, тöдмöдан ас грездсаясыдкöд, сэтчöс олёмнас.

ЮРИЙ. А овны кöнi кутан? Миян öд гöстиничаясыд абуöсь. Пыж улын али мый?

НИНА. Кутшöмкö пöч дорö овмöдан и ставыс.

ЮРИЙ. Миян эськö öти жыр весиг торъя öдзöса да. Но мамöлы мый висьтавнысö? Сийö жö чайтас, мый ме гöтырпуöс вайöдi.

НИНА. Збыль мöй чайтас? А вай ми сiдзи висьталам сылы.

ЮРИЙ. Дугды. Сэсса тэ öд лун мысти мунан, а мам дöзмас ме ылö ылöдлёмсьыс.

НИНА. Ог. Тадзи ог висьталöй. Код дорö кö овмöд дай. А ме тэнö воклөн машинаөн керка дорöдзыд вайöда.

ЮРИЙ. Мыйкö вывтi нин öдйö тэнад ставыс артмö. Думыштiн и пыр жö вöчны уськöдчин.

НИНА. Кадыс тэрмöдлö да. Меным öд отпуск помöдзыс колö роляс пырöдчыны. Тэ öд абу паныд, мед ме олыштi тiянын?

ЮРИЙ. Миянö али мый овмöдчан?

НИНА. Мыйла йöзсö дöсадитны? Тэ со, шуан, торъя öдзöса жыр эм. Овмöдлы сэтчö вежон кeжлö кымын.

ЮРИЙ. Овмөдны эськө позьё. Сөмын мамөс шензьёдам-а.

НИНА. Ми сылы ставсө висьталам. Меным бурджык тіян керкаын овны. Мамыдлысь ставсө юася да мый да.

ЮРИЙ. Сылы тайё гөгөрвотөм лоас.

НИНА. Мый гөгөрвотөм?

ЮРИЙ. Кыдз нө гөгөрвоана, кор пиыд нем виччысьтөг вайёдас нылөс. Овмөдас ас ор-дас.

НИНА. Мый нө таын гөгөрвотөмыс?

ЮРИЙ. Карад, гашкө, тадзи и овлө, но грездад тайё дзик гөгөрвотөм.

НИНА. Эн майшась. Ставсө ладмөдам. Ме өд артистка. Кужа йөзыд дорё сибөдчынытө. Накөд варовитнытө и.

ЮРИЙ. А бать-мамыд мый шуасны? Лэдзасны?

НИНА. Бать менам кык во сайын кувсис. А мамлы ёна висьталөм оз ков. Ме өд ас нянь вылын нин. Ёні муна гортө да и висьтала. Ме аски час өкмысын локта татчө. Воклөн машинаөн. Дыр-ө муннысө колө?

ЮРИЙ. Ми тай сизим час локтім-а.

НИНА. Рытөдзыс кө воам и. Ёні, гожөмнад, оз пемдыв. Но ме муна сэсся. Лөсьөдчыны на колө. Аттьө, мый көсйысин менө грездад овмөдны.

ЮРИЙ. Вай көть неуна колльөдышта.

Том йөз саялөны. Кост. Спира Дарьялөн оланін. Ёдзөсө тотшкөдчөны.

Пырөны Юрий да Нина.

СПИРА ДАРЬЯ. Юрук, тэ али мый нин тайё?

ЮРИЙ. Ме, дерт. Коді сэсся?

НИНА. Бур рыт.

СПИРА ДАРЬЯ. Пырөй. Шойччөй да шонтысьөй.

НИНА. Шойччыны, дерт, колөнин. Туйыстіянөдз кузьда сьөкыд. А со шонтысьнытө...

СПИРА ДАРЬЯ. Ме сідз шуи. Гожөм шөрын кутшөм нин шонтысьөм? Ыркыдін корсян. Тадзи тай шулөны, да менам вомысь ачыс чеччыштіс.

НИНА. Менө Нинаөн шуөны.

СПИРА ДАРЬЯ. Кодланькө тэ манеритан. Кодлөн нө тэ Пакуласьыс?

НИНА. Менам рөдыс дзик мөдлаын. Ме Юракөд вои.

СПИРА ДАРЬЯ. Юрук, мый нө чөв олан? Сюйсьы жө сёрниас. А то нем виччысьтөг воинныд, да ме дзик шай-паймуні. Ог төд, кыдзи и сёрнитнысө. Мый юрө воас, сійөс со и брольскөда.

ЮРИЙ. Ми Нинакөд со воим.

СПИРА ДАРЬЯ. Аддза нин. Кылөм ни төдөм локтінныд, да менам өд и гөститөднытө нинөмөн.

ЮРИЙ. Ми асьным козин со вайим. *(Мышнопсьыс босьтчө ректавы.)*

СПИРА ДАРЬЯ. Мыйла нө сьөмтө таргайтан? Эз на өд, көнкө, отпускө лэдзны? Неважөн на мунін да.

ЮРИЙ. Эз.

НИНА. А ме со чышъян тіянлы, Дарья Спиридоновна, вайи. Козин пыдди.

СПИРА ДАРЬЯ. Чышъян? Меным? Ок кутшөм мича. Дона өд, көнкө?

НИНА. Абу торъя.

СПИРА ДАРЬЯ. Аттьө. Меным некор на некод нинөм эз козьनावлы. Сөра... Коркө козьनावлісны жө эськө да.

ЮРИЙ. Ме на ныр чышкөд козьनावлі. Витөд классө вөлі сәки котрала. Март көкъямысөд лунөдз, гашкө, төлысь водзджык велөдысьным ышөдіс миянөс вөчны мамъяслы кутшөмкө козин. Ми, зонкаяс, нинөм сэтшөмсө мөвпыштны эг сяммөй да вөтчим нывкаяс бөрся. Найө, рөкыд вылө, босьтчөмаось ныр чышкөдъяс вурны. Ми тшөтш жө шөралім лым еджыд дөратор. Сэсся босьтім рөма сунисъяс да зэв сьөлөмсянь быгөртім доръяссө. Весиг дзоридз вышивайті думысь. Лун дас на зептын новлөдлі, мед мам эз казаяв козинөс. И со март көкъямысөд лунө мамъясөс корисны школаө. Миянөс налы воча сувтөдісны. Велөдысь тшөктіс сетны мамъяслы ас киөн вөчөм козинъястө. Ме да мукөд зонкаяс кыским асланым зепъясысь ныр чышкөдъястө. Эскы көть эн, но мукөд нямөдыс наысь еджыдджык на овлө. Ог төд, кытчө мам бөрынджык саймовтіс козинөс. Меным тай зэв нимкодъ вөлі-а.

СПИРА ДАРЬЯ. Сідзи и вөлі. Көнкө эм на ныр чышкөдыд. Но ме мөдлөн козин йылысь шуи. Эг, эг тэ йылысь висътав. Мөд морт йылысь. Вай туй бөрад көть нуръясьыштөй. Регыд мысти өд вой суас. Кытчө нө вольсавнытө?

ЮРИЙ. Ниналы гожся жыръяс. Ме эськө сэтчө вуджлі нин, но бөр ассьым эшкынөс босьта. Татчө, төвся жыръяс, бөр вуджа. Недыр кежлө.

СПИРА ДАРЬЯ. Но-о. Недыр кежлө, дерт. Ті өд, көнкө, лун-мөд и оланныд? Сэсся Юрийлы ковмас удж вылас бара тюрөдны. А тэ нө, Нина, Юруккөд өтлаын уджалан?

НИНА. Ог, ог өтлаын. Ме дзик мөдлаын. Театрын артисткаала.

СПИРА ДАРЬЯ. Театрын? Но-о! А кызди нө тэ менам Юрукыскөд төдмасин?

ЮРИЙ. Мамө, эн вай ассьыд допростө пан. Висъталам кузяөн. А өні вай дугды та йылысь.

СПИРА ДАРЬЯ. Кызди нө дугда? Мам өд ме. Ставсө окота төдны быдтас йывсьыс.

НИНА. Ме локті татчө, Пакулаад, мед төдмавын, кызди мунө олөмыс важся грездын.

СПИРА ДАРЬЯ. Нинөм ог гөгөрво.

ЮРИЙ. Кызди он гөгөрво? Нина со висъталіс нин, мый сійө артистка. Сылөн өні отпуск. А отпускөдзыс сетөмаось роль ворсны сиктса нывбабаөс. Сідзи өд, Нина?

НИНА. Сідзи кымын. Сөмын спектакльыс лоас важся коми сиктын олөм йылысь. А ме кутшөм нин важся, но и өнія сиктыслысь олөмсө ог төд. Мый нывбабаясыс тані вөчөны, кызди ветлөдлөны?

СПИРА ДАРЬЯ. Кызди ветлөдлөны? Кызди ветлөдлөны? Кокөн кө-а.

НИНА. Сідзнадтө сідз. Дарья Спиридоновна, ті өд меным петкөдланнид, кызди карнанөн васө водзті вайлывлісны?

ЮРИЙ. Нина, вай ог кутөй мамөс локтөмсянь тайөс тшөктыны. Петалам, көні кутан узылыны. Сэні ыркыдджык и быдөн тані дорысь. Мам, көні нө миян песлалөм юрлөс да шебрас эжөдъясыс?

СПИРА ДАРЬЯ. Важинас на. Некытчө на эз пышйыны.

Том йөз саймовтчөны. Дарья нинөм гөгөрвотөм юрөн пукалө недыр да босьтчө идравны пызансө. Мыччысьө Вась Васьлөн Агни гөтырыс.

АГНИ. Көні нө гөсьтъясыд?

СПИРА ДАРЬЯ. Гожся жырйынөсь.

АГНИ. Ме со, Дарья, тэныд со мый локті висьтавыны.

СПИРА ДАРЬЯ. Мый нө сэтшөмсө вой улас көсьян юөртны?

АГНИ. Аддзылім Васьөкөд пиыдлысь локтөмсө, да верөсөй пыр жө и кавшасьліс пывсян вылө Петялы звөнитлыны. Висьталіс Юрийыдлөн локтөм йылысь. Нөшта на содтіс, мый абу өтнасөн локтөма. Пиөй юасьөма, кодкөд пө нө, да висьталөма, мый кутшөмкө еджыд юрсиа нывкөд. И со мый, Дарья: Петяным, вөлөм, төдө нывтө. И весиг висьталөма, мед Дарья пө оз сибөд сійөс. Кутшөмкө кывйөн шуөма, да весиг ог куж висьтавынысө.

СПИРА ДАРЬЯ. Дугды сөрнытө. Зэв быттьө нылыс буркодь да. Со весиг чышъян меным вайис. Артистка пө ме.

АГНИ. Эз, эз артисткаөн пиөй сійөс нимты. Дзик мөд кывйөн. Менам тай өлөдөма-а.

Пырөны Нина да Юрий.

НИНА. Видза оланныд!

АГНИ. Кутшөм мича да авъя нылөс, Дарья, пиыд вайөдөма. Ен сыкөдөн кодь. Везитө жө мукөдлы моньнад. Менам Петялөн лютөй зьмея кодь.

СПИРА ДАРЬЯ. Монь йылысь сёрнитны водз на.

АГНИ. Водз кө и водз. Пета. Василей недыр кежлө гортысь лэдзис. (Мунө.)

НИНА. Дарья Спиридоновна, ми Юрийкөд өні сёрнитыштім да шуим, мый аскисянь ті кутанныд меным висьтавыны сиктса важ йөзлөн олөм йылысь. Мый найө новлісны, кыдзи кутісны асьнысө?

СПИРА ДАРЬЯ. Ме нө кытысь төда, кыдзи важөн мян грездын овлісны?

НИНА. Кывлінныд өд, көнкө. Да и вираныд на коли важыслөн олан сямыс. Ме тай сідз чайта-а. Дарья Спиридоновна, меным збыльысь тайө зэв ёна колө. Ог кө кут тайөс ме төдны да петкөдлыны режиссёрлы, сійө вермас рольсө сетны мөд артисткалы. А ме сэтшөма көсья ворсны важөн олысь коми нывбабаөс.

ЮРИЙ. Мам, эн ышнясь. Тэ унатор төдан да верман Нинаыслы висьтавыны да петкөдлыны. Ме весиг сарайысь карнан аддзи. Аски кутан петкөдлыны, кыдзи карнан-нас васө вайывлісны.

СПИРА ДАРЬЯ. Томдырйи эськө вайывлі да. Ёні ставыс нин вунөма. Став ваыс вед-расыс солькьясяс гортө локтігөн.

НИНА. И менө велөданныд.

СПИРА ДАРЬЯ. Васө солькйөдлыны али мый велөдны колө?

НИНА. Аддза өд, мый ті петкөдланныд. Юрий, бур жө тэнад мамыд.

СПИРА ДАРЬЯ. Ті өд, көнкө, вольпасьсө весиг эн кужөй лөсьөднысө. Час ме ачым видзөдла. (Саймовтчө.)

НИНА. Кыдз нө колө бурасө лөсьөдны? Вай петкөдлөй. Гашкө, спектакляс тшөктасны жө вольпасьён ноксьыны да. (Вөтчө Спира Дарья бөрся.)

Недыр мысти пырөны Максим да Миш. Гажакодьёсь нин.

МИШ. Чолөм, Юрий!

МАКСИМ. Видза олан. Муртса саявлін, а кывсьө, гөтырөн нин локтөмыд. Көні нө сійө?

ЮРИЙ. Гожся жырйынось.

МАКСИМ. Час петала да видзёдла коть.

ЮРИЙ. Эн мешайт налы. (*Оз лэдз Максимос.*)

МИШ (*сералё*). Мыйла бара менё Вась Васьыс эз ысты карас-а? Ме эськё гётырөн жё вои.

МАКСИМ. Тэныд, Миш, водздзык на. Быдтышт нёшта неуна мыйсюрё, да сэки.

МИШ. А ме тёда, кодёс тэ вайёдёмьд.

ЮРИЙ. Кытысь тёдан? (*Максимлы.*) Висьтав, Максим.

МИШ. Сійё оз на тёд. Эг на висьтав. Сёмын ме тёда. Кывлі, кызди Агни тіянё вотёдз мянё пыраліс да Катя пёчлы висьталіс.

МАКСИМ. Мый висьталіс?

МИШ. Бёрас висьтала. Вась Васьыс звёнитлёма Петялы, медым Юрий локтём йылысь юёртны. Сэсся шуёма, мый абу ётнас воёма, а еджыд юрсиа нывкёд. Петяыс и шуёма, мый тёдө тайё нывсё да нимтёма зэв мисьтём кывйён.

ЮРИЙ. Кутшёмён? (*Матыстчё Миш дінё.*)

МИШ. Кывйёй оз бергёдчы шунысё.

ЮРИЙ. Эн эскы быд Петяыслы.

МИШ. Ме кывлёмсё висьтала. Ачым нё кытысь тёда? Нывсё эг на аддзыв да.

МАКСИМ. Кытысь нё, Юрий, сійёс тэ аддзин? Кытён, мися, тёдмасинныд?

ЮРИЙ. Ресторанысь.

МАКСИМ. Мый? Кытысь? Ми удж вылө чукөстём виччысям, а сійё, вөлөм, йөзөн чукөртём сьёмсё ресторанын шыблалё.

МИШ. Агни Катя пёчлы сійёс жё вөлі висьталё, мый нылыс Юрийёс ресторанын тшапнитёма. Петя дырйиыс тайё вөлёма, да сійён и тёдө.

ЮРИЙ. Петяыслы эськё ныр-вомас лёсыштны. Сійё менсьым став чукөртём сьёмсё пыркнитіс. Эз жё дзик ставсё. Неуна кольыштіс жё. Но сы вылө ме гёстинеч вайи.

МАКСИМ. Кызди пыркнитіс?

ЮРИЙ. Вась Васьыс тшөктёма пиыслы меным удж корсьны. Со и корсис быттё. Кутшөмкё начальникёс пё колё ресторанын юктөдны, мед удж вылө менё инавны. Нёшта на и нылёс вайёдёма начальныкыс.

МИШ. Коді тай мамыдкөд гожся жыръяд?

ЮРИЙ. Абу. Сійё нывьёртясыскөд орчча пызан сайын пукалісны.

МАКСИМ. Мыйкё оз эскыссьы.

ЮРИЙ. Мый оз эскыссьы?

МАКСИМ. Кызди вермис Вась Вась пиыс тэнсьыд сьёмсё видзны. Тэ мөй Петяыслы сьёмсё сетін?

ЮРИЙ. Корис да. Сійё и нуёмсьыс вештысьны босьтіс, и патерасьыс мынтысьны, и ресторанысь, и коньяк вылө... Со и быри. А удж некутшөм эз вичмы. Нина тай шуё, мый Петяыс эз и кёсйы корсьнысё.

МИШ. Коді нё Нинаыс?

ЮРИЙ. Коді тай мамөкөд.

МИШ. А сыкөд нё кызди тёдмасин?

ЮРИЙ. Йөктыны менё корис да.

МИШ. И йөктін? И кужин и? Ми жё нэмнас нин нывьясыдкөд эг йөктивлөй. Петкөдлы коть, кызди йөктін? (*Босьтчылө йөктөдны Юрийёс.*)

МАКСИМ. Дугды пöшöкөнясънытö. Збыль кö тадзи, то Петясö жбоньöдны колö.

МИШ. Колö. Ме жö шулі, мый чукöртöм съöмсö колö вöлі аслыным куимлы юны. А öнi кöбыла бöж улö шыбитöма лои.

МАКСИМ. Энлы аслад съöмнад. Мыйла нö эськö Петяыс тэнсьыд Нинатö тадзи батъыслы лёкöдöма?

ЮРИЙ. Найö öта-мöдныслы мыйлакö эз кажитчыны. Менö öд Петяыс öлöдiс жö, мый нылыс сэтшöм-татшöм да мед весиг ськөд эг йöкты ни сёрнит.

МИШ. Эн кывзысь али мый?

МАКСИМ. Гашкö, найö важ тöдсаяс да?

ЮРИЙ. Ме сiдз жö чайтi. Но Нина шуö, мый оз тöд Петясö. Абу на аддзысьлöмаöсь водзтi. Овлö öд тай сэтшöмыс, мый медводдза видзöдлас бöрас и мортыс оз кут кажитчыны.

МАКСИМ. Овлö эськö да. Но, збыль кö быттьö Петяыс висьталiс тэнад Нина йылысь, гашкö, найö водзтi... эсiйö...

МИШ. Сэтшöм кö нö, мыйла, Юрий, татчö сiйöс вайöдiн? Миянлы вылö али мый?

ЮРИЙ. Вай дугды тшетшкынысö. Абу Нинаыс сэтшöм. Артистка сiйö. Театрын ворсö.

МИШ. А кызиджык-мый сiйö вольпасяс ворсö?

ЮРИЙ. Ме ог тöд.

МАКСИМ. Кызди он тöд?

ЮРИЙ. Сiдзи жö ог тöд. Миян сэтчöдз эз на во да.

Максим мыйкö кöсiйö на юавны, но пырöны Спира Дарья да Нина.

НИНА. Аттьö, Дарья Спиридоновна, ставсö бура висьталöм-тöдмöдöмысь. Öнi ме неуна гөгөрвоышта нин нывбабасö, кодöс кута ворсны. *(Казялö зонъясöс.)* Тiян тай госьтъяс воöмаöсь. Чайтi, мый Юрийлы гажтöм, да костi водз дугды юасьнысö.

СПИРА ДАРЬЯ. Мый нö вой шöра войнас довъяланныд?

МИШ. Ми эсiйö... локтiм чолöмавны Юрийöс... эсiйөн... с законным браком.

СПИРА ДАРЬЯ. Эн вай сэнi вежнясь. Бара, тыдалö, шома юраöсь.

МАКСИМ. Неуна сöмын. Юрийтöг оз кылав.

СПИРА ДАРЬЯ. Ме ог лэдз Юрийöс юктöдны. Мунöй гортаныд да сэнi тшетшкöй.

МИШ. Да. Юрийлы оз позь. Сылөн со кодi эм. Мичасьыс-мича ныв. *(Шыасьö Нина дорö.)* Кыз нö кöть тiянöс шуöны?

НИНА. Нинаөн. Но ме гажа юра йöзкöд сёрнитны ог кут.

МИШ. Прамöй чивöчкаöс вайöмыд, Юрий. Весиг сёрнитны медбур ёртъясыдкöд оз кöсiйы.

МАКСИМ. Дугды, Миш. Абу мича.

НИНА. А тэ, Юра, мый нинöм он шу?

ЮРИЙ. Мый колö шунысö?

НИНА. Нинöм оз ков. Ме сiдз шуи. Но гажа юра йöзыс меным мустöмöсь. Синмөн видзöдны ог вермы.

МИШ. Но, Юрий, öнi тэнад овсьöма лоö. Вина йывсьыд ковмас вунöдны.

НИНА. А сiйö оз и ю.

МИШ. Эн сөр. Юрий оз ю! Панялö сöмын.

ЮРИЙ. Мый нö тi медводдза паныдасьöмсянныс öта-мöд выланыд уськöдчинныд?

МИШ. Миянкөд тані оз сёрнитны. Мунам, Максим.

МАКСИМ. Эн дивит, Юрий, мый тадзи артмис. Мыйкө Мишыс талун абу ас кодъыс. (Ниналы.) Эн дивитöй. Ми мунам.

ЮРИЙ. Олыштöй на.

СПИРА ДАРЬЯ. Эн кут. Мед мунöны. Паляласны да мед сэк воласны тöдмасьнысö. Ме öд Нина моз синмön жö ог вермы видзöдны юысыас вылад. Бур, мый Юрий дугдöма юнысö. Сидз тай öнтай Нина висьталіс-а.

МАКСИМ. Збыль мöй дугдін? Миянлы, Мишö, гашкö, дугдыны жö колö да? Сэк Юрий моз татшöм жö мичасьыс-мича нылöс аддзам. Нина, тэнад эмöсь ас кодъыд жö мича нывьёртьяс?

НИНА. Збыльысь, зонъяс, аски волöй. Ми Юрийкөд кузь туй вуджим да мудзим. Шойччыштны колö.

МИШ. Тöда ме тiянлысь шойччöмтö. Мунам, Максим, мед ёртным войбыд шойччас...

Максим да Миш мунöны.

ЮРИЙ. Ме тiянöс колльöдышта. (Петö.)

СПИРА ДАРЬЯ. А тэ, Нина, кужан татшöмъясыдкөд сёрнитнытö. Ме тадзи ог вермы.

НИНА. Нинöм сэтшöмсö эг вöч да. Шуи сöмын, мый ог кут сёрнитны гажа юраясыскөд.

СПИРА ДАРЬЯ. Ме öд тадзисö налы шула жö, но оз кывзыны. Тэнсьыд, ныв мортлысь, со кывзiсны. Налы уна оз и ков эськö да. Нывлön бур кывйыс и тырмымön эськö. Но кытысь найöс, нывъяссö, миян Пакулаысь аддзан?

НИНА. Öтиыс, тыдалö, абу шыбитана зон да. Коді тай ёртсö öлöдіс.

СПИРА ДАРЬЯ. Максимсö али мый шуан? Ёна бурыс абу жö. Öтнадön олигön кытысь бурыс лоан?

НИНА. Кыдзи öтнас? Некод али мый сылön абу?

СПИРА ДАРЬЯ. Абу. Чунь öтнасön олö. Коромина кодъ ыджыд керкаын. Сылы эськö гöтырыд и эз мешайт да. Но кытысь босьтан?

НИНА. А мöдсö, быдлаö пысасьысьсö, кыз шуöны?

СПИРА ДАРЬЯ. Мишöөн.

Пырö Юрий.

СПИРА ДАРЬЯ. Колльöдін?

ЮРИЙ. Эг ылöдз. Нина, найö тэнсьыд прöштша корисны. Сэсся пö гажа юрön некор ог волöй.

СПИРА ДАРЬЯ. Лöсьöдлан жö эськö да. Виччысь налысь прöштша корöм.

НИНА. Мед кöть и лöсьöдлö, но кывны тайöс любö.

СПИРА ДАРЬЯ. Абу-ö нин водан кад? Зэв тай нин сёр вöлöма. Со öд унанад кутшöм öдйö рытыс лэбыштiс. А ме öтнам этша йöткала да йöткала вöлі. Кор Юрий карас вöлі. Регыд мунас, да бара ковмас öтнамönлы кургыны. Дыр-ö кежлö нö воинныд? Ме йöйыд эг на и юав. Гашкö, аски нин бöр мунанныд да? Ас машинанад бур. Пуксин да мунін дай.

ЮРИЙ. Ог тöд, дыр-ö Нина овны кутас, а ме дыр.

СПИРА ДАРЬЯ. Вежон кежлö али мый лэдзисны удж вывсьыд?

НИНА. Дарья Спиридоновна, ме сэсся вуджа гожся жыръяд.

СПИРА ДАРЬЯ. Мун, мун. Бур вой, Нина. *(Нина петом бёрын топөдө писө.)* Мыйкө тэ, пиук, меысь дзедбан. Ниналысь өнтай юалі, мися, кытчө Юрийой медасис уджавнысө, да шуис, ассъыс пө юав. Оз мой төд, көні уджалан? Öні со он жө куж висътавы, кымын лун кежлө менө видлыны воин.

ЮРИЙ. Мам, меным уджыс эз сюр. Бөр гортө локті со.

СПИРА ДАРЬЯ. Кыдзи эз сюр?!

ЮРИЙ. Эз сюр и ставыс. Корси эськө и быдөн да.

СПИРА ДАРЬЯ. Нинаыс нө татчө жө овны воис?

ЮРИЙ. Сылөн уджыс эм. Театрын ворсө. Мыйла кутас сійө татчө овны локны?

СПИРА ДАРЬЯ. А сьомсө, кодос став грездыс чукөртис, бөр вайин? Разөдны өд öні ковмас.

ЮРИЙ. Сьомыс быри. Ставсө видзи.

СПИРА ДАРЬЯ. Видзин?! Кыдзи видзин? Машинасө, кодөн локтінныд, али мый ньөбин?

ЮРИЙ. Тайө сьом вылас эськө сөмын гөгыльясыс шедісны. Машинаыс Нина воклөн. Сідз тай шуис-а.

СПИРА ДАРЬЯ. Кытчө нө сы мында сьомсө лотін? Кытысь ме öні сы мында сьомсө аддза, медым бур йөзыслы разөдны? Висътав вай. Меным өд во джын чөж пенсиясө ковмас чөжны, мед мынтөдчыны. Яндзимыд тэнад абу жө. Гусялісны али мый сьомсө? Сійөн и бөр воин.

ЮРИЙ. Эз, некод эз гусяв. Ме, мам, кута дон босьттөг ставыслы картофельсө мудйыны, идравны, турунсө ытшкыны, пес вайны. Чайта, мый оз кутны пыксьыны. Ме өнтай Максимлы да Мишлы висъталі жө та йылысь. Көсйисны отсыштны и быдөн.

СПИРА ДАРЬЯ. Отсаласны найө. Виччысь. Вина юнытө отсаласны, а мыйкө буртор вөчны бара-й оз.

ЮРИЙ. Көсйысисны тай-а.

СПИРА ДАРЬЯ. Гашкө, и отсаласны. Быттө йөзыс кө оз пыксьыны сьом пыдди удж вөчөмсьыс. Со өд юр яндзимыд на кутшөм. Ог өд вөлі көсйы тэнө, йөйөс, карас өтнадтө ыстыны, да тайө Вась Васыс горш вылө тальчис. Дзик ставыс пытшкын дзөрө. Сэтшөм лөсьыда рытыс муніс, и со тэныд... Вай вод жө ли мый ли. Ме час петала да видзөдла, кыдзи нылыс водіс.

ЮРИЙ. Мам, сөмын тэ сылысь нинөм эн юась. Сійө оз төд. Дзик нинөм оз төд. Ачым тшөтш петала, мед он вывтіась сәні.

*Саймовтчөны. Кост. Воөма асыв. Сцена вылын Спира Дарья.
Очсалигтыр мыччысьө Юрий.*

СПИРА ДАРЬЯ. Ыркыд кө эськө вөлі, пач ломті да мыйкө көть пөжалі. Öні ковмас преникөн тшай юны. Абу жө эськө мича тадзи гөсьттө вердны да.

ЮРИЙ. Петала йөрас. Пальөдчышта.

СПИРА ДАРЬЯ. Верман картасайса картофель мусө мудйыштны. Мөд пөв. Ме эськө неуна лэптышти жө мусө, но вын абу нин важ кодь да, гашкө, лөка лоис.

Юрий петө. Недыр мысти пырө Вась Вась.

ВАСЬ ВАСЬ. Көні нө пиыд? Эсікөд кутчысьомөн узьө?!

СПИРА ДАРЬЯ. Мудйысьны петіс.

ВАСЬ ВАСЬ. Сьомсө, кодөс тай чукөртім, кытчө пуктіс? Меным өд колө бөр разөдны. Эз кө сяммы пысасьны карас.

СПИРА ДАРЬЯ. Василий Васильевич, дөзмы көть эн, а сьомсө сійө ставнас бырөдөма.

ВАСЬ ВАСЬ. Кыдз бырөдөма?!

СПИРА ДАРЬЯ. Абу пө тай, висьталө. Ме төрыт юаси, да сідз тай шуө-а.

ВАСЬ ВАСЬ. Кватёт! Кодкөд воис, сы вылө ставсө видзөма али мый?

СПИРА ДАРЬЯ. Эг пө сы вылө. Ме төрыт тайөс юалі жө.

ВАСЬ ВАСЬ. Кытчө нө эськө? Эг өд этша өктылөй. Та мындаыд сёян вылө дзоньнас эз мун. Патера вылө, Петя шуө, ассьыс сетлөма.

СПИРА ДАРЬЯ. Ме ог төд.

ВАСЬ ВАСЬ. Час петала да асьсө топөдла.

СПИРА ДАРЬЯ. Эн гораа чарзы сөмын. Нывсө садьмөдан.

ВАСЬ ВАСЬ. Век на узьө али мый?

СПИРА ДАРЬЯ. Узьө. Том йөзыдлы тай узьсьө. Со, тыдалө, Юрий пырө.

Мыччысьө Юрий да Вась Васьөс аддзөм бөрын джөмдө.

ЮРИЙ. Видза олан, Василий Васильевич.

ВАСЬ ВАСЬ. Воськовт, висьтав, кытчө та мында сьомсө лотін?

ЮРИЙ. Пиыдлысь, Петяыдлысь, юав.

ВАСЬ ВАСЬ. Кватёт! Сылысь нө мыйла юала? Тэныд сетім да.

ЮРИЙ. Ме, ме бөр бергөда став сьомсө.

ВАСЬ ВАСЬ. Кытысь? Оз өд сьомөн зэрны кут.

СПИРА ДАРЬЯ. Сійө көсйө ставныслы, коді сьомсө сетіс, дон босьттөг казачитны.

ВАСЬ ВАСЬ. Меным ас пайысь некутшөм казак оз ков. Ачым на верма. Сьөкыдджыксө пи вөчас.

СПИРА ДАРЬЯ. Ме тэныд пенсияысь сета.

ВАСЬ ВАСЬ. Меным тэнад сьөмыд оз ков. Мед тайө сетас. *(Чуьнась лёкысь индө зон вылө Вась Вась да петө.)*

СПИРА ДАРЬЯ. Ойя да ойя жө эськө да! Абу жө колөма тэнө карас ыстывны. Грездас овны он куж, а кытысь нин карын. Ёти бур, мый кодөскө аддзөмыд. Сөмын гөгөрвотөм меным тайө ставыс. Ётлаын локтінныд, а торйөн узыланныд.

ЮРИЙ. Оз позь али мый?

СПИРА ДАРЬЯ. Гижсьытөдз, дерт, абу жө мича узьлөмыд. Но өд и дзик бокөвөй йөз кодьөсь өта-мөдныдлы быттьө. Гусьонмоз көть кутчысьлінныд ли мый ли. А то дзик гөгөрвотөм. Мыйла и вайөдөмыд?

ЮРИЙ. Шуа тай, мый көсйө сиктса олөмө пырөдчыны.

СПИРА ДАРЬЯ. Пакуласыс өприч сэсса Коми муас сиктыс быри али мый?

ЮРИЙ. Тымас өтиторсө изны. *(Петө.)*

Недыр мысти мыччысьө Нина.

НИНА. Бур асыв, Дарья Спиридоновна.

СПИРА ДАРЬЯ. Водз тай сувтін. Садьмөдіс али мый Вась Васьыс? Локтіс да өдзөссө крапйөдлыны кутіс. Асывсянь шөйтө-ветлөдлө. Гортас оз овсьы.

НИНА. Мыйкө эськө ун йылысь кылі да, но эз тайө пальөд. Ачым палялі, пөттөдз узьөма лои да. Сэсса дыр на тіян небыд вольпась вылын куйлі. Мөвпалі, кутшөм лөсьыд эськө вөлі быд асыв садьмыны тадзи сиктса чөв-лөняс. Та бөрын куті мөвпавны, кытысь ме водзті кывлі Пакула грездсө. И нем виччысьтөг юрө вартіс, мый тайө батьө вөлі гажмас да пинясьысь мамлы ыршасьө, мый мунас кутшөмкө Пакула грездө. А мыйла сэтчө, ме ог төд. Мам таысь вөлі зэв тай өна скөрмө-а. Мун пө аслад... весиг шунысө кыв оз бергөдчы.

СПИРА ДАРЬЯ. Коді нө батьыд? Кыдзи шуоны?

НИНА (*өшиньө ли кытчөкө мөдлаө видзөдігмоз*). Сійө кык во сайын кувсьыліс. Иван Кузьиванов. Зэв тешкодя артмө. Иван да Кузьиванов. Аслыс тайө вөлі зэв өна кажитчө.

СПИРА ДАРЬЯ (*шланнитчө улөс вылө*). Кыдзи, шуан, батьтө шулісны?

НИНА. Кузьиванов Иванөн.

СПИРА ДАРЬЯ. А вичыс кыдзи?

НИНА. Николаевич. А мый нө тайөс ті юсянныд? (*Бергөдчө Спира Дарьялань.*) Мый нө лоис? Мыйла сэтшөма чужөм выланыд вежсинныд? Лөк али мый другысьөн лои?

СПИРА ДАРЬЯ. Энлы. Лолыштны колө. А тіян Юрийкөд нинөм сэтшөмыс эз вөв?

НИНА. Мый эз вөв?

СПИРА ДАРЬЯ. Тані со торйөн водінныд, а карас, мися, нинөм сэтшөмыс эз вөв?

НИНА. Эз. Юрийыс меным эськө кажитчө. Дзик медводдза видзөдлассяньыс быттьө зэв матысса мортөс аддзи. Кыдзкө быттьө том дырся батьлань весиг манеритыштө. Шулөны тай, мый нывъясыд верөссө бать кодысьс корсьоны.

СПИРА ДАРЬЯ. Слабог. Эз кө быттьө вөв. А тэнад батьыдлөн снимокыс абу?

НИНА. Съорысь абу. А мыйла?

СПИРА ДАРЬЯ. Менам көнкө дзебасын эм өти снимок. Петкөдла. Сюся видзөдлы. Гашкө, төдмалан. Колөкө и он. (*Ветлө пельөсө, вайө снимок да ылісянь кутө петкөдлыны Ниналы.*) На, видзөдлы.

НИНА. Вайлөй матөджык. Тайө жө менам батьөй. Миян татшөм снимокыс гортын эм жө.

СПИРА ДАРЬЯ. Абу сөмын тэнад бать. (*Вашкөдөмөн.*) Ог кут дзебны. Нинөмла тайө. Кузьиванов Иваныс абу сөмын тэнад бать.

НИНА. Кодлөн нө нөшта? (*Дарья моз жө вашкөдчөмөн.*) Энлөй. Збыльысь али мый? Тайө жө сөмын индийскөй киноын овлө. Збыльысь али мый, Дарья Спиридоновна?

СПИРА ДАРЬЯ. Збыльысь. Оломас тай татшөмыс, вөлөм, овлө жө. Оз сөмын киноын.

НИНА. Сідзкө, Юраыс менам вок?

СПИРА ДАРЬЯ. Сідз тай артмө. Öти батьысьөсь ті.

НИНА. Некыдзи оз эскыссьы. А кыдзи нө тадзисө лои?

СПИРА ДАРЬЯ. Батьыд, Ваня Кузьивановыд, воліс татчө туй вөчны. Сідзсө первойсө Съөлаыбө ставныс овмөдчисны. Миянөдз, Пакулаөдз, туйсө вөлі лөсьөдөны. Дзик өд шогмытөм водзті вөлі. Со кызкө öти лунө и төдмасим. Ме дояркаалі бригадаас да гортө вөлі муна. Сійө сувтіс да корис пуксьыны. Гортөдзыд пө нуа. Сэсса мөдысь, коймөдысь, нельөдысь паныдасьлім. Сэсса и ме ордө овмөдчис, медем Съөлаыбсянь быд лун эз ковмы ветлыны.

НИНА. Мамö, тыдалö, та йылысь тöдiс да сійöн и вöли Пакула грезд вылас лöгалö. И öнiöдз на. Тi, Дарья Спиридоновна, эн кутöй батёс? Эн корöй ас дораныд?

СПИРА ДАРЬЯ. Мыйла нö корны кута? Сійö öд висьталiс семья йывсьыс. Ме öд арлы-да ныв нин вöли. Эндöм нылö нин вуджа вöли. Гөгөрвои нин ставсö.

НИНА. И эн лöгалöй сы вылö?

СПИРА ДАРЬЯ. Мыйысь? Менам ськöд олiгөн со Юрук артмис. Эз кö сійö вöv, то, гашкö, нэм öтнам олi. А öнi вöли код вöсна овнысö, код вöсна тöждысьнысö.

НИНА. И сэсся эн и аддзысьлöй? Батёкöд, шуа. Сійö эз тöд, мый Пакулаас пи эм?

СПИРА ДАРЬЯ. Тöдiс. Кыдзи эз тöд? Письмöасьыштiм на öд и быдөн. Юруклы ар витöдз кымын сьöмтор на ыстывлiс и. Сэсся дугдiс. Ме дугöдi. Мися, тэнад ныв чужис, да сьöмьд колöджык. А ме, мися, ачым верма быдтынысö. Со и быдтi.

НИНА. Висьталан кö кодлыкö – оз эскы. Көнi нö Юраыс? Менам вокыс?

СПИРА ДАРЬЯ. Сылы бара-й эн на висьтав.

НИНА. Мыйла?

СПИРА ДАРЬЯ. Кажитчан тэ сылы. Аддза öд.

НИНА. Ог кö-а. Нинöм тай на эз шулы.

СПИРА ДАРЬЯ. Сійö оз и шу. Ме тöда нин сійöс. Ас пиас ставсö кутö. А тэ збыльысь артистка?

НИНА. Збыльысь. А мый?

СПИРА ДАРЬЯ. Вась Вась гозья тай быдсяма лёк кывнас тэнö шуалiсны. Пиыс мыйкö сөрöма да.

НИНА. Гөгөрвои, кутшöм кывъясөн. Петя öд пиыслөн нимыс?

СПИРА ДАРЬЯ. Петя. Тöдан сійöс али мый?

НИНА. Аддзылi öтчид. Юракöд вöлины. Сійö меным зэв эз кажитчы. Синъясыс котралöны да.

СПИРА ДАРЬЯ. Тэ сылы, тыдалö, абу жö кажитчöмьд. Со кутшöм пеж кывъясөн шуалö да.

НИНА. Дарья Спиридоновна, ме асывбыд кöсйи телепонөн карö звöнитны да некыдзи ог вермы.

СПИРА ДАРЬЯ. Миянсянь тэ он и вермы звöнитнытö. Ветлы Вась Вась дорöдз. Налөн пывсян вывсянь и кыйö телепоныс. Сэсся некытiсянь оз кунав. Кодлы нö звöнитны кöсьян? Мамьдлы?

НИНА. Сылы тшöтш жö. Но нывъёртъяслы медсясö колö юöртны, көнi ме. Öдйö туйö петöмыс лои да, оз тöдны.

СПИРА ДАРЬЯ. Эн и сёйышт на да. Тайö сёрниөн весиг верднытö вунöдi. Дзик öд, көнкö, тшыг?

НИНА. Бöрас, Дарья Спиридоновна, сёйышта. А öнi ветла звöнитны. Менам вунi весиг юавны, көнi нö Юраыс?

СПИРА ДАРЬЯ. Карта сайын мудйысьö. Эз кö быттьö ёртъяс дорас пышйы. Тэ вай сылы эн на висьтав.

НИНА. Чайта, мый колö. Мыйла дзебнысö?

СПИРА ДАРЬЯ. Ачыд тöдан.

НИНА. Көнiджык нö Вась Васьыс олö?

СПИРА ДАРЬЯ. Оз ылын. Волы, öшиньсянныс керкасö инда. Со сійö. Краситöмаыс. Гашкö, колльöдны?

НИНА. Ачым аддза. (Петö.)

СПИРА ДАРЬЯ (кутö кias снимоксö). Ваньö, со öд на олöмыд кутшöм. Он и тöдлы, чуймодас. Чайтi, мый дзикöдз нин тэ менö эновтiн, но абу на тай. Со кызди ас йывсьыд казъыштiн. Ныв пырыд. Усь кöть сэсса татчö да эн чеччы. Ваньö, мый нö меным öнi вöчнысö? Эг кö эськö ме тэнö радейтлы да лөг кутi, вöтлi эськö нывтö керка помысь. Но öд радейтлi ме тэнö. Эг кö радейт, эг жö эськö вöтлы нывтö. Кызд нö мортöс ывла вылö тойыштан? Кöть и гожöм да. Кытчöдз олас танi, мед сэтчöдз и олас. Юрийыд сöмын жаль-а. Оз на тöд нинöм. Тöдмалас да, нимкодъ али шог лоас сылы? Эз öд сiдз тай вайöд нывтö татчö. Сьölöмыс вөрзьöма жö, тыдалö. Ваньö да Ваньö эськö да. Висьтавы со воча он вермы. Дзеба бөр ас инас. Гашкö, ог да. Тыдалö, воис кад Юруклы тэнö петкөдлыны. Ме öд тэнö пыр на эг петкөдлыв. Дзеби. Бөр ас инас пукта тэнö. (Снимоксö кias кутöмөн саймовтчö.)

Сиктса серпас. Мыччысьö Нина. Сылы паныд коканөн локтö Максим.

НИНА. Видза олан, Максим.

МАКСИМ. Кытысь нö менсьым нимöс тöданныд?

НИНА. Вай ог кутöй тиасыны. Ми öд пöшти öти арлыдаöсь. А нимтö тэнсьыд Дарья Спиридоновна висьталiс.

МАКСИМ. А тi збыль артистка?

НИНА. Дзик збыль. Кызди коканыс, кодi тэнад кийн. Он велöд, кызди картофельсö мудйöны?

МАКСИМ. Он куж али мый?

НИНА. Кужа кö öд, ог тшöкты велöдны.

МАКСИМ. Велöда эськö да, но öд Юрийыс вежөгтыны кутас.

НИНА. Мед вежөгтö. Сы вылö и вокыс.

МАКСИМ. Мый?! Вок? Эн сөр. Юрийлөн некутшöм чой ни вок абу.

НИНА. Коркö эз вöv, а öнi со эм. Ме öд збыльысь шуа, велöд коканнас вöдитчыны.

МАКСИМ. Мунам. Велöда. Он кö быттьö Юрий йывсьыс лöсьöдлы.

НИНА. Ог, дерт. Ме сöмын ачым неважөн тöдмалi. Но öнi дзик ог эшты. Звöнитчыны кутшöмкö Вась Вась пывсян вылö муна. Максим, нöшта öтитор ковмас тэныд висьтавыны.

МАКСИМ. Кöть сёös.

НИНА. Сöмын öтиös. Мукöдыс, гашкö, водзын на лоасны. Меным тэ висьтавы, кызди артмис тiян Пакула грездныд?

МАКСИМ. Кытысь нö ме тöда? Нэмсö сiйö вöлi да. Некод оз куж висьтавынысö.

НИНА. А тэ юась. Рытнас висьталан. Сöмын мед эз вöv юöма. Ме гажа юраыдкөд сёрнитны весиг ог кут.

МАКСИМ. Тайös тöда нин. Тöрыт Юрий дорысь менö да Мишöös тодмышкалiн нин.

НИНА. Локтан кö гажа юрөн, кильчö вылөдзыс ог сибөд.

МАКСИМ. Гөгөрвои. Ог кут, төварыш прапоршик! (Чесът сетö да мунö.)

Мычысьöны Вась Вась да Агни. Казялöны Нинаös.

АГНИ. Татчö лешöйясыс ки пölöдыс вайөдöны али мый?

ВАСЬ ВАСЬ. Коді нө тайө? Төдан али мый?

АГНИ. Тайө жө эсийө... код йылысь тай Петяным висьталіс. Спира Дарьялөн моньыс.

ВАСЬ ВАСЬ. Весиг гөтрасьөма али мый Юрийыс?

АГНИ. Ог и куж висьтавынсьө. Эз кө өд, мыйла, сідзкө, гортас вайөдіс.

ВАСЬ ВАСЬ. Мамыскөд төдмөдны.

АГНИ. Со на кутшөм Дарьялөн шогыд. Öткa пиыслы прамөйыс абу нин сюрөма. Кутшөмкө мужик улысь кыскөмасө вайөдөма. *(Нина матыстчө на дорө.)* Видза олан, нылук. Ен ськөдөн кодь гөтыр со Юрийлы сюрөма. Пьяникыслы тай шудыд эмджык.

НИНА. Коді пьяникыс?

АГНИ. Некод. Сідз шуа. Öнiя мужикъяс пөвстад ютөмыс зэв гежөд. Миян Пакулаын Василейыс өприч ютөмыс и абу. Мужикуловсө шуа.

ВАСЬ ВАСЬ. Видза олан! Кутшөм могөн нин миян дорө кежин?

НИНА. Дарья Спиридоновна висьталіс, тіян пө кутшөмкө пывсян эм. Код вывсянь телепонөн звөнитчөны.

АГНИ. Эм эськө да, но кайнысө он вермы.

НИНА. Мыйла?

АГНИ. Содсө төрыт жугөдісны.

ВАСЬ ВАСЬ. Кватёт! Эн сөр. Ме час пес лэбулысь кыска содсө да пуктыла.

АГНИ. Сөмын эн жугөд. Вөсньыдик эськө Ен ськөдөн да, но грекыд кө мортыдлөн уна, сьөктөдө.

ВАСЬ ВАСЬ *(кыскө сод да сувтөдө пывсян бокас)*. Кавшасьлы. Тасянь кылө.

АГНИ. Сөмын мед юрыд оз бергөдчы. Менам тай путкыльтчө, да недыр и верма сёрнитнысө.

Нина кавшасьө сод вылө.

ВАСЬ ВАСЬ. Кватёт! Дугды сөрнытө. Часъясөн бызган.

АГНИ. Мыйкө тэ пыр на сы ногөн сёрнитін. Регыд и сьөмтө кутан дзебны. Найө пө сьөм вылад ставсө дасьөсь.

ВАСЬ ВАСЬ. Кватёт, мися! Мыйсяма тэ морт, Агни? *(Вешйө сы дорысь.)* Лок, Агни, пырам. Али бара кывзысьны кутан.

АГНИ. Пыр, пыр. Ме тані олышта. *(Вась Вась саймовтчө. Агни матыстчө сод дорө.)* Нылук, кылө оз нө?

НИНА. Мунө тай эськө да. Но оз со босьтны. Час мөдлаө триньөбтыла.

АГНИ. Таркнитлы, таркнитлы. Көть лунтыр звөнитав.

НИНА. Алло! Кылө оз? Люба, тайө тэ? Мыйла омөля кылө, шуан. Эскы көть эн, а ме пывсян вывсянь тэкөд сёрнита. Ме өд абу карын. Пакула грездсянь звөнитча. Кызди веськалі? Юрийкөд мунім. Сы дорын гөстита. Көсья төдмавын, кызди грездас олөны. Зонъясыд эмөсь жө. Но оз пө уджавны некытөн. Тэныд вылө корсьны? Эмөсь эськө да, но өд тэныд озыр колө. А тані сьөмтөмөсь. Ог төд, дыр-ө ола тані. Карө локта да звөнитла. Валя тай телепонсө эз босьт. Висьтавын сылы чолөм. *(Лэччө сод вывсьыс.)*

АГНИ. Сюри кодкө? Сёрнитнысө шуа.

НИНА. Сюри. Аттьө, мый лэдзинныд звөнитнысө. *(Мунө да саймовтчө.)*

АГНИ. Василей! Василей, мыччысьлы ли мый ли.

ВАСЬ ВАСЬ *(мыччысьө)*. Мый нө лоис?

АГНИ. Төдан, мый ме кывлі?

ВАСЬ ВАСЬ. Гортын вöлі да кытысь тöда.

АГНИ. Збыль вöлөм Петяным висьталöма тайö прöсти Господи йывсьыс. Öнi кодлыкö звöнитiс да норасис, мый танi сьöмтöм мужикъяс олöны. Кодлыкö шуис, мед пö отсöг вылö оз лок. Танi пö абу озырöсь. Со öд олöмыс пуксис. И миян грездöдз тайö заразаыс воис. Лок пыралам, да аэрозоль кöть петкöда да содсö реза.

Вась Вась да Агни саймовтчöны. Мыччысьö Миш. Сылы паныд петö Нина.

НИНА. Бур лун, Миша.

МИШ. Бур лун.

НИНА. Максимöс корсян али Юраöс?

МИШ. Некоднансö ог. Ме аслам могөн мöдöдчи.

НИНА. Миша, а тэнад гортад важ кöлуйяс эмöсь?

МИШ. Менам важ гач көнкö туплясьö. А мыйла?

НИНА. Важ гачыд меным оз ков. Ме юалi, эм абу көнкö тiян сэтшöмтор, кодөн водзтi уджавлiсны, мыйкö вöчлiсны.

МИШ. Со мый йылысь, вöлөм, сёрниыс. Миян важ рынышын быдсямаыс эм. Колö видзöдлыны.

НИНА. Видзöдлы, а рытнас висьталан, мый аддзылiн. Сöмын гажа юрөн эн лок. Ме ог радейт юом йöзыдкöд варовитны.

МИШ. Казялi нин. Висьтала, мый аддзылi, а сэсся мый?

НИНА. Видзöдлам.

МИШ. А Юрийыс лоас жö? Паныдасигад шуа.

НИНА. А оз ков?

МИШ. А друг да ме окыштны кöсья ли мый ли?

НИНА. Ме öд дона сулала.

МИШ. Ме öд сьöмсö нажöвита.

НИНА. Тэ öд юан сiйöс.

МИШ. Ог. Збыль ог ю. Чöжны кута.

НИНА. Рытнас паныдасям. Сöмын эн ю. Сьöмтö чöж. *(Мунö да саймовтчö.)*

МИШ *(видзöдö да сьöкыда ышловзьö)*. Татшöмыд дона сулалö. Газетъясын да көнi гижöны, мый некымын сюрс мукöдыс. Ковмас дыр мырсьыны. Йöйыд тöрыт нöшта на и Юрийлы кöсйыси отсавны сетлöм сьöмсö бөр бергöдны, дон босьттöг уджавны. Ковмас бөр кывсö босьтны. Дöзмас эськö Юрий да. Но öд ачыс, көнкö, тайö ныв вылас жö сьöмсö видзис. Тыдалö, сөрö Петяyslөн сылысь сьöмсö пыркöдöм йывсьыс. *(Саймовтчö жö.)*

Кост. Спира Дарьялөн оланiн. Сэни Юрий. Мыччысьö Нина.

ЮРИЙ. Звöнитлiн?

НИНА. Звöнитлi.

ЮРИЙ. Ме тэныд тшай пузьöдi. *(Матыстчö ныв дорö да кöсйö кутлыны.)* Ми öд тэкöд эг на и кутчысьлöй. Сы дыра нин тöдсаöсь да.

НИНА. Мый нö нем виччысьтöг смелмин?

ЮРИЙ. Мамö тай шуö, дзик тöдтöм йöз моз пö асьнытö кутанныд. Збыльысь öд сідзи быттö и эм.

НИНА (*мездысьö*). Оз ков.

ЮРИЙ. Ог мöй кажитчы? Дзик ньöти ог кажитчы?

НИНА. Кажитчан. Мыйла нö он кажитчы?

ЮРИЙ. Мый нö сідзкö пыксян? Коркö öд тайö ставыс бытöн лоас. Меным тэ зэв ёна кажитчан. Но висьтавын эг лысьт. Эз кö мамö кут шуасьны, гашкö, эг на и лысьт. Но сійö тай шензьö. Вайöдін пö, а торйöн узыланныд. Весиг пö меысь гусьöнмоз эн на кутчысьлöй ни.

НИНА. Кутчысьлам коркö. Чоя-вока моз.

ЮРИЙ. Чоя-вока мозыд ме ог кöсйы. Ме кöсья, кыз радейтысь ныла-зонма.

НИНА. Сэтшöмыс оз ло. Öнi оз нин ло.

ЮРИЙ. Тэнад кодкö мöд эм али мый?

НИНА. Абу. Но...

ЮРИЙ. Абу-ö Максим? Казялі öд, кызди тэ тöрыт рыт сы вылö видзöдін. Ме вылö тадзисö некор на эн.

НИНА. Вай дугдам та йылысь. Бурджык вердышт чойтö.

ЮРИЙ. Кутшöм чойöс?

НИНА. Ассьыд. Мамыд воас, да сылысь юась. Менам висьтавынсьö кыв оз бергöдчы. Со, тыдалö, сійö буретш пырö.

СПИРА ДАРЬЯ (*пырö*). Нина со воöма нин. Вердіс öд нин, кöнкö, Юрийыд?

НИНА. Эг на и сёй.

СПИРА ДАРЬЯ. Кызди эн? Мыйкö лоис али мый нö?

ЮРИЙ. Мам, Нина со шуö, мый тэ мыйкö тöдан.

СПИРА ДАРЬЯ. Нина мöй эз на висьтав?

НИНА. Эг. Менам кывйöй эз бергöдчы.

СПИРА ДАРЬЯ. Меным, сідзкö, ковмас. (*Ветлö пельöсö, кытчö пуктыліс снимоксö.*) Со тайö тэнад батыд. Тыдовтчис, мый и сійö Ниналы батын лоö.

ЮРИЙ. Дугды сörнытö! (*Шашаритчö снимокас да дыр видзöдö сы вылö.*)

НИНА. Збыльысь, Юра. Нем виччысьтöг ставыс тайö тыдовтчис.

ЮРИЙ. А тэ, мам, вöлі висьталан, мый батыöй менам кувлі.

СПИРА ДАРЬЯ. Висьталі. Эн дивит. Гашкö, мöд мам эськö збыльсö висьталіс, а ме со, йöйыд, эг.

ЮРИЙ. Тэ жö, Нина, шуин, мый батыд кык во сайын кувсьыліс.

НИНА. Збыльысь кувсьыліс мян батыным.

ЮРИЙ. Ме нинöм эг кут гөгөрвоны тайö олöмсьыс! Лолöй пöдны кутіс. Петала да ыркöдчышта. (*Мунö.*)

СПИРА ДАРЬЯ. Сöмын, Юрий, эн ю. Вай, Нина, вöтчам сы бöрся. Мыйкö нöшта аскöдыс вöчас дай.

НИНА. Оз. Сайкалас да пырас.

СПИРА ДАРЬЯ. А оз кö? Ме петала.

НИНА. Ме, сідзкö, тшöтш жö.

*Нина да Спир Дарья саймовтчöны. Кост. Тыдовтчö Максим.
Мöдарсянь мыччысьö Миш.*

МИШ. Максим, сулав!

МАКСИМ. Мый нө лои?

МИШ. Тэнад съомторыд эз колъышт? Уджды вай мыйтакө. Сэсса ме ачым нажөвита содтөдсө. Сөмын ог төд, уна-ө колө. Эг лысыт юавнысө.

МАКСИМ. Мый вылө тэныд съөмыс?

МИШ. Төдан мый, Максим. Нылыд, кодөс тай Юрийыд вайөдөма, збыльысь этайө... коді тай съом вылад.

МАКСИМ. Тэныд кокан нуднас вартны али мый, мед вежөрсялыштін!

МИШ. Сөмын ог төд, мый Юрийыс шуас. Сійө өд вайөдіс.

МАКСИМ. Мишө, вай дугды!

МИШ. Мыйла дугда? Ме сылысь юалі, позьө оз окыштны, да сійө шуис, мый дона тайө сулалө. Но донсө эз висьтав.

МАКСИМ. Шмонитіс, көнкө.

МИШ. Эз кө-а. Сэсса рытнас корис воыны.

МАКСИМ. Менө тай корис жө, да ог съом чукөрт.

МИШ. Тэно нө мыйла корис?

МАКСИМ. Сёрнитыштны пө. Ог висьтав мый йылысь. Уджсө помала да грездсө на колө кытшовтны. Ирина пөч мыйсюрө висьталіс нин. Колөкө, мукөдыс нөшта мыйкө төдөны.

МИШ. Нинөм ог гөгөрво. Мыйла грездсө кытшовтнысө? Мыйкө лоис али мый?

МАКСИМ. Нинөм эз. Колө, да и кытшовта.

Мыччысьө Юрий.

ЮРИЙ. Чолөм! Төданныд, мый лоис? Төданныд, ме өні коді Нинаыслы лои?

МАКСИМ. Төдам, дерт. Вок.

МИШ. Кыдзи вок?

ЮРИЙ (Максимлы). Тэ нө кытысь төдан?

МАКСИМ. Ачыс Нинаыс висьталіс. Ме видлі тшукджыка ставсө төдмавын, да сійө тэнсьыд юавны тшөктіс. Збыльысь сійө тэныд чой али мый лоас?

ЮРИЙ. Мамө и Нинаыс шуөны, мый збыльысь.

МИШ. Мый нө өні кутам вөчны? Меным кокньыдджык съөлөм вылын лоас.

ЮРИЙ. Мый нө Мишыс сөрө?

МАКСИМ. Эн сійөс кывзы. Пыр на ассьыс мыйкө нырис. Юрас пырөма да нетшыштны оз вермы. А тэныд, Юрий, нимкодясьны колө. А кыдзи нө чойнас Нинаыс тэныд нем виччысьтөг лои?

ЮРИЙ. Ёти батысьсьөсь пө ми. Тадзи тай кыкнанныс шуөны-а.

МАКСИМ. Татшөмыс вермас жө лоны. Грездсаяс өд төдөны, коді тэныд отсаліс вөльнөй югыдінас мыччысьнысө. Карысь пө кодкө туй вөчны волөма да сійө. Ме тай тадзи кывлі-а.

ЮРИЙ. Меным мамө весиг нинөм эз и висьтавлы. Йөзыс, тыдалө, эз жө көсийны дай.

МАКСИМ. Ме чайті, мый тэ төдан.

ЮРИЙ. Вай рытнас волөй миян дорө. Меным мыйлакө өні өтнамөнлы зэв деливө. Ог и төд, мый шуны, кыдзи сёрнитны Нинаыскөд.

МАКСИМ. Волам. Менө Нинаыд корис жө мыччысьлыны. Мишөос тшөтш жө корөма.

МИШ. Корис. Сöмын ас кежын аддзысьлыны.

МАКСИМ. Сетыштны эськö тэныд пель бокад, да öнi оз нин тайö тэнö веж. Кутшöмөн чужöмьд, сэтшöмөн и ковмас овны. А миянлы тэнö видзöдны.

Зонъяс саймовтчöны. Кост. Спира Дарьялөн оланін. Спира Дарья Нинакöд оз весь овны. Пыртöмаось карнан, куш ведраяс, да кöзьяйка велöдö нылös, кыдзи сы отсöгөн ва ваявлісны.

СПИРА ДАРЬЯ. Ачым öд ог куж, а со йöзöс велöда.

НИНА. Тіян бура артмö, а ме со весиг пельпом вылö пуктыны ог сяммы.

Мыччысьö Юрий.

ЮРИЙ. Грездсö кытшовтышті.

НИНА. Юра, вай дугды тадзи майшасьнытö. Радлыны колö, а тэ со юртö öшöдін.

ЮРИЙ. Нем виччысьтöг ставыс лои да.

НИНА. Велалам вочасөн.

ЮРИЙ. Велавны на колö.

СПИРА ДАРЬЯ. Вай дугдöй, чоя-вока. Эз тай лёктор ло. Чайта, мöдарö на...

НИНА. Дарья Спиридоновна менö кöсьысьö некымын лун видзны на. Ме чайті, мый öнi менö бөр карö ыстас. Монь туйö видзны видзис, а мöд туяд, гашкö, мися, оз нин кут да.

СПИРА ДАРЬЯ. Мыйла нö вöтлыны кута? Мöдарö на меным нимкодь лои сьölöм вылын. Юруклөн öд некод меысь кындзи абу. Мöвпалі, мый кула да дзик öтнасөн кольö. А тані со чой мыччысис.

НИНА. Вок на эм и. Ог и тöд, кыдзи сійö тайö юöрсö кывзас. Чайта, гөгөрвоас ставсö.

Мыччысьö Миш.

МИШ. Бур рыт. Ме вои.

СПИРА ДАРЬЯ. Воöмьд тай. Максимьд нö локтас жö?

МИШ. Ог тöд. Ме тай локті-а.

СПИРА ДАРЬЯ. Локтас, дерт. Петалам, Юрук, улös пыртам.

Мама-ниа саймовтчöны.

МИШ. Тэ окыштöм йывсьыд збыль висьталін али шмонитін?

НИНА. Шмониті, дерт. Збыльысь чайтін, мый ме кута сьöм вылö быдөнкöд окасьны?

МИШ. Кодсюрö тай бызгöны, мый тэ пö на лыдын, кодъяс...

НИНА. Миш, эн вай эскы быд сөрöмлы. Тэ öд ыджыд нин.

Пырöны пиыскöд Спира Дарья.

СПИРА ДАРЬЯ. Öнi улösъясыс ставныслы тырмасны.

ЮРИЙ. Ми сёрнитчим неуна пасйыны тайö лоöмторсö.

НИНА. Сөмын винатөг. Видзёда, и Миш талун вомас абу босьтлөма.

МИШ. Эг лысьт. Чайті, мый он бара сибёд да.

Пызан лосьёдігөн мыччысьё Максим.

ЮРИЙ. Кокыд кузь. Буретш воин.

СПИРА ДАРЬЯ. Пуксьёй пызан саяс. Дерт, уна чөскыдыс абу, но мый нин сюрис.

МАКСИМ. Винатөгид эськө тыртөмджык пызан вылыд да. Но оз позь. Нина вөтлас.

НИНА. Вөтла бара.

СПИРА ДАРЬЯ. Тэ, Нинук, дырджык Пакулаас ов. Гашкө, этайөяс дзикөдз чөвтасны юөмсө и быдөн.

НИНА. Ола бара. Менам өд отпуск. *(Сералө. А сэсся вежө сёрнисө.)* Кодсянь и босьтчыны? Максимсянь али Мишсянь?

СПИРА ДАРЬЯ. Мый босьтчыны?

НИНА. Ме талун Максимлысь кори, медым төдмаліс, кызди Пакулаыс артмөма, а Мишөс кори, медым важ көлуй гортсьыс корсис. Ме өд эг на вунөд, мый могысь медсясө татчө вои.

МАКСИМ. Грездсө пө кутшөмкө Сопрон лосьёдысьнас вөлөма. Воөма татчө кытысянькө ас котырнас да кыпөдөма оланінсө юлөн мөдар бокас. Но тулыснас ваыс босьтөма оланінсө, да мөвпыштөмаось вуджны таладорас. Сэсся и тані кыптөма грездыс.

НИНА. А мыйла Пакулаөн нимтөмаось?

МАКСИМ. Тайөс висьтавыны некод эз куж.

СПИРА ДАРЬЯ. Уна ногөн та йылысь висьтавлөны. Но чайта, мый кыз пуыс тані уна да пакулаыс уна жө вөлөма. Со и Сопронид, тыдалө, шуөма нимтыны оланінсө Пакуланас.

НИНА. Вермас лоны. Но зонъяс мед бурджыка төдмаласны да мөдысь менам татчө волігөн висьталасны.

МАКСИМ. Тэ нөшта на көсьян воыны?

НИНА. Вола, дерт. Менам жө тані вок олө. Бытьё Дарья Спиридоновна кө оз ло паныд.

СПИРА ДАРЬЯ. Мыйла нө ме бур мортлөн волөм вылө паныд лоа?

ЮРИЙ. Миянлы мамөкөд гажаджык сы дырйи лоас. Кызди өні.

НИНА. Но төдмала кө, мый вина юанныд, бөр муна.

МАКСИМ. Ковмас али мый чөвтны?

НИНА. Менө кө көсьян аддзывны, то ковмас.

МИШ. А менсьым, менсьым нө мый он юась?

НИНА. Эн лөгась, эг вунөд.

МИШ. Миян рынышын кутшөмкө изки куйлө. Зэв пө важся. Катя пөч шуө.

НИНА. Сійөс видзөдлыны аски волам. Юрий вок петкөдлас керкатө. Петкөдлан өд?

ЮРИЙ. Мый огыс? Петкөдла.

НИНА. Максим со висьталіс, мый кутшөмкө Сопрон ас котырнас вермөма быдса грезд лосьөдны, а ті, том зонъяс, он көсийөй сійөс весиг водзө ловзьөдны.

МАКСИМ. Кыз нө сійөс ловзьөдан?

ЮРИЙ. Öнiя олөмөн он вермы.

МИШ. Сьөкыд нин кулөмаыдлы ловсө бөр сетны.

НИНА. А Сопроныслы кокни вöлі?! Эз, дерт. Но сійö дзик нинöм абусьыс быдса грездлы олöмсö сетіс, а ті сійöс эндöдны кöсьянный. Эм жö öд кутшöмкö петан туй.

СПИРА ДАРЬЯ. Шеныштöмаöсь кö мян вылö, мый верман вöчнысö? Тэ эськö, Нина, тшука шуин, мый колö кодлыкö босьтчыны кутны тані олöмсö. Но вермасны мöй Юрий, Максим, Мишö тайöс вöчнысö?

НИНА. Мед кöть нин видласны.

МАКСИМ. Тэныд кокни сёрнитнытö. Аски-аскомысь карö уйкнитан и ставыс.

МИШ. Сідз, сідз. Мый нö ми сэсся гöтыртöг да мöтыртöг тані нэм овны кутам? Грездлысь олöмсö кутöм вöсна?

СПИРА ДАРЬЯ. Тэ, Нина, эськö карсьыд кö кодъясöскö татчö ыстыны вермин, ок эськö бур вöлі. Оз öд став нылыс, көнкö, карын кöйыны овны?

МАКСИМ. Ачyd татчö лок.

НИНА. Та вылö вочавидзны ме ог вермы.

ЮРИЙ. Мыйла нö эськö сёрнисö панін?

НИНА. Но öд оз жö ков съодас овны. Мыйкö колö жö вöчны, медем татшöм грездясыс, кыдзи Пакуланыд, эз бырны йöз олöмсьыс...

ПОМ.

Финно-угорский берег

Людмила
КОРОЛЬКОВА

Людмила Валентиновна Королькова – историк, этнолог, археолог, кандидат исторических наук, заведующая отделом Северо-Запада и Прибалтики Российского этнографического музея. Член научно-производственного Учёного совета музея. Старший преподаватель кафедры музейного дела и охраны памятников Института философии СПбГУ. С 2016 года входит в состав художественно-экспертного совета по народным художественным промыслам Ленинградской области. На её счету более 30 этнографических, 6 археологических, 10 этно-археологических экспедиций. Является автором более 100 научных статей, нескольких монографий и ряда научно-популярных изданий.

Земледелие и огородничество у вепсов

(конец XIX – первая половина XX века)

В районах, заселённых вепсами, до 1940-х гг. преобладало подсечно-огневое земледелие, так как трёхполье в этих краях давало низкий урожай. При коротком лете, примитивности сельскохозяйственных орудий труда и бедности населения это был самый рентабельный способ ведения хозяйства. С первой подсеки на жирных почвах снимали четыре урожая (два – ржи, два – овса), а на худых почвах – два: рожь и овёс. После этого ниву бросали. На том же месте подсеку возобновляли через пятнадцать-двадцать лет. Огородничество было развито слабо, а садоводством население вообще не занималось. На одну тягловую душу в Тихвинском уезде приходилось в среднем от трёх до пяти десятин земли, а в Лодейнопольском уезде – пять-шесть десятин. За каждую десятину земли в начале XX в. крестьяне платили подать от 60 до 74 коп. Для вепсов это были большие деньги (к примеру, пуд ржи в те годы стоил 1 руб. 25 коп., пшеницы – 2 руб. 40 коп., овса – 70 коп.).

Из-за специфических природных условий (сильно пересечённая местность, обилие каменистых почв) пашни не составляли сплошной площади, а были разбросаны по отдельным полянам между озёрами и болотами. Часто пашни располагались за десятки вёрст от деревни. Тогда семьям на время обработки угодий приходилось уезжать из дома и неделями жить в шалашах и землянках. На своих полях крестьяне выращивали зерновые и технические культуры, овощи: рожь, овёс, ячмень, лён, горох, бобы, репу. Больше всего сеяли овса и ячменя, меньше всего льна – один фунт.

Подготовка подсеки требовала огромных физических усилий: вырубка мелкого леса, рубка более крупных деревьев, обрубание сучьев, сжигание леса, уборка подгоревшего леса, обработка земли, сев, установка изгороди. Деревья вырубали топорами, а кустарник и ветки – большими металлическими ножами – косарями на аршин от земли, чтобы его было видно при вспашке. Жгли лес на следующий год или сразу, как только он слегка подсохнет. Залогом будущего урожая той или иной культуры служило правильно выбранное место, на котором растения будут хорошо развиваться и вовремя созреют. Наиболее благоприятными для суков считались пологие склоны холмов, поросшие мелким лесом и обращённые к солнцу. Почва не должна быть кислой; на ней не должны произрастать болотные растения. Предпочтение отдавалось тем

участкам, где рос ландыш. Самые большие поля выжигали под рожь.

Сельскохозяйственный инвентарь для обработки полей в XIX–XX вв. состоял из архаичных по форме деревянных орудий: сохи и бороны. Сохи делали из берёзы с развилиной на конце (из этой части дерева вырубали колодку), а бороны – из расколотых пополам стволов молодых суковатых елей либо из деревянных планок и зубьев. Наиболее проста в изготовлении была еловая борона: расколотые стволы (6–12 плах) связывали вязками по три штуки, а затем все вместе скрепляли берёзовой вицей. Перед боронованием орудие вымачивали в озере или в реке. Борона-вязанка и лёгкая соха при всей простоте конструкции были пригодны для работы на любых почвах и особенно незаменимы на подсеках. Пахота на суках требовала лёгких орудий и особого умения в работе; приходилось постоянно следить, чтобы соха не ударилась о камень, о корни; как только соха «чиркнет», её приподнимали.

Посев яровых культур начинался с засева подсека: их начинали готовить к обработке, как только сойдёт снег. Если весна была ранняя и тёплая, то сев холодостойких культур – овса, репы обычно уже заканчивали к Николе вешнему (22 мая), а если поздняя и холодная, то вся посевная начиналась лишь после этого дня. День сева выбирали по приметам и качеству земли. Так, считали, когда на ольхе «шишки» жёлтенькие, можно начинать сеять ячмень. Но лучшим временем для посева этой культуры считали период появления кувшинок на озере. А как только на небе появлялись «белые облака» – сеяли рожь.

Первый день сева считался священным: в этот день нельзя ничего одалживать соседям, иначе «весь год придётся что-то отдавать, и хлеб уродится плохо». К севу обычно приступали в начале недели (но не в понедельник). Считалось, что зерно, посеянное в конце недели, будет плохо расти. Благоприятным днём называли четверг. Для идеального сева подходил пасмурный день с небольшим ветром. Чаще всего пахарем и сеятелем был мужчина – глава семьи. Первую пядь зерна запрещалось бросать человеку, который первый раз весной услышал крик кукушки натошак. Существовали ограничения и по внешнему виду: так, сеятель не должен стричь волосы и брить бороду с весеннего сева до осени, «чтобы урожай был обильней и гуще нива».

В день сева льна хозяйка дома обязательно варила яйцо и отдавала его сеяльщику – считалось, что это обеспечит хороший урожай данной культуры. Во время сева зерновых в поле брали хлебец с крестом, испечённый в Страстной четверг (хозяин разламывал его пополам: одну половину съедал сам, а другую скармливал лошади). Земля становилась пригодной для сева в «спелом» виде, то есть когда, взятая в горсть, она высыпалась между пальцами струёй, а не комками. Крестьяне считали, что хлеба лучше растут на глинистой почве, овощи – на песчаной, картофель же – на каменистой.

*Сев репы. 1920-е гг. Олонецкая губ.,
Лодейнопольский уезд. Вепсы.*

Ячмень, рожь, овёс сеяли вручную из решета или из балахона (сыпали зерно в полу балахона, а его край брали в зубы; затем горстями разбрасывали семена на полосы). Семена репы, льна предварительно смешивали с землёй (песком) и разбрасывали при помощи ложки; известен был вепсам и старинный способ сева репы – семена выдували изо рта. Чтобы всходы получились ровнее, на поле ставили вежи; обычно «вехарями» являлись дети. В бедных хозяйствах, где всегда был недостаток семян, сеяли «новыми» семенами (семенами прошлогоднего урожая), а в зажиточных – старыми, которые имели более высокую всхожесть и урожайность.

Для того чтобы сохранить урожай овса от птиц, на полях ставили пугала. Также крестьяне принимали меры и для сохранения посадок бобовых культур от любителей полакомиться ими в свежем виде. Обычно горох и бобы сеяли узкими полосами между зерновыми культурами таким образом, чтобы с края поля их не было видно. Озимые поля засевали рожью после Маковоя (14 августа). Севу предшествовала тщательная обработка земли. Поле вспахивали и оставляли на некоторое время. Как только вспаханное поле начинало «траветь», его бороновали, а спустя некоторое время вновь вспахивали сохой.

Одновременно с посадкой озимых шла уборка урожая. Жатва производилась серпами. Рожь и овёс связывались в снопы; из пяти снопов на полосе ставили бабку. Счёт урожая ржи вёлся следующим образом: сорок бабок ржи равнялось одному овину. Овёс считали суслонами; в суслоне десять снопов, в овине тридцать суслонов. Жать приходилось как в сухую, так и в сырую погоду.

Для сушки снопов, сжатых в дождь, из кольев и жердей делали специальные приспособления, зароды, напоминающие изгородь. Высота зародов достигала трёх сажень, а длина – пяти сажень. Сжатые снопы укладывали рядами между поперечными жердями, что обеспечивало хорошее проветривание и быструю сушку зерна. Для того чтобы лучше сохранить урожай ржи, делали специальный стог: по кругу втыкали длинные колья и укладывали снопы комлями наружу (зерном в середину). Такой стог покрывали соломой, а поверх неё укладывали ветки ели. Урожай овса укладывали в скирды. Уборку всех зерновых старались закончить до 28 августа – праздника Успения Божией Матери.

Сбор урожая, так же, как и сев, был окружён различными обрядовыми действиями.

Борола из стволов ели. Новгородская губ., Тихвинский уезд. Вепсы.

Когда последний сжатый сноп укладывали в «пожильную бабку», произносили слова: «Весь хлеб с полосы Ивана, Тимофея и т. д. пусть переходит ко мне». Затем бабку торжественно приносили в избу и ставили в большой угол под иконы, а потом всей семьёй вкушали обрядовую пищу – яичницу. Обрядовый сноп стоял в избе до Покрова. На Покров кто-либо из хозяев надевал утром шубу и рукавицы и шёл в хлев, где скармливал сноп скотине. Это делалось

для того, чтобы на следующий год «больше выросло хлеба и скот не испытывал недостатка в корме».

После того как зерно хорошо просохло, начинали его обмолот. В обмолоте принимали участие все взрослые члены семьи: вставали рано утром, когда было ещё темно, и шли на гумно. Гумно освещали при помощи огня: мелкие смолистые палочки укладывали в битый глиняный горшок с землёй и зажигали. Такой светильник горел долго и ясно. Работу обычно организовывали таким образом:

Соха из берёзы.

1920-е гг. Новгородская губ., Тихвинский уезд. Вепсы.

один человек развязывал и встряхивал снопы, а трое других молотили – били по колосьям цепами – специальными приспособлениями, состоящими из длинной рукояти и била (массивного бруска дерева). Било прикреплялось к рукояти при помощи вицы, верёвки либо кожаного ремешка. Обмолоченное зерно сметали в одну сторону, а солому – в другую. Заканчивали обмолот зерновых к ноябрю.

Огородничеством вепсы начали заниматься поздно. В начале XX в. морковь, свёкла, капуста ещё только появлялись на вепсских огородах, а огурец воспринимался как диковинка. Огороды были небольшие по площади, так как для выращивания овощей требовалось внесение в почву органического удобрения – навоза (из-за небольшого числа скота, содержавшегося крестьянами, имелось мало навоза). Располагались они недалеко от дома. Удобрение вывозили на поля зимой и складывали в кучи; после таяния снега кучи разбивали деревянными вилами и разбрасывали по всему полю. После этого производили вспашку сохой и боронили. Боронили обычно в «два-три зуба», то есть пропахивали огород по всей длине от двух до трёх раз. Если почва была комковатая, то крупные комки разбивали деревянными колотушками; обычно эта работа поручалась маленьким детям, неспособным к тяжёлому физическому труду.

После боронования огород огораживали прямой либо косой изгородью. Колья для изгороди старались делать из можжевельника (он дольше не гниёт), а жерди – из разных пород деревьев, но чаще из осины (осина легче колется пополам). Ставили изгороди в основном женщины. После огораживания на распаханном участке делали грядки; потом на них сажали картошку, лук, капусту, брюкву.

Способы посадки были специфические. Так, клубни картофеля укладывали в углубления, сделанные рукой; углубление не присыпали землёй, так как считалось, что посаженная таким образом картошка скорее всходит. Лук перед посадкой мочили в воде два дня, затем луковички укладывали в длинные канавки-углубления – и слегка вдавливали в землю. Рассада капусты и брюквы выращивалась в специальных деревянных рассадниках. Они представляли собой невысокий сруб, поставленный на столбы. На дно этих приспособлений укладывали навоз и засыпали его сверху землёй, а затем сеяли семена. На ночь рассад-

ники закрывали одеялами. Рассаду после высадки в огород поливали каждый день либо через день в течение недели, а потом специально не поливали, поскольку рассчитывали на дождь.

Уборку урожая овощей начинали после окончания жатвы. В первую очередь убирали лук и картофель. Лук сушили в избе на полу, а затем укладывали в мешки. Хранили лук на печи. Картофель копали при помощи специального орудия «кокш», напоминающего маленькую тяпку. Его делали из ветки дерева с частью ствола. Собранный картофель укладывали в большие корзины, сплетённые из сосновой лучины. Если погода стояла тёплая и сухая, то стелили солому, на которую рассыпали картофель для просушки. В дождь картофель сушили в избе. После просушки его сортировали; отбирали клубни на семена и на пропитание. Семенной картофель укладывали в картофельные ямы; оставшийся – в подполье. В последнюю очередь убирали корнеплоды: репу и брюкву, редьку. Считалось, если они попадут под первые морозы, то будут «крепче». Хранили эти овощи либо в специальных ямах, расположенных рядом с полями, либо в подклети, в земле.

Анна
ЛЕБЕДЕВА

Анна Витальевна Лебедева – кандидат искусствоведения, доцент кафедры регионоведения России Алтайского государственного университета, национальных и государственно-конфессиональных отношений, главный специалист отдела культурной политики Министерства культуры Алтайского края. Имеет ряд научных публикаций, где изучает влияние традиций на изобразительное искусство обских угров.

Святой день просьб на картинах художников Обского Севера

Обские угры – народы ханты и манси – люди, чья жизнь протекала в тесной связи с природным началом – обилием рек и озёр, тайгой, лесотундрой и болотистой местностью. Такое соседство обусловило развитие промыслового хозяйства: рыболовство и охота, оленеводство, в качестве сопутствующих – коневодство, собаководство, собирательство, а также земледелие на подходящих территориях.

Несмотря на сложности быта и жизнь в непростых климатических условиях, люди всегда находят место для радости – праздника.

Сегодня праздник стал довольно популярной и доступной формой общения. Современному человеку нелегко представить, что планировать в 18 – начале 20 века совместное событие для обских угров было не только сверхзначимой, но и сложной задачей. Природные условия, дальность расстояний между родственниками, подчас дефицит еды, трудности в поиске прикладов (вещей для обрядов, подарков для духов) сопровождали такую организацию. Кроме того, изначально в связи с массовой христианизацией, а позже с установками идеологии советской власти – это становилось даже опасным.

Исследователь мансийской праздничной обрядности С. А. Попова пишет: «Не случайно в традиционной культуре праздник обозначается как *ялпың хōтал* ‘святой день’ или *ялпың пōйксян хōтал* ‘святой день просьб’» [1, с. 5].

Важнейшим элементом праздника является событие, которое сопровождает система обрядово-ритуального комплекса. Обряды, связанные с рождением, свадьбой, смертью, называются семейными; сельскохозяйственные и другие обряды – календарными.

Праздники России отражают православные и языческие традиции, городскую и деревенскую культуры, исконные и пришлые течения сливаются в осознанной системе действий во время празднеств. Жизнь обско-угорских народов строилась по аграрному и религиозному принципу. Календарные периоды – это своеобразный временной ритм, который призван объединить внешние проявления мира с человеческой жизнедеятельностью. Кроме того, он является ритмической памятью человечества.

Ханты и манси пользовались самой древней календарной единицей времяисчисления – лунным и солнечным календа-

рями. Обряды проводили при растущей Луне, связывая это с продолжением жизненного цикла и привлечением в него удачи. Лунный календарь и ныне используется, сохранившись в качестве времяисчисления в религиозной сфере. Год делился на 13 месяцев и состоял из 2 полугодий – зима-лето, то есть холодное и тёплое время (такое же времяисчисление характерно для самодийцев, а также племени иранских кочевников Шахсенов). Количество дней составляло 28, в месяце – 4 недели. Названия месяцев отражают хозяйственную деятельность (производственные циклы, связанные с охотой, рыболовством, оленеводством) и изменения в природе. Единого календаря (как и единого языка) у хантов и манси не сложилось – у каждой группы свой. В описание календаря обских угров большой вклад внесли учёные А. В. Головнев, С. А. Попова, Е. А. Ромбандеева, З. П. Соколова, В. И. Сподина и другие исследователи.

Ценность традиционного праздника заключается в соединении прошлого и будущего в момент празднования. Праздничная энергия прошлого даёт импульс для смыслов будущего. Праздник отражает наиболее значимые этапы человеческой жизни, жизни социума.

Пласт изобразительного искусства конца 18 – 20 века народов ханты и манси, связанный с видами искусства, техниками, тематикой и особенностями творческого метода, наследия художников, подробно описан в диссертационном исследовании и монографии автора [1, с. 5].

С образом птицы в календаре обских угров связано пробуждение природы от зимы – поворот на весенне-летний цикл хозяйствования – это Вороний день, Праздник трясогузки, Праздник прилёта лебедя, а также завершения подготовительных к зиме работ – Праздник отлёта лебедя.

В мифах ханты и манси серая ворона предстаёт и вещей, и мудрой. С её прилётом наступает запрет на рассказывание сказок, поскольку для взрослых наступает время активного труда и добычи пищи.

Точной даты проведения праздника и обряда не было, их совершали по прилёту ворон, позже установили связь с православным праздником Благовещения 7 апреля. Основными участниками являлись женщины и дети. Мужчины в обряде не участвовали. Кроме того, праздник связывают с наступлением весеннего равноденствия, прекращением зимней охоты, переездом из зимних поселений в весенние.

В детских художественных школах и студиях обращение к Вороньему дню наиболее частое в связи с возможностью личного участия и широким информационным полем о празднике.

В художественной среде обских угров конкретного обращения к Вороньему дню мы не встречаем. Тем не менее, современные работы живущих в Югре художников с изображениями танцующих людей и птиц вполне могут быть откликом именно с этого праздника, где организаторы ставят акцент на национальную составляющую и самобытность.

Праздник трясогузки уже можно было бы назвать забытым, если бы не хранители знаний и традиций, реанимирующие их в современной жизни через работу музеев, библиотек, архивов и других учреждений. Сказку, посвящённую Трясогузке – Вурщик хатл, записала известная в Югре мансийская сказительница Анна Митрофановна Конькова.

Именно трясогузку называют в северных краях вестником Красной Весны и Большого Света (белых ночей) – лета. Она прилетает с зимовки, когда только малые реки у берегов освобождаются ото льда. Своим появлением трясогузка словно подчёркивает – зима уже не вернётся!

Лебедь считается у обских угров священной птицей. Весной и осенью, к прилёту и отлёту этих птиц, приурочивали особый ритуал.

Любовь Горячевских. «**Лебеди**».

Подробно его описывает специалист по среднеобским хантам Любовь Кашлатова: «Готовились заранее к этому дню, покупали ткани, припасали лучшую еду. Как только увидят караван лебедей в небе, начинают проводить обряд. В намеченный день женщины с утра принимаются готовить горячую еду. Собирались всей деревней в доме, где был священный сундук». Проводилось окуривание помещения, в котором

собирались люди, произносилась молитва, упоминающая всех окрестных духов и приглашающая их прикоснуться к столу и еде, вместе с людьми порадоваться «прилёту» богини Калтась-Ими, олицетворяемой лебедем. И, выждав некоторое время, для того чтобы духи прикоснулись к еде, приступали к трапезе сами. Далее мужчины с едой и с жертвенным животным уходили на священное место в лес. В это время женщины ставили еду перед священным местом в доме три раза: первый раз – когда мужчины собираются в лес на святое место; второй раз – когда услышат выкрики мужчин из лесу; третий – после их возвращения» [3, с. 82].

Изображение лебедя мы встречаем у художников **Артёма Гришкина** и **Вадима Савинова**, **Любови Горячевских**, **Эдуарда Мариньянина** и других.

Праздники, связанные с животным миром, обусловлены добычей зверя, но охота могла быть начата, чтобы подчеркнуть необходимый ритуал или обряд. Так, известны праздники Лося, Медвежьи пляски. В исследованиях встречаются упоминания праздников, посвящённых росомaxe, лошади и рыси, но их содержание не раскрывается, что даёт дополнительную мотивацию для поисков.

Образ лося присутствует в мифах, фольклоре, народных приметах. Везде лось – символ благополучия, изобилия, здоровья, предвестник удачи. Один из самых известных мифов – это история о происхождении лося, где охотник гонится за зверем по небу на лыжах, догоняет и отрубает две из шести ног. Он встречается в хантской и мансийской сказке и связан не только с рождением лося современного вида, но и с рождением такого промысла, как охота, а также с мотивом о происхождении созвездий. По созвездию лося (так раньше называли созвездие Большой Медведицы) обские угры могут определять погоду, её характер в течение

Артём Гришкин. «**Самострел на лося**».

ние каждого сезона, что очень важно в охотничьем и рыболовном промысле (движение созвездия быстрее обычного предвещало раннюю многоводную весну с богатым промыслом рыбы).

На лосиных тропах устраивали ловушки: настораживали самострелы, устанавливали петли. Один из таких способов представляет в своей картине на дереве **Артём Гришкин** (1931–1995), уроженец деревни Тугияны Белоярского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Конкретна и лаконична изображённая им сцена охоты на лося. Буквально шаг отделяет зверя от мгновения, когда стрела, нацеленная прямо на него, сорвётся с тетивы лука. При кажущейся простоте изображения рельефа в нём скрыты многолетний опыт общения с природой и чутьё охотника, желающего поделиться знанием через изобразительную поверхность со следующими поколениями.

Делили добычу по числу охотников. Предварительно договаривались о том, кому какая часть туши лося достанется. Тот, кто получал голову, устраивал специальный праздник. Васюганские ханты рассматривали отслеживание и преследование животного как игру наподобие шахмат – топис.

В традиционном и изобразительном искусстве лось присутствует в таких видах, как тамга, орнамент, скульптура, графика и живопись.

Без преувеличения можно сказать, что Медвежий праздник или Медвежьи пляски – самый яркий в культуре народов Сибири. Он складывался на основе культуры таёжных рыбаков, охотников и степных пришельцев кочевников-коневодов. Существование медвежьего праздника встречается в описаниях исследователей у древних карелов, финнов и саамов, ненцев, айнов, алтайцев, кетов, тувинцев, эвенков, эвенов, якутов, юкагиров и других народов.

Наибольшее количество картин профессиональных и самодеятельных авторов посвящено именно ему. По созданным работам можно проследить весь цикл от подготовки охотников и прихода к берлогу до торжественной части с обрядовым комплексом и насыщением празднующих.

Через изобразительное искусство этапы «цикла медвежьей истории» представили **Артём Гришкин** и краевед-исследователь, художник **Пётр Бахлыков** (1932–1999).

По пути реалистического изображения шёл **Митрофан Тебетев** (1924–2011), названный искусствоведами Александром Валовым первым живописцем народа ханты. Главной темой его творчества стала жизнь среднеобских хантов. Яркими иллюстрациями обращения к национальной теме являются его работы, связанные с праздничной культурой. Картина «Хантыйский праздник» (1975) создана в то время, когда о древнем празднике не

Митрофан Тебетев. «Хантыйский праздник».

принято было вспоминать и говорить. Позже она экспонировалась в Англии, теперь хранится в Государственном историческом музее. Все персонажи на картине узнаваемы – это

односельчане и известные хранители традиций люди. Несмотря на отсутствие медвежьей головы в картине, всё равно легко догадаться о поводе для праздника. Сам Митрофан Алексеевич дважды был на Медвежьем празднике.

Собственные стилистические поиски и находки художника Геннадия Райшева (1934–2020) позволили ему выйти на индивидуальную ступень художественного видения. Будучи уроженцем деревни Сивохребт Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, он рос и воспитывался в среде русской и хантыйской культуры. В своём творчестве реальный мир Геннадий Райшев переводит в знаково-символическую систему. При помощи ритма и цвета (если речь идёт о цветной линогравюре и живописи) мир двигается в согласии с замыслом художника и природы.

К теме праздника Геннадий Райшев обращается в графических работах «Медвежье игрище» (1968) и «Медвежий праздник» (1976).

Известны яркие полотна с темой медвежьего праздника Геннадия Тимофеева, **Хавия Тузмухаметова**, Оскара Шруба, Николая Иванова, Надежды Талигиной. Среди молодых авторов отметим графические работы Лилии Пустоваловой.

Языческие верования были укорены в таких празднично-обрядовых комплексах, как праздник «Нарождение луны» (угощения луны) и праздник водяного царя или водяного духа.

Есть версия, что праздник «Нарождение луны» («Тылыщ поры») символизирует начало нового года у народов ханты и манси.

Праздник-обряд уходит своими корнями в древние времена. Предки народов ханты и манси проводили данный праздник три месяца подряд: в январе, феврале и марте – на растущую луну. Готовились к нему заранее: специально изготавливали «снежный стол», из теста пекли фигурки животных (оленя, зайца, лося). В назначенный вечер

Хавий Тузмухаметов. «Праздник обласа».

парни и девушки совершали обход домов и собирали продукты, требующиеся для проведения обряда. В начале участники праздника проводили «извинительные акты» перед природой за промысел зверей и птиц – обряд угощения Луны/Месяца. После этого совершался обряд очищения: присутствующие с шутками и смехом кидали друг в друга снегом, как бы призывая природу проснуться и радоваться жизни. Считается, что праздник способствует возрождению, размножению всего живого в природе. Поэтому к божествам обращались с просьбами, чтобы рыба и звери размножались, а для детей просили здоровья и благополучия. Проведение обряда вселяло уверенность, что небесные светила обязательно обратят внимание на просьбы людей. Затем все собирались за праздничным столом, играли и соревновались, рассказывали сказки и мифы.

Сегодня в этом празднике, ставшем массовым, можно поучаствовать в этнографическом музее под открытым небом «Торум Маа» г. Ханты-Мансийска, в историко-культурном центре «Старый Сургут».

В честь водной стихии и её покровителей проводились специальные обрядовые действия. Необходимо отметить, что у обских угров все воды почитались как священные, где строго соблюдались определённые правила. Праздник носил название водяного царя Вит-хона (манс.) или Вит-куль (хант.). Дух мог принимать облик обитателей воды и бытовал повсеместно.

Позже праздник в честь Водного духа совместили с православным праздником – Петровым днём. В этот день, приходившийся на период наиболее интенсивного летнего промысла рыбы, совершали жертвоприношение духу-хозяину воды. В обычные дни при следовании мимо священного места по воде опускали в воду монеты, кусочек ткани, лили спиртное.

В изобразительном искусстве обских угров тема водного пространства стоит отдельно. Представители Обского Севера обращаются к ней регулярно. Встретить образ Водного царя в их картинах довольно сложно. Исключение составляет работа финно-угорского художника из Удмуртии в технике компьютерной графики Владимира Наговицина, колористически точно передающая водно-болотное пространство Югорской земли. Окружной Дом народного творчества Ханты-Мансийского автономного округа – Югры проводит конкурс рисунков «Живущие по солнцу», где среди работ встречаются обращения к водному празднику, как, например, графический рисунок Давыдовой Светланы.

В послереволюционной России праздничный календарь был перекроен. Страна встретила с жёстким ограничением ранее многообразного праздничного календаря царской России, заменой, подчас насильственным путём, традиций и установлением единообразия. Желание нового, без опоры на ранее существующее, в 1917 году породило новый вид – советский массовый праздник. Прочно вошли в календарь и стали традицией такие праздники, как 1 января – Новый год, 8 марта – Международный женский день, 1 Мая и другие. Сюжеты праздников в изобразительном искусстве кочевали по территории страны с поправкой на географическую и национальную составляющую. После прихода советской власти на Обский Север носители древней культуры ещё больше закрылись для общения на тему языческих верований.

Ярким представителем темы советского праздника выступает уже упомянутый нами художник **Митрофан Тебетев**. В Музее Природы и Человека и Берёзовском музее хранятся работы: «Первое мая в Москве» (1942); «Субботник на стройке» (1970); «Праздник великого Октября» (1979); «9 мая»

и «Аллея героев» (1974–1975). Тебетев – художник-фронтовик, проживавший вместе со страной многие этапы её истории.

За годы советской власти сложился особый цикл профессиональных праздников, посвящённых наиболее массовым, общественно значимым профессиям и промыслам хозяйства. Обряд «День Водного духа – Петров день» стал праздником – День рыбака. На празднике чествовали передовиков социалистических соревнова-

Митрофан Тебетев. «Аллея героев».

ний, в их честь поднимали флаг, дарили подарки. Ко дню рыбака идеологически приближен праздник День обласа. Своими корнями он уходит во времена, когда мужчины народов ханты и манси открывали соревнованиями новый сезон рыбной ловли, выявляя самых сильных и ловких людей своего поселения. В наше время соревнования проводятся ежегодно в летний период и представляют собой гонки на обласах – одиночные, парные старты и эстафету. Участие принимают мужчины и женщины, как представители коренных народов, так и все желающие.

Художник и музыкант из п. Ванзеват Белоярского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры **Герасим Дыбин** (1954–2018) вспоминает, что раньше рыболовство считалось престижным, ловилось много хорошей рыбы, выплачивалась стабильная заработная плата. Все промысловики, выполнявшие или перевыполнявшие государственные планы по рыбодобыче, постоянно получали высокие денежные премии, а наиболее отличившихся награждали правительственными наградами.

Герасим Дыбин, картина с луной.

Для информирования населения о событии местные художники рисовали информационные плакаты и вывешивали их на доску объявлений местных клубов, домов культуры.

Сегодня сохранена традиция, и с февраля по апрель в Югре проходит День оленевода. Именно в это время огромные стада оленей начинают движение с юга на север к новым пастбищам. Первая олимпиада в «День оленевода» состоялась в Казыме в 1936 году при участии 120 человек. Проводили соревнования по национальным видам спорта. В программе праздника были конференция женщин, выставка изделий мастеров народного творчества и главное событие – концерт национальной художественной самодеятельности. После Великой Отечественной войны в 1970-е годы праздник возродили.

К вышеназванным российским праздникам в 1990-х добавились День родственных финно-угорских народов, Международный день коренных народов мира, День поиска северного оленя. Но эти праздники ещё не нашли отражение в изобразительном искусстве художников Обского Севера, как и православные праздники, которые отмечаются коренными народами. Также существуют празднично-обрядовые события, записанные этнографами, но не имеющие визуального подтверждения ни в каких видах искусства.

Примечательно, что национальные обычаи и обряды, связанные с темой жизненного цикла (рождение, свадьба, похороны), практически не зафиксированы художниками. Исключение представляет цикл работ художника Надежды Талигиной, которая обращается к вышеназванным темам.

Самобытный художник Вадим Савинов (1940–2022) родился в п. Малый Атлым Октябрьского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в семье рыбака ханты и в первую очередь состоялся как врач-хирург, но живопись стала необходимой составляющей его жизни. Основная тема работ художника – родная природа и портреты близких. Отдельно в творческом наследии Савинова стоит многофигурная карти-

на «Встреча поколений» (ранее опубликована под названием «Встреча родов»). Она была создана после участия в празднике Вороньего дня. Все лица узнаваемы: это местные оленеводы, корреспонденты, заслуженный деятель культуры Югры, хантыйская сказительница Мария Волдина и другие. В лучших традициях классической живописи художник поместил в картину автопортрет.

В современном мире молодые самостоятельные художники редко обращаются к теме праздника. Работа в этом направлении ведётся Окружным Домом народного творчества Югры через проект «Человек рисующий», включающий систему выставочной деятельности и конкурсов, работу с реестром художников.

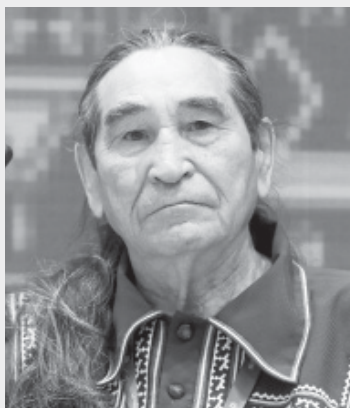
Праздничный календарь является одним из наиболее ярких составляющих культуры: он представляет собой сложное явление, связывающее области быденного и сакрального, отражает своеобразное мировоззрение народов. Его фиксация через изобразительное искусство, особенно художниками из числа обских угров или долго проживающими на территории Обского Севера – ценный материал для исследователей и зрелищный для зрителей.

Сегодня мы наблюдаем тенденцию интеграции национальных праздников коренных жителей Югры в общий праздничный календарь народов России и мира. Вороний день, Талыщ поры, Дни рыбака, обласа и оленевода носят массовый характер и включают в себя региональный компонент традиционной культуры угорских народов.

Литература:

1. Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды / С. А. Попова. – Томск: изд-во Том. ун-та, 2008. – 138 с.
2. Лебедева А. В. Изобразительное искусство обских угров: диссертация... кандидата искусствоведения: 17.00.04 / Лебедева Анна Витальевна; [Место защиты: Алт. гос. ун-т]. – Барнаул, 2011. – 266 с.: ил. Лебедева А. В. Изобразительное искусство обских угров. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2013. – 162 с., ил. цв.
3. Кашлатова Л. В. Обряды «Проводы лебедя» и «Встреча лебедя» среднеобскими хантами в д. Калтысьяны Октябрьского района ХМАО – Югры / Л. В. Кашлатова // Сибирские угры в ожерелье субарктических культур: общее и неповторимое: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Я. А. Яковлев. Вып. 2. – Ханты-Мансийск; Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. – С. 81-87.

Тимофей
МОЛДАНОВ

Тимофей Алексеевич Молданов – этнограф, кандидат исторических наук, руководитель Окружной Школы Медвежьих игрищ Дома народного творчества Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Автор более 100 научных публикаций: из них 8 монографий, 12 фольклорных сборников, научно-популярных фильмов. Его фильм «О чём поведал медведь на Югане» (1995) получил диплом на V Международном фестивале телепрограмм и телефильмов «Финно-угорский мир». Награждён золотой медалью Лиги малочисленных народов мира за сохранение культуры малочисленных народов Севера (2002), грамотой Министерства культуры Российской Федерации (2020).

Современное состояние хантыйских медвежьих игрищ

Культ медведя – широкое понятие, включающее в себя представления о медведе, обряды, связанные и с охотой на него, и с поеданием его мяса, и с хранением его костей; тогда как медвежий праздник – более узкое понятие и охватывает лишь те обряды, которые относятся к поеданию медвежьего мяса, а именно извинительные и умиловительные. В число последних входит и развлечение медведя – песни, танцы, игры, пантомимы, состязания и пр. Эти обряды развиты далеко не у всех народов, и не все народы имеют такой медвежий праздник, какой известен, например, обским уграм, о котором А. Алквист писал: «Неподражаемая область народной поэзии, которая едва ли встречается у народов современности».

Медвежий праздник – существенная часть более широкого понятия «культ медведя», который в древности имел распространение у многих народов таёжной зоны Евразии и Америки. Культу медведя и медвежьему празднику посвящено значительное количество исследований. Наиболее полный анализ литературы представлен в работах З. П. Соколовой [2002, 2009]. Этим автором к медвежьему празднику причислен цикл обрядовых действий, относящихся к извинительным и умиловительным церемониям, включающим в себя развлечение медведя [Соколова, 2002, с. 41]. По мнению исследователей, медвежий праздник обских угров (хантов и манси) – достаточно сложный комплекс обрядовых действий, песнопений, связанных с поклонением духам-покровителям и т. д., проводимых по определённому сценарию в течение нескольких дней [Соколова, 2002; Молданов, 2002; и мн. др.].

Медвежий праздник – условное название, в переводе с языков народов ханты и манси дословно это «пляски», или «игра» (манс. яних йикв – главные пляски, пупих йикв – пляски духов; хант. вой як – звериный танец, лэнгх як – танцы духов; нивх. чхыф леранд – медвежья игра). Т. Молданов предлагает термин «игрища» (обрядовая игра). Медвежьи игрища – синкретичное действо, объединяющее различные виды традиционного искусства: поэзию, танец, музыку, драматическое искусство (народный театр). Исторически игрища возводятся к ритуальной пляске.

В данной работе анализируется тенденция, насколько сохранился текстовый материал сенок, песен, песнопений, если сравнивать 1991 и 2015 год.

Материал взят из анализа медвежьих игрищ, прошедших в 1991 году в д. Юильск Белоярского района и в 2015 году в

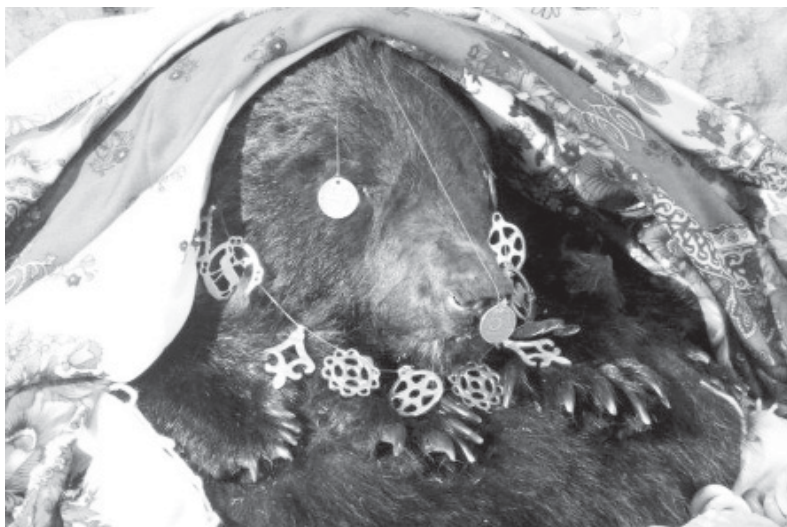

Фото Т. А. Молданова, с. Казым, 2015 год.

с. Казым Белоярского района ХМАО-Югра.

После разделки туши зверя проводят ритуал, называемый вой тотты пӑнт (букв. вой – зверь, тотты – нести, пӑнт – путь), который в настоящее время доступен из-за того, что появился более скоростной транспорт – снегоход. Добытого медведя везут в стойбище или в посёлок через все священные близлежащие места. На каждом из них охотники останавливаются для приношения пищи в качестве дара ду-

хам. Кроме того, охотники делают остановки на озёрах, речках, особо выделяющихся лесах и болотах, встречающихся на их пути. Остановившись, семь раз подряд выкрикивают название данного места. Считается, что таким образом они знакомят медведя с примечательными местами. Подойдя к поселению, вскрикивают четыре или пять раз, в зависимости от пола добытого медведя.

Этим оповещают жителей о приходе к ним лесного гостя. Те, в свою очередь, должны встретить его чашей с дымящейся чагой, чтобы окурить охотников и зверя. Затем все брызгают друг на друга водой или бросают снегом (обряд очищения). В селении сначала медвежью голову устанавливают за священным углом дома «хот шӑншан» (за спиной дома). Начинается обряд гадания. Он происходит следующим образом. Под голову медведя кладутся ритуальные стрелы или нож – сакральные предметы, изготовленные из железа. Затем присутствующие поочерёдно подходят к медведю, поднимают его голову. Если он при поднятии «становится» тяжёлым «ил хӑнс» дословно – ‘прилипает’, то это означает, что медведь согласен разговаривать с данным человеком. У медведя спрашивают, какой лесной дух пришёл в образе медведя, согласен ли он, чтобы проводились игрища, желает ли он быть домашним духом, какое жертвенное животное ему необходимо, иногда и порядок проведения праздника, т. е. сценарий. И у восточных начало также.

Если медведь соглашается на проведение праздника, то хозяева стойбища определяются с датой проведения игрищ. О празднике оповещают всех, кто живёт поблизости. В настоящее время исполнителей привозят организаторы на вертолётах и с других районов округа.

До начала медвежьих игрищ из прикладов духов-покровителей вынимаются ритуальные халаты, рукавицы, шапки, из специальных мест хранения достают маски, посохи, ритуальные стрелы и другую необходимую атрибутику. В. Н. Чернецов писал, что «вытаскивались ритуальная одежда, принадлежащая всему племени» (2001, с. 7). По хантыйским традициям, каждая семья должна иметь в прикладе минимум три-четыре халата, частое явление имеют по 21 и более халатов и другой пожертвованной одежды для покровителей. При необходимости изготавливается недостающая атрибутика.

С момента добычи и до последнего дня игрищ, каждое утро перед головой зверя исполняется утренняя песня медведя. При этом с головы медведицы откидывается платок, если медведь, то шапка, которой обычно закрывают на ночь. Если медведь или медведица, то перед ними постоянно должна стоять чаша с дымящей чагой.

Каждый вечер поётся медведю песня «ил водтаты ар» – или вечерняя песня. После «пробуждения» животного начинают исполнять «медвежьи песни». Их обычно поют по три, пять или семь человек, взявшись за мизинцы и в такт пению поднимая и опуская руки. Таким образом, кланяются медведю. Этими песнями начинают каждый новый день праздника. У восточных у головы медведя прикрепляют молодой кедр. К кедру привязывают цепочку металлическую, на ней колокольчик и так поют утреннюю и вечерние песни. У северных у головы медведя сидит человек и поёт утреннюю или вечернюю песни.

Жертвоприношение.

Фото Т. А. Молдановой, 1998 год.

По народной терминологии жертвоприношение – угощение для медведя, вошедшего в дом человека. «Пори» – ‘угощение’ для медведя – «гостя» и для гостей и родственников, приехавших его почитать.

Медвежьи песни подразделяются на зимние, весенние, летние, осенние. При этом в каждый отдельно взятый день медвежьего праздника исполняются песни конкретного времени года. В первый день начинают петь о том времени года, в котором происходят игрища. Таким образом, воспроизводится цикличность времён года. Образец данного подхода заложен в наиболее священной песне, в мифе о происхождении медведя и медвежьего праздника (Полэ м Төрэ м ар), являющейся моделью, эталоном

«Вой ар» ‘Медвежьи’ песни.

Фото Т. А. Молданова, 2014 год.

проведения игрищ. По содержанию и сюжетам медвежьих песни делятся на следующие группы, и соблюдается следующая последовательность их исполнения:

1) Миф о спуске медведя с неба и его грехопадение.

2) Песнопения рек и локальных групп.

3) Песнопения о наказании человека медведем или о наказании медведя человеком.

4) Песнопения направления душ медведя на небо, на святые места, на угол дома духом-покровителем. Песен направления душ на святые места у восточных хантов нет.

Это сценки и песни (приходящих) на праздник персонажей. В данной части также соблюдается принцип времён года. Кроме того, фиксируется следующий порядок исполнения:

1) Песни и сценки, отражающие взаимоотношения человек – медведь.

2) Песни и сценки, отражающие отношения человек – человек; человек – природа.

3) Песни и сценки, отражающие современное состояние общества.

4) Отношения между зятем и тещей, отношения зятя и тестя.

Юмористическая часть отделяется от следующей части специальным блоком сценок, мною называемым подготовительным блоком. Затем начинается часть миш ар, где представляются духи-покровители локальных территорий, сопков, лесов, поселений. Принцип представления может быть разным от ближнего духа к дальнему духу и наоборот.

А сама юмористическая часть делится на блоки:

1. Знакомство с медведем. Здесь представляют старшего и младшего брата, где старший брат показывает на голове медведя, как называются на потайном языке части тела: голова, уши, глаза, шея, зубы и т. д. У хантов все части тела называются специальными тер-

«Лунгалтун» 'Приходящие' или юмористическая часть. Фото Т. А. Молдановой.

Фото М. А. Клешина.

минами, например: глаза – это звёзды, уши – обгорелые пеньки.

2. Отношения между зятем и тещей, отношения невестки и свёкра, невестки и свекрови, и они должны друг друга называть в третьем лице.

3. Мёнк арат – песни менков. В этой части представляются неперсонифицированные божества, обитатели рек и лесов, охранители святых мест, блюстители морали и норм поведения в природе. И в данной же части имитация обряда щарт (обряд камлания).

Выставление жертвенных фигурок, заменителей жертвенных животных.

4. Миш арат – песни божеств рек, озёр, поселений.

Предназначение божеств миш – наделение удачей охотников и в то же время наказание за неисполнение предписанных правил этикета охотника.

5. Поякты арат – песни-молитвы или песнопения-молитвы. Это священная часть праздника. Представляются божества высшего ранга.

Ис тотты воят – души уносящие звери. Медвежий праздник заканчивается приходом зверей и птиц, которые уносят души медведя. У восточных нет этих персонажей.

Йёманг ар – священная песня, при исполнении которой не допускаются представители других социальных групп, а в последнее время и представители других народов. У восточных, видимо, не сохранилось.

Пэсы – траур.

После проведения игрищ начинается траур, длящийся в зависимости от пола медведя четыре или пять дней. Во время траура нельзя петь, веселиться, ругаться между собой, вещи и продукты в доме продолжают называть на «медвежьем языке».

В практике проведения медвежьих игрищ по-прежнему очень развитыми остаются медиальные жанры (отделение различных блоков специальными переходными сценками и песнями). Много исполняются оставленные песни, песни предназначения, песни о направлении душ на небо, на святые места, о становлении медведя духом-покровителем рода, семьи. В этом и состоит главное назначение игрищ – направление душ на небо для реинкарнации, направление душ на святые места, становление медведя покровителем семьи, дома, рода, селения. При этом важно отметить, что охотник сам становится в роли творца, творит новое божество, покровителя дома, семьи, рода, селения.

Следует обратить внимание и на упомянутые выше «новации», связанные с актуальными реалиями повседневной жизни, на появление новых юмористических сюжетов, отражающих современный быт.

Отрадно отметить, что сегодня звучат и разыгрываются те же песни и сценки, что зафиксированы исследователями конца 19 и начала 20 века. При этом сегодняшний репертуар шире, нежели репертуар 1988 года. Это связано в первую очередь с тем, что создана «Школа медвежьих игрищ» при Окружном Доме народного творчества ХМАО-Югры, ведётся оцифровка собранного здесь за 60 лет работы фольклорного материала.

Одновременно и Обско-угорский институт издаёт тексты песен, в том числе из публикаций зарубежных исследователей XIX века.

Использованная литература:

1. Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки. Перевод и публикация д-ра наук Н. В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – 117 с.
2. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Т. 3. Перевод и публикация д-ра наук Н. В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – 264 с.
3. Молданов Т. А. Традиции проведения медвежьих игрищ казымских хантов // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: Материалы к конф. СПб, 1993. Ч. 3. С. 86-88.
4. Молданов Т. А. Современные медвежьи игрища северных хантов // Congress Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Jyväskylä 10-15.8.95. Pars VI, Jyväskylä, 1996. S. 266.
5. Чернецов В. Н. Медвежий праздник у обских угров / Пер. с нем. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 48 с. (Tschernetzow V.N. Bärenfest bei den Ob-ugriern // Acta Ethnographica. 1974. Т. 23 (2-4). S. 285-319.)
6. Соколова З. П. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 41-62.
7. Соколова З. П. Культ медведя и медвежий праздник // Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI века. М.: Наука, 2009. С. 537-570.

Алексей
КОНККА

Алексей Петрович Конкка, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, этнограф, автор 6 монографий, в том числе коллективных, и 110 статей. Занимался изучением карсикко (деревьев-знаков) в Норвегии, Финляндии и на Севере Европейской части России, а также календарной обрядности карел и населения сопредельных территорий. Данная статья – часть его новой монографии по дендромифологии Северо-Запада.

Жертвенные деревья Западной Карелии и ближнего зарубежья

(по материалам конца XIX века)

Обычно, когда заходит речь о священных рощах и почитаемых деревьях, говорят о сибирских, марийских или удмуртских рощах, иногда вспоминают средневековых авторов, упоминавших о почитаемых рощах германских народов. Тем не менее, подобные рощи и отдельные деревья относительно недавно ещё стояли в западных приграничных районах Российской империи – в Финляндии, Карелии, Эстонии, Латвии. Более того, некоторые из этих деревьев стоят и поныне.

В данной статье речь пойдёт о карельско-финском пограничье – территории вдоль старой российско-финской границы в Приладожье, а также более северных областях, то есть по большей части об историческом регионе сложения карельского этноса. Пограничье здесь понимается в широком смысле: представлен преимущественно финноязычный материал из пограничных приходов, как на финской, так и российской стороне, которые ранее могли быть довольно большими.

К тому же следует заметить, что на южном отрезке государственной границы, в районе Приладожья, при наличии госграницы, этнической границы, а во многих местах и конфессиональной (по обе стороны границы проживали православные карелы) не существовало. В более северной части (мы не берём Лапландию) на финской стороне проживали в основном саволаксы – родственное карелам племя (на территории которого в своё время были отмечены даже православные монастыри), у которых, возможно, в силу отдалённости от центров, ещё в XIX веке сохранялось много архаики, в том числе касающейся нашей нынешней темы.

Почитаемые деревья и деревья, которым приносят жертвы, известны с глубокой древности у разных народов. Древнейшие «святые места» выглядели как ландшафт из камней, воды (т. е. источника, ручья или берега водоёма) и деревьев. Священное место у многих народов, воспроизводя частичку естественного окружения, являлось своего рода микрокосмом.

Со времён Средневековья на берегах Финского залива у финнов и эстонцев были известны жертвенные рощи «хииси». Это были находившиеся на возвышениях поросшие лесом огороженные участки земли, в которых происходили общественные жертвоприношения. Исследователи придерживаются того мнения, что «хииси» были центрами поселенческих комплексов, в которые входили укрепления, земледельческие площади, собственно поселения и кладбища. Этимологически данное слово, вероятно, связано с древнегерманским *Hizi* (Хици) в значении «потусторонний мир» (<http://fi.wikipedia.org/wiki/Hiisi>). Известный финский этнолог Уно Холмберг-Харва допускал мысль, что единичные почитаемые деревья у домов, сохранившиеся вплоть до XX века, – суть остатки древних рощ наподобие Хииси.

Почитаемая сосна в Муурла в юго-западной Финляндии (2014 г.)

Как сообщали некоторые путешественники, в каждом доме в карельских деревнях на границе России и Финляндии ещё во второй половине XIX века имелись жертвенные ели, от состояния которых зависели благосостояние, здоровье и сама жизнь членов семьи и рода [5, 71; 3, 47]. В этих местах большинство домов в поселениях стояли разрозненно и участки были большими. Деревья при этом не обязательно стояли у самого дома, а могли находиться у риги или бани, или в отдалении на родовых землях – на межах и сенокосах. Этим деревьям следовало жертвовать (относить к корням) частицу всего, что появлялось в доме съестного, а также потчевать «духа-хозяина дерева» в большие праздники угощением с праздничного стола. О домашних жертвенных елях рассказывали в дер. Кудамогуба Поросозерской волости Олонецкой Карелии так: «Могли вырастить ель, вырастить ель во дворе (*pihakuusi*). Корни её поливали водой, лили на корни мясную или рыбную похлёбку и другую еду приносили» (SKS, Helmi Helminen, 1488, Porajarven Jankajarvi / Янгозеро, Кудамогуба Поросозерской волости, 1943).

Почитаемые деревья были строго табуированы: верили, что нанесение им вреда не может обойтись без тяжёлых последствий для нарушителя векового запрета, а «преступление против дерева воспринималось как преступление против рода», пишет академик Мартти Хаавио [3, 55 и др.]. Если же по каким-то причинам временно не производились обусловленные традицией приношения дереву, то тогда приходилось уже приносить в жертву целое домашнее животное: относительно Палтамо (пограничная провинция Кайнуу) в архивных материалах Х. Мерияйнена имеется запись о том, что «лес спрячет» (*metsä peittää*) скотину, если хозяйка перестанет приносить к почитаемому приусадебному дереву несколько капель молока от каждой утренней дойки. Если «хозяина земли» или «хозяина леса» таким образом рассердить, то он не успокоится без специальной жерт-

вы... Тогда надо дать обещание принести в жертву какое-нибудь животное со двора на день старого Миккели (29 сентября, соответствует Покрову), кровь жертвы выпустить под корни дерева, а внутренности закопать под деревом в земле. И обещание это следует в точности исполнить, иначе двор ждёт полное разорение [5, 72-73]. Таким образом, речь здесь идёт, собственно, о заветном (обетном) дереве. Деревья под названием заветных известны на территории всего российского Севера. Правда, в России они, как правило, почитались всей общиной.

Уно Холмберг (Харва) замечает, что имеются данные также о периодических осенних календарных жертвоприношениях деревьям, и приводит несколько примеров из Саво и финской Карелии о жертвоприношениях баранов и овец родовому дереву. Упоминает он и сведения из российской Беломорской Карелии, напр., из волости Тихтозеро о «вечном обете», когда при строительстве дома даётся обещание на Покров ежегодно приносить в жертву домовому овцу, которую варили и съедали целиком с приглашёнными гостями. Кровь, внутренности, кости и остатки еды относили в тот же вечер после трапезы на жертвенное место дома, под родовое дерево. Известно также, что у дома могли в качестве жертвенной рощи оставить нетронутыми несколько деревьев, при этом давали обет никогда не трогать их под страхом смерти [4, 307]. «В доме Пеннанен (на юге финской Северной Карелии в Китее) Юрьев день считался праздником. Тогда нельзя было в доме греметь и говорить громко. Большую ель на меже поля у дороги тогда почитали и одаривали. К корням ели относили еду: пироги, масло, молоко, яйца и мясо. Если животное умирало посреди лета, то объясняли это тем, что Юрьев день отпраздновали не так, как положено» (11, 186).

Интересно, что родовое дерево могло быть «представителем» духа местности, которого следовало информировать об изменениях в количестве постоянных жильцов дома. «Когда батрак или батрачка (в дер. Кимасозеро Беломорской Карелии) нанимаются в дом на работу, то остатки от первой трапезы (от каждого блюда) надо было отнести к корням жертвенного дерева, а также настругать серебра от трёх монет трёх королей (монеты разного времени или трёх разных государств – А. К.)... то тогда дух земли («хозяин земли») будет знать, что это «свои» домочадцы и у них не будет тоски по прежнему месту обитания» [SKVR I, 4, 1981, Кимасозеро].

О домашних жертвенных деревьях имеются также записи с севера Олонецкой Карелии: когда в Муезере Ребольской волости отправлялись сеять, то из приготовленного для сева зерна мололи муку для каши и на завтрак варили так наз. «кашу сева» (kylvöruuro). Когда кашу попробовала вся семья, остатки её относили к корням почитаемого (родового, жертвенного) дерева для Пеллервойнена (мифологический персонаж, засеявший в начале времён землю растительностью) и хозяев земли с заговором, в котором обращались к «хозяйке земли» с просьбой дать засеянной земле силу [SKMT III, 227].

Известны также случаи, когда приусадебные почитаемые деревья превращались в общественные: в Липери (провинция Северная Карелия) были зафиксированы общественные обряды жертвоприношений, когда жители всего поселения собирались у одного из таких деревьев. Таким же деревом была и Покровская ель в карельском приходе Суйстамо: в д. Пюёритта Суйстамского прихода Приладожской Карелии на Покров под большую Покровскую ель на кладбище относили деньги, зерно и еду, веря, что Покров сохранит домашнее стадо. К тому же дереву болеющие женскими болезнями и страдающие бесплодием женщины привязывали ленты из своих волос, говоря: «Освободи, святой Покров, меня от этого недуга» [10, 295-296]. Священными рощами можно назвать, – отмечает Юлиус Крон, – и те старинные кладбища, которые сохранили современные поко-

ления от ушедшего в Россию (Тверские, Новгородские и пр. группы карел) в XVI веке карельского населения после присоединения к Швеции Корельского уезда. Таковыми были, к примеру, Русский и Ольховый Ельники в Соанлахти (на берегу оз. Янисъярви, ныне в Суоярвском районе Республики Карелия). Посредине первой рощи была большая ель, к корням которой приносили шерсть животных в Егорьев день. Во второй раз, на 5 мая, устраивали «праздничную иллюминацию» из свечей, которые использовали во время обхода скота при первом выгоне (там же, 33). Интересно, что бывшее кладбище превратилось в место жертвоприношения «скотым богам», на самом же деле покровские и егорьевские обряды, скорее всего, были направлены на умилоствление захороненных в этом месте предков, от которых полностью зависела удача в хозяйственных делах.

Помимо елей в регионе были известны также жертвенные сосны, берёзы, рябины, иногда выделяющийся своими размерами можжевельник. В изданном в конце XIX века путевом дневнике «Картинки из Пограничной (Приладожской) Карелии» автор О. А. Форсстрём рассказывает, что по обе стороны границы можно встретить «в лесных деревнях почитаемые деревья, которые народ называет «риштапуу» (крестовые деревья – А. К.). Это жертвенные сосны былых времён, и около них ещё и сегодня осуществляют всяческие жертвоприношения, пишет Форсстрём. Хозяйки относят туда горшочки с молоком, чтобы получить удачу в разведении скота, прикрепляют к веткам дерева пучки шерсти и льна или привязывают к ним нитки». Такое дерево Форсстрём видел в Олонецкой Карелии, в селе Видлица: «Это была сухостойная сосна, около километра от деревни, на обочине столбовой дороги. У жертвенной сосны поставлен крест с крышей... Все нижние ветви жертвенной сосны были обрублены топором. На земле много обломков глиняных горшков... В щели (на стволе) дерева были всунуты нитки, небольшие пучки шерсти и тому подобное» [2, 69-70]. Форсстрём побывал в Видлице в 1882 году. Данное описание интересно, по крайней мере, в двух отношениях. Во-первых, из него следует, что общедеревенским жертвенным деревом было карсикко, во-вторых, это хороший пример для объяснения того, откуда взялись шерсть, лён и другие подношения в часовнях, да и само начало часовни (деревянный крест под крышей) находится тут же, под деревом. Многие свидетельства как относительно жертвенных рощ, так и отдельных жертвенных деревьев на территории Карелии и на более восточных территориях вплоть до Урала подтверждают, что жертвенные деревья при ближайшем рассмотрении оказываются деревьями-карсикко, то есть особым образом обрубленными или отмеченными другим образом деревьями-знаками [7].

Здесь нельзя не вспомнить о самой знаменитой сосне в Карелии – сосне Рокаччу на могиле полумифического героя шведских войн, богатыря и колдуна Ивана Рокаччу на кладбище д. Тикши в Муезерском районе. Первое краткое описание могилы даёт финским архитектором Юрье Блумстедтом в журнале «Финский Музей» в 1895 году [1, 22-24]. В статье упоминается, в частности, бревенчатый сруб по периметру большого могильного холма, каменная куча на нём и три старых сосны, растущих на могиле. Из них до нашего времени сохранилось одно дерево, ствол которого в 1990-е годы был обвязан длинными отрезами белой материи и лоскутами ткани. В корнях дерева обнаружилось скопление монет и мелких бумажных денег разных лет (описание см. [6, 117; 8, Приложение 64]. В последние десятилетия на сосне Рокаччу всё больше обнаруживалось предметов одежды – приношений сосне от страждущих (обычно на сосну вешали части одежды, которые закрывали больное место, напр., ноги – носки, руки – варежки и пр.), таким образом, сосна всё более стала выполнять функцию обетного дерева при болезнях.

Сосна Рокаччу

«Если около дома растёт старое дерево – у моей бабушки растёт в конце участка большая бородавчатая берёза, а у нас большая раскидистая сосна, – рассказывала финскому собирателю Самули Паулахарью в 1913 году в дер. Войница Вокнаволоцкой волости одна из лучших знатоков северно-карельской традиционной культуры Анни Лехтонен (1886–1943), – и его срубить, то в доме умрёт кто-нибудь из старших... У нас в деревне, на острове росли большие осины. Их запрещали рубить. Одна женщина их из гордости срубила. После того у неё сгорел дом, а она сама болела долго, да так и умерла. Их называли «садовыми деревьями» [SKS, Paulaharju S., 5862, Vuonninen, 1913].

В районе г. Сортавала ещё в начале XX века во многих деревенских дворах оставались особые деревья, которых никогда не рубили и вообще не трогали. Их называли «домашними», «усадебными» и «родовыми». Это могли быть ели, сосны и берёзы, последние тоже были популярны в качестве «семейного дерева». Как правило, хозяин сажал их на своих землях сразу после постройки первого дома. Были также такие деревья,

которые сажали после рождения детей (именные или личные) [SKS, PK 29, 5348, Moilanen M. Sortavalan mlk]. В 1884 году в дер. Ряймяля Салминской волости в Приладожье был записан текст под названием «Молитва у корней дерева», в котором обращаются к «чистому дереву» и его «хозяевам и хозяйкам», «попам и попадьям», «дьякам и дьяконицам», «пономарям и пономарицам», «казакам и казачихам» и т. д. (перечисляя всех, чтобы не забыть ненароком никого из духов, которые, возможно, имеют отношение к этому дереву) с просьбой дарования «здоровья и покоя» и освобождения от болей и просят их «следить и сторожить» (чтобы болезнь не пристала к человеку снова) [SKVR VII, 4, 2782, Salmi].

Во многих местах деревьям жертвовали молоко (особенно молозиво после отёла коровы), выливали под корни первую кровь первого забитого осенью животного и приносили чашку мясного супа, сваренного из этого мяса. Большая часть сохранившихся сведений говорит об особой связи жертвенного дерева с домашним скотом. В трёх томах «Финской скотоводческой магии» (сборник полевых записей, вышедший в 30-е годы прошлого века)

имеется довольно много записей об использовании молозива – первого молока от коровы после отёла. Приведём несколько примеров:

В финской Южной Карелии в округе Париккала молозиво (juustomaito) готовили в печи в глиняном горшке. Когда оно было готово, его нельзя было трогать, пока часть от него не относили духу земли (maahinen), к корням святого дерева [SKMT IV, 1, s. 135-136, Pajari]. В Северном Саво в приходе Пиелавеси первыми причащались к молозиву члены родового коллектива: «Говорят, что у жителей этих мест некогда было обыкновением ходить есть молозиво под жертвенную ель, прежде чем его давали другим» [Пиелавеси, SKMT IV, 3, s. 1435]. А в Северной Карелии (приход Китее) молозиво относили «носу леса» (metsännenälle – в данном случае персонифицированное название болезни) в корни ели, потому что ель – «старшее из деревьев» (там же, s. 1436). В Пиелавеси, в деревне Ваарислахти, была когда-то жертвенная ель, которая выросла по преданию на месте печи в рыбной избе мифических великанов. Когда корова телилась, то жертвовали этой ели первую плошку молозива (juusto), да ещё плошку первого мясного супа, который варили сразу после закалывания какого-либо домашнего скота, относили в жертву к корням ели. И эту ель никто не трогал. Потом гроза свалила её (там же, s. 1435).

Приведём ещё несколько рассказов о жертвенных деревьях в основном из провинции Южная и частично Северная Саво, опубликованные в последней четверти XIX века (годы 1880–1898) в периодических изданиях Savonlinna, Uusi Suometar и Uusi Kuvalehti:

1. В приходе Рантасалми на поле деревни Ииналампи стояло жертвенное дерево, которое уже в течение некоторого времени готовы были уничтожить, но никто не решался приступить к такому делу. Один мужчина за приличное вознаграждение, наконец, срубил его, но вследствие этого поступка для него было печальным: он заболел, да так и болел 40 лет подряд.

2. В деревне Хиисмяки прихода Рантасалми между полей имеется рощица из нескольких елей, одно из которых – большое жертвенное дерево. Каждый раз, когда убивали медведя, устраивали праздник с питьём вина и поеданием медвежьего и другого мяса, пением заклинаний, а под конец череп медведя приносили к дереву и вешали череп на его сук. Обычно дерево было украшено 9 медвежьими черепами.

Особенно в канун Рождества, но также и в канун дня Миккели и канун осеннего праздника Кекри относили к корням дерева немного ото всех праздничных блюд, которые, по поверьям, духи названных праздников приходили отведать. Это дерево не решались рубить, потому что считалось, что за этим последует что-то нехорошее, и это мнение было всеобщим ещё в 1860-е годы.

3. В тех же местах находилась ещё одна ель, к которой было особое отношение и которую боялись трогать. Поэтому какой-то путешествующий господин предложил одному нищему за хорошие деньги свалить это дерево. Мужчина отправился к нему, но сначала стал молиться у корней его: «Не делай мне, хорошее дерево, ничего плохого, вставай против своего неприятеля, своего недруга!» Несколько раз как ударил по дереву, так оно и рухнуло, но последствием было то, что и господин в рядом находящемся гостевом доме испустил дух.

4. На меже поля дома Меттели в приходе Ристиина в 1874 году с незапамятных времён стоял огромных размеров можжевельник, под которым некогда проводили магические действия в канун Иванова дня. Впоследствии его считали «хозяином дома», и никому даже не приходило в голову как-то его повредить; наоборот – хозяйки приносили ему пожертвования. Можжевельник от старости был покрыт мхом, и, по воспоминаниям отцов и дедов, он всегда был таким же. В 1835 году высота его была почти 8 метров, окружность его кроны была около 30 метров, а окружность комля 3, 3 метра, но он раздваивался почти

Почитаемая сосна в Ряйкяля (Хяме).

сразу над землёй на два ствола, некоторые ветви которых были толщиной с туловище человека. В 1874 году молния разбила можжевельник на мелкие куски.

5. В Хирвенсалми на горе Кетунмяки (Лисья гора) стояла жертвенная ель, которой хозяйка ближайшего дома всегда что-нибудь жертвовала. Однажды один безземельный сапожник Юхо Любекки съел кашу, что была под елью. Поел, а под конец пнул дерево ногой и сказал: «Пошло вон, привидение из ёлки!» Тут, конечно, дух рассердился и захлопнул челюсти сапожника так, что он не смог их раскрыть. Пришлось ему помучиться, пока всё у него заработало.

6. В доме Сипиля в деревне Йоусниemi раньше за ригой стояла жертвенная берёза, под которую было заведено на день Миккели относить баранью голову. Однажды домработница поленилась и не стала относить голову барана под дерево, а просто бросила её в поле, сказав: «Если не сходишь сюда, господин хороший, за головой, то, значит, и не нужна». Дух и на самом деле пришёл за головой на поле, но, рассердившись, снёс заодно и половину крыши риги. О таком мщении имеются и другие примеры.

Как мы видим из приведённых материалов, жертвенное или почитаемое усадебное дерево характерно разнообразием функций. Прежде всего, отметим представления о прочной связи дерева с семьёй и родом, выполнения им охранительной функции, для поддержания которой необходимо было принесение периодических жертвоприношений. Род также брал на себя обязанность выполнения определённых табу, связанных с неприкос-

новенностью дерева или рощи. При этом со стороны почитаемого дерева или природных сил, которые оно представляло, следовало неотвратимое наказание для тех, кто нарушал эту неприкосновенность или пренебрегал жертвоприношениями. Родовое жертвенное дерево могло быть частью некой более общей мифологической структуры, как то представителем духов данной местности, духов земли или духов леса, медиатором между человеческим и потусторонним мирами (духи, предки, святые, мифологические персонажи, ср. Пеллервойнен), могло оказаться деревом-знаком, т. е. карсикко, на котором в некоторых случаях вырезали историю рода – родовые знаки (тамги) умерших родственников. Жертвенное дерево могло быть частью ритуала медвежьего праздника, на которое, в качестве последнего обрядового действия, вывешивались головы и кости медведя для его вторичного возрождения. Общественное жертвенное дерево могло оказаться на кладбище или на могиле легендарного персонажа, становясь обетным («заветным») деревом. Несомненно, здесь ещё далеко не все сведения, и при расширении ареала исследования появятся новые связи и новые функции, дополняющие картину мира жителя северных лесов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Blomstedt Y. Venäjän Karjalan kalmistoista ja hautapylväistä // Suomen Museo. 1895. № 3-4. S. 17-24.
2. Forsström O. A. Kuvia Raja-Karjalasta. Helsinki, 1894.
3. Haavio M. Esseitä kansanrunoudesta. Helsinki; Jyväskylä: SKS, 1992.
4. Harva U. Suomalaisten muinaisusko. H. 1948.
5. Holmberg U. Suomalaisten karsikoista // Kalevalaseuran vuosikirja 4. Helsinki: SKS, 1924. S. 7-82.
6. Konkka A. Kuusi kultalatva. Pohjoisen Suomen karsikoista // Kalevalaseuran Vuosikirja 77-78. Helsinki: SKS, 1999. S. 112-139.
7. Конкка А. П. Сообщение К. Х. Хорнборга 1886 года о саволакских жертвенных рощах – «карсикко» // Учёные записки Петрозаводского государственного университета, 2011, № 7, Т. 1. С. 19-22.
8. Конкка А. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск, 2013.
9. Конкка А. П. Можжевеловые кресты и магическая развилка: семантика и ритуальная практика // Этнографическое обозрение, 2020, № 1. С. 95-113.
10. Mansikka V. J. Karjalais-inkeriläisiä pyhimyksiä ja juhlapäiviä. Virittäjä, 1941.
11. Vanhat merkkipäivät. Toim. Jouko Hautala. Mänttä, 1990.

SKMT – Suomen kansan muinaisia taikoja. I-IV. Helsinki, 1891-1934.

SKVR – Suomen kansan vanhat runot I - XXXV. Helsinki, 1908-1948, 1997.

SKS – Suomalaisen kirjallisuuden seuran Kansanrunousarkisto.

Иван
ПЛОСКОВ
(1951-2021)

Иван Александрович Плосков, коми фольклорист. Родился в с. Летка в 1951 году. Закончил Сыктывкарский государственный университет, проходил стажировку в Ленинградском университете. Работал в Институте языка, литературы и истории с 1981 года. Научные приоритеты: сказковедение, мифология, лингвистика. Автор книг «Коми сказка и её герои» (2005), «Коми фольклорная традиция и история изучения устной прозы» (2006) и др.

О некоторых образах-персонажах леса и воды, связанных с древними традициями коми и других северных народов

Универсальный «древний» солнечный образ плодородия в коми фольклорно-этнографическом материале закономерно соседствует (в известном смысле дополняется) и связан с другими, иногда реальными образованиями (образами-персонажами). Архаический круг женских образов, занимавших достаточно высокое место в мифологическом пантеоне коми, включая образы богини природы (её черты сохранились в сказочных, быличечных персонажах – олицетворениях леса и воды), прародительницы (покровительницы) людей, связанной с рождением и судьбой и т. д. В мифологическом (сказочно-мифологическом) материале прослеживается эволюция данных образов. В фольклорных произведениях выявляются их различные трансформации.

К. Ф. Жаков, говоря о «бессознательном элементе» в представлениях (в мистицизме) и в «сознательном творчестве» народа, признавал, что лес для зырян является «истинным источником» поэзии. Автор отмечал, что лес и вода являлись теми явлениями, которые обуславливали «весь строй жизни». К. Ф. Жаков при этом упоминает и о хозяине леса – «боге лесном». М. Н. Ожегова отмечает, что «обоготворение леса и воды в фантастических образах лешего и водяного... связано с промыслами первобытных людей – охотой и рыбной ловлей». Многие собиратели фольклорного материала, исследователи указывали на определённые ритуалы, связанные с данными образами. А. В. Красов, в частности, выделял вёрса (лешего) и куля (водяного) как персонажей, которым «оказывалось служение» (приносились известные «жертвы», осуществлялся ритуал «приношения»). Интересно в данном контексте следующее наблюдение А. С. Сидорова: «Человек, который проходит мимо многих деревьев и ручьёв, по мнению коми, очищается».

В современных коми быличках также широко известен хозяин леса. Он представляется дарителем или распределителем добычи охотников. Встречается и трансформированный образ лесного человека – хозяина, влияющего на судьбу человека вообще. В частности, по южнокоми быличкам, с лешими охотников может связать колдун-еретик. В коми

рассказах-быличках, сказках, как известно, фигурирует и мужской, и женский образ лешего-дарителя. Причём женский персонаж, олицетворяющий лесную и водную «части» природы (хотя подчас – в едином образе), является более архаичным (при этом есть особым образом подчёркнутый, «очерченный мир» леса и воды в коми сказках). Особым вопросом представляется также связь данных персонажей-олицетворений со стихией ветра (вихря), с другими проявлениями стихий природы. Гораздо позже они смешались с «христианизированными» представлениями. Соответствующий образ охотничьей «дарительницы» фигурирует в фольклоре многих народов. В частности, коми исследователь Г. Старцев отметил наличие такого персонажа в фольклоре родственных угорских народов. Он писал об «остяцкой» песне, которая «поётся в честь лесной богини, посылающей удачу» на охоте (приводим фрагмент):

От вершины к вершине
 Спускается рыба к хорошему концу...
 ...далеко выходит
 Длинный плёс реки.
 Красненькие бока годовалого лося...
 Вот он стоит... Идёт.
 – Ближе возьми на колени лук,
 На коленях приладь стрелу,
 С железной головкой.
 Со стороны сердца (стреляй).
 Насквозь просадил лося...
 Далеко выдавшийся речки мыс...
 Вот он виден.
 Дочь лесного, дочь лесного бога,
 Вот она стоит.
 Одна нога – лосиная,
 Другая – человечья.
 – Вы, за зверями ездившие, двое,
 Возьмите меня, королеву лесных зверей,
 Я счастливая!
 – Нет, не возьмём!
 Лодку насквозь ты проступишь!
 – Если не берёте,
 (Тогда) Когда выйдете на устье реки,
 Там увидите протоку,
 Как пузырь тетёрки.
 Когда выйдете на середину протоки,
 Тогда с западной стороны
 Поднимется туча,
 Как воронья печень, –
 Чёрная туча с вихрем,
 Молнией поднимется...
 Дно лодки вверх перевернёт,
 Тогда вашим песням и рассказам конец...

Мотивы, связанные с лосем, известны, но также распространены мотивы, связанные с медведем, оленем и другими обитателями леса и воды (при этом наличествуют интересные в данном контексте сложные образы), в приуральском материале. А. С. Сидоров, в частности, писал, что «в предметах пермского звериного стиля в качестве центральной мифологической фигуры творца мира и прародительницы человеческого общества выступают пять зооморфных предков: птица, лось, медведь, собака и рыба...»; автор отмечает также о «лосе-самке, матери солнца» в «солнечном мифе». Л. С. Грибова указывала на «мотив лося-оленья» в пермском зверином стиле. Лосиха, как известно, представлялась (в эпоху первобытной общины) и соответствующим зооморфным классификатором. В частности, исследователи выделяют также «культ родовых, фратриальных и племенных предков, представленных в виде сложных зооантропоморфных образов, отражающих охотничье-промысловый быт населения, их космогонические представления о строении Вселенной, состоящей из трёх миров, олицетворением которых являлся ящер (подземный мир), люди и шаманы (средний мир) и лосиха – прародительница мира (небесный мир)». Лосиха нередко представляется сложным звеном взаимодействия небесного (верхнего) и среднего миров.

Что касается зооморфных форм, то сказочно-мифологический материал, который следует представить шире, как известно, даёт возможность говорить о наиболее «закреплённых» зооморфных классификаторах верхнего мира – птице, нижнего мира – мыши, рыбе и т. д., также появляются зооантропоморфные образы, связанные со средним и нижним мирами – вурд-баба (т. е. выдра-баба). Интересным в данном контексте представляется житель низин – ляга-баба или лягей-бабей (ляга, лягей – лягушка).

Особое положение в данном контексте также имеет медведь. Медведь в различных региональных коми традициях является хозяином леса, при этом иногда наслаиваются представления о лесном хозяине и медведе – духе нижнего мира, позже – «нечистом» духе (ср. также гундыра, змея – гундыра; в родственном удмуртском языке слово «гондыр» обозначает «медведь»). Про культ медведя у близкородственных коми-пермяков отмечал И. Н. Смирнов; особое отношение к медведю видно из приведённого им фольклорного произведения, где охотнику даётся следующий совет: «сделай липовый лук, липовую стрелу и выстрели в медведя, потом забей ему кол в голову и изруби всё его тело на части – тогда уж медведь не встанет» (ср. с коми поверьем об осиновом коле – средстве против колдуна); по мнению автора, представления о медведе-мстителе имеют место в основе поверья о том, что «если под строящийся дом подбросить медвежьи кости, то дом будет несчастливый...». Образ медведя также осмысливается (в традиции коми) как предок, оборотень (может быть похожим на человека, проявляться как сверхъестественный человекозверь).

Как отмечает Ю. Г. Рочев, в быличке «отношение рассказчика к медведю всегда двойственное (как к хищнику и как к лесному духу)». Сохранились у коми представления о медведе – общеплеменном тотеме и божестве. А. С. Сидоров отмечал: «Культ медведя представляет переходную ступень от тотемизма, частного культа, к общему, племенному культу, иногда приближающемуся к монотеизму».

Упомянутая выше северная богиня леса (в зооморфном и зооантропоморфном облике), как уже упоминалось, также является особой ступенью в эволюции образа прародительницы-покровительницы.

Исследователи предполагают, что «предки коми поклонялись горностаю как священному животному». А. К. Микушев отмечает: «Возможно, в имени Чожмёр-ныы (Горностаи-девица) отразились воззрения древнейшей эпохи финно-угров, того времени, когда

господствовали представления о родстве человека с тотемом, покровителе-животном или покровительницей-птицей...», автор обращает внимание на «культовое значение» горностая у предков коми-зырян, угров (в частности, венгров, у которых «ласка» обозначала пушного зверя и прародительницу-женщину).

По другим материалам, горностай встречается в коми языке и фольклоре как чождмӧрныв (горностай-девушка). В некоторых других случаях, как отмечалось, в коми материале выявляются соответствующие «лесные» образы: вурд-баба и т. д.

В сказках о Шомвукве водное чудовище-поглотитель – мать лесной девушки (её отец – огнедышащий медведь из дремучего леса); в других сюжетах при этом появляются два медведя-великана (поглотителя). Известен в коми фольклоре и водяной медведь.

Богиня леса (очевидно, образ, дающий жизнь и образ «кормящей» природы) совмещала черты хозяйки «лесной» местности. Это угадывается и в приведённой выше угорской песне. В богине-лосихе отразились архаические представления и, по-видимому, соответствующий взгляд на природу, восходящий к глубокой фольклорной традиции. Коми фольклористы, в частности, обращают внимание на поверья, по которым олень и лось – божьи создания, существа особенные, и они не откликаются на зов лешего, а только бога.

Как видим, и в данном случае смешались взгляды языческие, христианские. В образе угорской богини заявлены черты персонажа плодородия (в коми материале эти черты, как известно, особенно ярко проявляются в женской ипостаси образа-олицетворения водной стихии).

В коми повествовательном фольклоре, в частности, в быличках обработан мотив сожительства человека (охотника) с лесной женщиной. Мотив охотничьей удачи при этом также проявляется (выдвигается) как определяющий, что особо подчёркивается в произведениях. Известен он и в сказке о Шомвукве, наличествует в несказочной коми прозе, а также в «родственном» угорском и т. д. о сожительстве с лесным (водяным) персонажем упоминается в быличках народа коми. В. Н. Белицер, к примеру, записала следующие коми рассказы о водяных женщинах (русалках?): «с длинными и влажными волосами, длинными ногтями на руках и ногах, большим глазами и громадными грудями, которыми они душили людей, всовывая их им в рот». О персонаже «чери бӧжа ныв» (девушка с рыбьим хвостом) упоминает Ю. Г. Рочев. Известен фольклорный персонаж чери-ныв (рыба-девушка), причём при получении антропоморфного облика у девушки «ослабляется» связь с водой, с водной стихией.

Своеобразный «лесной» или «водяной» дух природы выделял А. В. Красов – гажтэм (коми «гажтӧм»; букв. перевод – «мрачный, невесёлый»); автор указывает, что это «не совсем определённый дух», обитающий, в частности, в «лесных ямах»; «действия Гажтэма... часто заходят в область то Вэrsa, то Васа или старинного Куля». В сказочном материале наличествует Вӧр Ань (букв. перевод – лесная женщина, лешачиха, в данном тексте она совпадает с образом «воительницы» и «пожирательницы»). Лесной (и, очевидно, водяной) образ старухи-помощницы героев появляется в зауральской коми сказке: «...очень большая старуха», «как кривая ветвь дерева». Она спасла героев от ёмы: «скользнула на животе в воду и быстро переплыла реку» (перевезла их на свой берег?).

В упоминаемой сказке о Шомвукве также есть женский образ – воплощение природы – зеленоволосая девушка, которая, без сомнения, обладает чертами хозяйки (наследницы) лесных богатств Шомвуквы. Девушка становится женой охотника (причём её появлению в его жилище предшествует сон молодого охотника, в котором ему «сообщается» будущая удача в охоте, а также в ловле рыбы).

Примечательно, что «чудесная» жена рождает охотнику детей, у которых «на ступнях –

месяц», а «в головах (на голове) – солнце» («кок пыдöсыс – тöлысь, а юр пыдöсыс – шондi»).

Этот сюжет, впрочем, имеет и вариант со сниженным образом лесной женщины, как было заметно, это отчасти наблюдалось уже в приведённой угорской песне. Лесная женщина очищается от «нечисти», таящейся в её груди, с помощью «христианизированного» ритуала. В некоторых произведениях появляется мотив захвата «нечистой» жены лешего – вöрса; богатырь Пера захватывает жену лешего, но когда «он видит, что она гадает на черепахе и ест вшей, герой её убивает...». Явно сниженный, соответствующий этому образ лесной женщины Г. Старцев, как было показано, обнаружил в угорском материале. В частности, образ лесной, «болотной» женщины (называемой ёма), зафиксирован нами в Зауралье, в с. Няксимволь Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области; ёма предстаёт как болотная птица, зовущая, привлекающая человека в болото (причём наш информант знал и коми, и мансийский языки). Мотив нечистого духа в образе птицы, очевидно, известен в Приуралье: по одному из текстов, остяк подходит к ней, наклоняется, хочет поцеловать и теряет сознание. Когда он приходит в себя, то «чувствует», что она летит и уносит его с собой. Лесная женщина (в образе матери) ухаживает за ним и склоняет к сожительству, обещая дары и блага. Охотник отказывается, и женщина проклиняет и отпускает его.

В данном рассказе «нечистая» лесная женщина (очевидно, связь с образом матери – поздняя, но достаточно «красноречивая» деталь) проявляется как всемогущая дарительница: «Не плачь о доме! Я им даю промысел, всех зверей и дичь посылаю. Я вижу твоих людей, которые охотятся...» (В рассказе появляется и брат женщины, также лесной дух, который может дать охотничью удачу). Фигурируют в тексте и некоторые условия, нарушение которых привело бы к тому, что охотник остался бы у лесной женщины: «Она звала его к переднему углу. Подойди он к переднему углу – перешёл бы к ней и остался у неё»; оберегом здесь является и нательный крестик, который охотник не снимал, несмотря на её просьбу. В конце рассказа лесная женщина отводит его к деревне. Традиционный мотив «одаривания» (известный также в сказочном материале) появляется и в этом рассказе: женщина дала ему много пушнины, полную нарту одежды. И далее ею произносится зловещее проклятие лесного божества: «Не остался у меня – помирай горбатым. Со мной ты жил полгода, и за это дам тебе в жизни лишь один счастливый день. Твоё поколение немного увеличится и после вымрет...» Он оглядывается. Её уже нет. Он стоит у своей деревни.

При появлении охотника в деревне (его появление воспринимается в данном случае как явление из «потустороннего» мира) выполняются различные меры предосторожности. Охотник сам потребовал этого (предостерегал, не подходя к своему дому): «Привяжите собак и уберите (сор) в избах. Огни сделайте (зажигайте) не яркими...» Через две недели осуществляется проклятие лесного существа: «он захворал, осип, у него появился горб, и скоро он умер». Перед смертью, как указывается в рассказе, был и его «счастливый день», когда «в клетке для собак он увидел пять выдр» (их он тут же убивает).

Угорский материал, приведённый коми исследователем, имеет много общего с коми материалом, имеющим место по эту сторону Урала.

Тот же автор, Г. Старцев, в рукописной работе «Зыряне» обращает внимание на образ лесной женщины: «Не раз леший показывается охотникам в виде прекрасной женщины и соблазняет его», хочет «оставить при себе жить»; «и будто бы бывали случаи, что охотник сходил с ней и жил целыми месяцами. Когда он должен был возвращаться домой, она, ругаясь, исчезала». В. Налимов в статье «Некоторые черты языческого мирозерцания зырян» обращает внимание на некоторые особенности лесных людей (впрочем, вы-

деленные «особенности» присутствуют не во всех фольклорных материалах о персонажах леса, на что указывает и сам автор: «Лесные люди весьма похожи на людей; разница между ними небольшая. У лесных людей пятки ног выворочены (табъя кока); кости их прозрачны, и они легки и быстры»; приводятся и другие материалы (в частности, быличечные): «Некоторые охотники рассказывают, что видели лесную женщину, прыгающую с дерева на дерево (ср. зооморфный, а затем антропоморфный вид угорской женщины-духа); и далее – «Она с длинными волосами... и облик лица некрасив. Все лесные женщины сладострастны и любят сожительство с мужчинами». Длинноволосый лесной дух, как известно, также сохранился в коми быличечной традиции. По материалам В. Налимова, «лесные жители имеют избушку и ведут в лесу целое хозяйство». Автор обращает внимание и на мотив «выделения дичи» для охотника, причём им подчёркивается следующее отношение к охотнику: подчинение лесного жителя человеку; «подчинённый» сильным человеком (очевидно, колдуном – И. П.) «лесной житель обязан исполнять приказание последнего, как-то: загонять дичь, зайцев, производить бурю». Отмечается также, что лесные жители иногда любят пошутить над людьми – «отвести зверя, испортить сети». В коми быличках имеются различные (известные) обереги от лешего (в частности, не есть их пищу и т. д.). В коми материале говорится и о заблудившихся в лесу людях, которые уже стали (по истечении какого-то времени) лешими, но последние всегда пытаются помогать советом попавшим к ним людям (об этом, в частности, говорится в южнокоми быличках). В. Налимов также отмечает, что «выбраться» от лесных людей «раньше срока очень трудно, для этого надо соблюдать... условия: не есть их кушанья...»

Появление «потустороннего» лесного существа в образе живого (или мёртвого, как в приведённом угорском рассказе) родственника известен и в коми материале. В традиции наличествует быличка о лешахихе, появляющейся в образе жены охотника. Г. Старцев отмечал, что иногда лесная женщина «представлялась в виде жены и оставалась с ним часто до вскрытия реки (весны – И. П.). Охотник, отправляясь домой, брал с собой и её, несколько не подозревая о кознях лешего. Подплывая к первому посёлку с церковью или часовенкой, «жена» становилась на нос лодки, превращалась в большую рыбу и уплывала...» Но более известна иная развязка подобных рассказов-быличек. На одну из таких версий автор также обращает внимание: «По другим версиям, если она становилась беременной, разрывала ребёнка за ноги (используя нож – И. П.) на две половины, и одну половину подкидывала к жилищу охотника в виде берёзового чурбана...».

По другим материалам, приведённым, в частности, Ф. В. Плесовским и Г. А. Фёдоровым, охотник слышит в лесу голос жены, которая просит перевезти его через реку к его лесной избушке, или же идёт по берегу реки и доходит до дома, причём никак не может его обойти (в доме живёт йомина дочь). И в первом, и во втором вариантах охотник живёт с лесной женщиной, рождается ребёнок; при уходе охотника женщина преследует его. В первом варианте подчёркивается «магическая» сила персонажа: «На завтра парень сбежал. Йома кричит: вернись, а то худо будет. Разорвала ребёнка и бросила на плот, плот и загорелся. Не научу, говорит, не сбежишь...». Во втором варианте сюжет рассказа заметно усложнён. Охотник «приживает с лесной женщиной ребёнка». На обратном пути домой его «жена», увидев церковь, бросается в воду (ср. о лесных и в то же время водяных женских персонажах в приведённом материале). Охотник возвращается домой, видит жену и догадывается, что в лесу за жену принимал лешахиху. На следующий год он снова отправляется на охоту, и в лесу к нему вновь приходит лешахиха в образе его жены. Охотник на этот раз отказывается перевозить её через реку, и лешахиха разрывала их ребёнка, бросает через реку на его охотничью избушку: «Возьми... одну ногу

себе, а другая мне». На следующий день охотник увидел, что эта нога оказалась корягой...»

Быличечный мотив о лешахихе-ёме был обработан и в сказке. По материалам К. Ф. Жакова, охотник сожительствоует с лесной ягой, но в сказке появляются и новые моменты: «Сын яги чугунный, зубы укладные...»; после того, как яга в злости бросает сына на плот, он зажигается, «кости сына яги упрашивают, чтобы их схоронили в землю».

Итак, лесной (лесной – водяной) женский образ неоднозначен. Обозначаются в материале (как в коми, так и в приведённом, родственном по языку, обско-угорском) стадийные различия. В то же время «несказочный» персонаж в традиции может приобретать и сугубо сказочное наименование (ёма как болотный нечистый дух в образе птицы).

При этом весьма сложным, как уже упоминалось, образом является сказочная ёма – «даритель». Упоминаемый зооантропоморфный образ женщин также сохранил черты дарительницы (это древний образ – олицетворение «одаривающей», «кормящей» природы). При дальнейшем развитии (и позже определённом снижении) образа (лешахиха, соблазняющая мужчин-охотников и т. д.) сохранилась эта определяющая черта. В некоторых быличках и сказках, сохраняющих образ «лесной богини» (магически сильного существа), закономерно проявляются черты персонажа, определяющего «охотничью» судьбу, а также судьбу человека вообще. Черты сверхъестественной «владелицы» лесных и водных богатств Шомвуквы (причём зеленоволосая девушка в магическом плане гораздо «сильнее» мужчины-охотника и также имеет упоминаемые признаки «покровительницы») в коми сказке во многом сохраняют древний облик лесной богини. Варианты со «сниженным» образом (в том числе сказки, повествующие о встрече охотника с «нечистой» девушкой, которая после «очищения» становится его женой), вероятно, оформились достаточно поздно. Интересно «осмысление» «сниженного» образа.

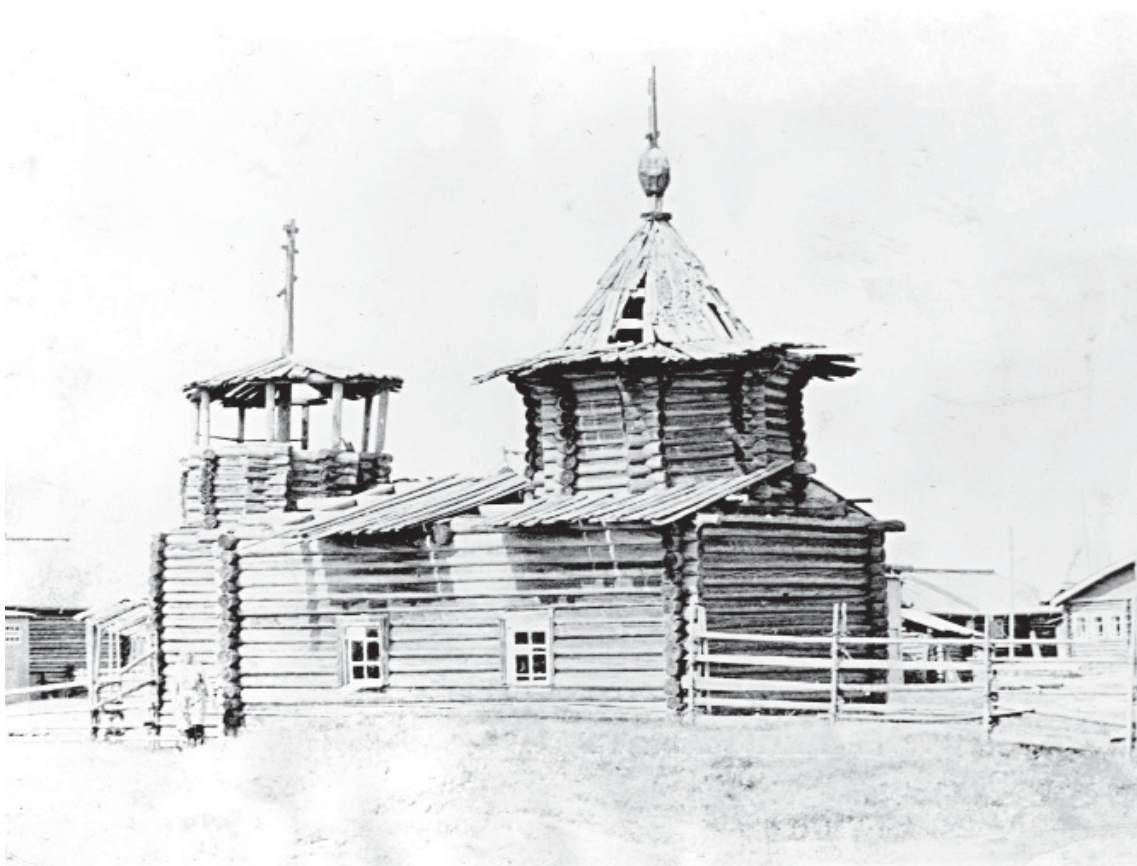
Зооантропоморфный образ дочери «лесного бога» (женщины-лосихи) угорского материала ещё сохраняет черты «обожествления» (и при этом – беспредельной власти над природой и человеком). Лесная богиня имела, без сомнения, и функции божества (образа) плодородия. В материалах, различных по сути, угадываются и реликты «единого» лесного – водяного духа природы.

Противоречивость лесного (зооморфного или зооантропоморфного) женского образа частично объясняется трансформациями. В коми материале прародительница людей (мира) лосиха, относящаяся к верхнему миру и, без сомнения, связанная с миром людей (средним миром), – это, разумеется, образ, развитый в последующем на ином уровне – в антропоморфном образе покровительницы (в частности, связанном также с известным солнечным культом). Соответствующие зооморфные черты, по мнению исследователей, сохранялись в поздних «изваяниях» прародительницы и покровительницы рода, а также были отображены в устной прозе северных народов.

ЗЫРЯНСКИЙ МИР:

визуальная этнография коми

В новой рубрике «Зырянский мир: визуальная этнография коми» будут представлены малоизвестные и ранее никогда не публиковавшиеся полевые фотографии отечественных и зарубежных путешественников, геологов, этнографов и фольклористов XX века из академических архивов и музейных фондов России, Финляндии, Венгрии и Эстонии. Эти фотографические этюды и зарисовки представляют интерес не только как бесценный источник по этнографии, но и как «визуальная история» становления и развития научного изучения традиционной и современной культуры коми.

Полевая фотография (постановочная, документальная, художественная) зримо отражает динамику исследовательского взгляда на «этнографический портрет» коми, формирование которого во многом было обусловлено исследовательской парадигмой разных научных школ и социально-политическими перипетиями истории XX в. Акцентирование внимания в этнографической фотографии на одних культурных аспектах и игнорирование других, мода на те или иные темы научных исследований зримо свидетельствуют не только о специфике и динамике научных тенденций, но также об ожиданиях культурно-идеологических пространств, представителями которых являются исследователи.

Визуальная этнография – классический исследовательский метод наблюдения, и вместе с тем любая этнографическая фотография всегда является интерпретативной, авторской. В определённом смысле, драматургия полевой фотографии – это всегда «этнография у зеркала» (М. Бахтин) и интересна прежде всего как персональная история «объективного» исследовательского взгляда на «Зырянский мир».

В публикации использованы фотографии П. Лимерова, М. Рогачёва, В. Шарапова.

Праздник Параскевы Пятницы в деревне Кривой наволоок на Удоре

В. Власова, П. Лимеров, В. Шарапов

По традиции, характерной для всего Европейского Северо-Востока, часовни в честь Святой Параскевы Пятницы воздвигались на перекрёстках дорог и у источников воды. Одна из таких часовен была построена в начале XVIII века на реке Вашке в деревне Кривой Наволок, в котором местным праздником считается пятница на первой неделе Петровского поста. Сведения о праздновании дня Св. Параскевы удорскими коми в начале XX столетия основываются исключительно на устных рассказах; к сожалению, каких-либо этнографических описаний, относящихся к этому периоду, до настоящего времени не выявлено. По преданию, в часовне, выстроенной в Кривом Наволоке в XVII веке, находилась чудотворная икона «Святой Пятницы Параскевой Нареченной» (в настоящее время она утрачена и заменена работой современных иконописцев). Часовня сохранилась до наших дней и считается древнейшим памятником деревянного зодчества на территории Республики Коми.

Так же, как и на Русском Севере, у православных коми повсеместно Св. Параскева Пятница почитается как покровительница женских работ, плодородия и брака. По поверьям, Св. Параскева не только оказывает покровительство женщинам и их семейному благополучию, но может и сурово наказать тех, кто её не чтит. Считается, что она сама страдает душевными и телесными недугами за грехи, совершённые всеми женщинами. В фольклоре коми до настоящего времени сохраняются былички о явлении Св. Параскевы женщинам, нарушившим какой-либо запрет. Так, например, в быличках рассказывается о том, как Св. Параскева приходит к женщинам во снах или наяву и упрекает их за нарушение запрета на работу в пятницу. «Из-за того, что женщины стирают в пятницу, всё тело Св. Параскевы покрыто коростой, а глаза и одежда грязью залеплены». Она также является в случае какого-либо несчастья и указывает на его причину. Женщины, которые не могут долго родить, или те, у которых умирают дети, считаются наказанными Св. Параскевой. За свои грехи они должны вымаливать у неё прощение. Наиболее благоприятным временем для этого считается Девятая Пятница по Пасхе.

В сёлах на Удоре празднование дня Св. Параскевы на Девятую пятницу после Пасхи связано с чудесным явлением её образа. По народным поверьям, в этот день икона Св. Параскевы приносит исцеление больным, отсюда и одно из народных названий этого праздника – заветной лун висысьяслён (заветный день больных). В деревне Кривой Наволок он традиционно считался «женским» и противопоставлялся «мужскому» празднику – Прокопий лун (8 июля ст. ст.). По рассказам старожилов, в прошлом на праздничную службу в часовню Параскевы Пятницы в этот день стремились попасть не только жители сёл и деревень, расположенных на Вашке, но и приехавшие с Мезени, Печоры и Пинеги. Восприятие праздника как «женского» обусловило состав участников – как правило, это пожилые женщины и дети. Часть верующих посещала праздник «по обету» – в надежде получить исцеление.

Старожилы деревни рассказывают, что в 50-60-е годы XX века часовню много раз пытались разрушить: «...тот человек, который сбросил колокол с часовни, умер в страшных мучениях – в течение недели покрывался язвами и истёк кровью; в тридцатые годы

местные комсомольцы скрывались в лесах, когда начальство пыталось заставить их распилить храм на дрова; в 60-е годы часовню спас от разрушения председатель колхоза А. М. Останов». В 70-90-е годы XX века за сохранностью часовни следила Дарья Кирилловна Яковлева (1914 г. р.), которая не только собирала пожертвования на реставрацию храма, но и являлась хранителем традиции проведения праздника, приуроченного к пятнице первой недели Петровского поста.

В период притеснения православной церкви происходила закономерная актуализация «периферийных» обрядов, связанных с проведением заветного праздника – внехрамовых служб и крестных ходов, которые, как правило, проводились тайно за пределами села и были единственными возможными для функционирования религиозных общин. Сохранилась память о том, как верующие, несмотря на угрозы местного начальства, тайно проносили икону Св. Параскевы к реке Керью. Краткая информация о проведении праздника в 1960-е – 1970-е годы содержится в отчётах райкомов, обкомов «о состоянии научно-атеистической пропаганды». В разные годы в празднике принимало участие от 40 до 150 человек, в основном – пожилые женщины из сёл и деревень Пучкомского, Чупровского, Важгортского сельских советов. В 1980-е годы службы вели местные женщины, среди них выделялась фигура «хранительницы» часовни, которая проводила службу в храме по старопечатным книгам, позже – по тетради, в которой были записаны тексты молитв. В ходе службы молящиеся пользовались лестовками, крестились двумя перстами. Следует отметить, что на формирование религиозной традиции средней Вашки значительное влияние оказали староверы, для которых совершение богослужений без участия священнослужителей было нормой.

В начале 1990-х годов праздник начинался с утреннего молебна в часовне Св. Параскевы, куда женщины приносили «домашние» иконы и ставили их рядом с храмовыми образами (в настоящее время иконы приносят с собой, но не выставляют). Иконы покрывались вышитыми домоткаными полотенцами и платками. В наши дни праздничная служба в часовне Св. Параскевы представляет собой пение молитв каждому святому, изображённому на иконах часовни, в следующей последовательности: Спасу Вседержителю, Пресвятой Богородице, Святому Иоанну Богослову, Святому Прокопию Праведному, Святому Великому мученику Георгию. В последнюю очередь два раза исполняется молитва во славу чудотворной иконы «Святой Пятницы Параскевой Нареченной». Молитвы перемежаются коллективными песнопениями и исполняются по старообрядческому канону: женщины читают молитвы, перебирая при этом в левой руке лестовку, и заканчивают текст каждой молитвы двоекратным повтором «...Аллилуйя, слави Тебя Боже!..»

Служба завершается к 11 часам «поднятием икон» – женщины выносят храмовые и домашние иконы на улицу и крестным ходом идут к берегу речки Керью. По традиции, иконы разрешается нести только женщинам, хотя в настоящее время наиболее тяжёлые храмовые иконы позволяют нести мужчинам. Впереди несут икону «Воскресение Христово», за ней – самый большой храмовый образ Прокопия Праведного, а потом все остальные иконы, включая чудотворный образ Св. Параскевы Пятницы. Дети идут впереди процессии, нередко тоже с иконами в руках; грудных детей женщины несут на руках. Шествие проходит по пойменному лугу к озеру Кёдж ты (старица р. Вашки) и дальше по мосткам через озеро и болото на сухой берег речки Керью, где установлен деревянный обетный крест. Этот крест установлен напротив кладбища, расположенного на холме за рекой (во время похорон в селе Кривое гроб с покойным переправляют на кладбище на лодке).

В одном из местных преданий говорится о том, что крест установлен на месте, где некогда к берегу пристал крест, приплывший из дер. Крестово. Иконы ставят к кресту,

часть женщин становится на моление, а другие спускаются к воде и совершают омовение храмовых и 'домашних' икон. По традиции, в последнюю очередь омывают икону Св. Параскевы Пятницы. С этого момента вода в реке считается целительной в течение трёх дней. Освящённой водой (вежа ва или пекнича ва) умывают лицо, набирают в принесённую с собой посуду. Если позволяет погода, ниже по течению устраивают коллективные омовения в реке.

Хранитель заветного праздника Д. К. Яковлева вспоминала в 1992 году:

«Иногда праздник приходился на время, когда вода ещё не спадала на заливных лугах перед ручьём Гагшор. Тогда шли к обетному кресту чуть ли не по пояс в воде: в стоячую воду иконы опускать грех. Однажды окунули икону Параскевы Пятницы в озеро Кодж ты – поднялся северный ветер и солнце скрылось, сразу похолодало (войтöвтöма и шонди лун абу). Пришлось снова совершать путь к реке Керью – иначе Господь обидится (лөкöдчас Енмыс). В другие пятницы мы обычно дождя просили у Бога и Николы Угодника, а в тот раз молились, чтобы Господь дал нам чистого неба и сохранил от воды...»

«...как-то в молодости искупалась в реке до праздника Параскевы, после чего тяжело заболела и слегла. Излечилась только после того, как в Девятую Пятницу прошла с иконой Параскевы через две воды – через ручей Гагшор и освящённую воду реки Керью. После этого болезнь ушла – осталась в двух водах».

Ритуал омовения икон завершается молебном у обетного креста. К полудню крестный ход возвращается в часовню, где все иконы расставляются на полки, перед ними ставят посуду с пекнича ва. После молебна во славу святой Параскевы Пятницы женщины забирают свои домашние образа, освящённую воду и расходятся по домам. Некоторые женщины по обету забирают храмовые образа себе домой до следующей Девятой Пятницы.

С конца 90-х годов XX века благодаря научно-популярным публикациям традиция празднования дня Параскевы в деревне Кривое (Кривой Наволок) приобретает республиканскую известность. В 1995 году сыктывкарской телерадиокомпанией «Коми гор» в сотрудничестве с этнографами и фольклористами Коми научного центра был снят документальный фильм «Параскева» (реж. А. Г. Пивкин) о Дарье Кирилловне Яковлевой (1914 г. р.) – хранительнице традиции проведения праздника в дер. Кривое в 60-90-е годы XX века. Фильм, озвученный на коми и английском языках, был неоднократно показан по республиканскому телевидению, а также представлен на VIII Конгрессе финно-угроведов в г. Юваскуле (Финляндия).

В 1990-е годы по инициативе Дирекции по охране памятников истории и культуры Республики Коми часовня была отреставрирована, а в прессе о ней стали говорить как о «древнейшем памятнике культового деревянного зодчества на территории Республики Коми». С этого времени активное участие в организации праздника принимают не только местные жители, но и главы районной и сельских администраций. Последние рассматривают его как культурно-массовое мероприятие, своего рода «визитную карточку» района. В 2003 году в его программу, которую вывесили в центре деревни, входили: «Богослужение. Крестный ход. Омовение иконы Параскевы Пятницы в водах реки Керью. Концерт фольклорного коллектива с. Чупрово». Выступления районных фольклорных коллективов, проходящие «для бабушек» после молебна, – обязательная часть праздника Параскевы в 2003–2008 годах. В 2008 году заветный праздник вошёл в программу регионального праздника «Коми книга», в котором «приняли участие более 70 приглашённых – поэты и писатели республики, руководители отделов культуры муниципалитетов». В районной и республиканской прессе, публикуемой на коми и русском языках, в настоящее время формируется новый образ праздника «как центра духовной культуры удорских

коми, который во многом объединяет жителей Мезени и Вашки».

В настоящее время изменяется восприятие некоторых обрядовых практик и в среде носителей традиции. Ранее пеший путь до часовни, крестный ход, проходивший через старицу, несение икон расценивались как «труд», который было необходимо положить во славу Св. Параскевы как непереносимое условие получения исцеления. К началу праздника многие жители соседних сёл приезжают на машинах, а часть приезжает к началу водосвятия с одной целью – набрать освящённой воды. Во многом нарушается и традиционный порядок омовения икон р. Керью.

В 2000-е годы в религиозной жизни деревни значительно возросла роль священников, которые стараются взять под контроль традиционный «сценарий» проведения заветного праздника. Весной 2005 года часовню посетил владыка Сыктывкарский и Воркутинский Питирим, благословивший в то время её хранительницу на проведение служб. С 2008 года службу ведёт священник, проживающий в пос. Благовое. В ходе беседы он сообщил, что в день Св. Параскевы (28 октября / 10 ноября) часовня пустует, а традиция празднования девятой пятницы не является «канонической», равно как и ритуал омовения икон, на многих из которых даже не видно лика. Он указал на «языческое» происхождение некоторых обрядов в ходе проповеди, чем часть местных жителей была недовольна. В настоящее время достигнут некоторый компромисс: священник хоть и не одобряет действия верующих, но службу проводит.

Часовня Параскевы Пятницы д. Кривое (Удорский р-н). Фото 1991 г.

Часовня Параскевы Пятницы д. Кривое (Удорский р-н). Фото 1991 г.

Д. К. Яковлева, староста часовни св. Параскевы. Фото 1991 г.

Иконостас часовни св. Параскевы. Фото 1991 г.

Иконостас в часовне Параскевы Пятницы в с. Кривой наволоке (Кодж) Удорского района Республики Коми. Фото 1993 г.

Вынос икон из часовни. Фото 1991 г.

Вынос икон из часовни св. Параскевы. Фото 1991 г.

Вынос иконы св. Прокопия Праведного. Фото 1991г.

Начало крестного хода. Фото 1998 г.

Остановка крестного хода возле амбаров. Фото 1992 г.

В. Э. Шарапов на празднике Параскевы в с. Кривое на Вашке. Фото 1992 г.

Икона св. Прокопия Устюжского. XVII в. Фото 1991 г.

Выход крестного хода на пойменный луг. Фото 1998 г.

Крестный ход к обетному кресту на берегу речки Керью. Фото 1993 г.

П. Лимеров и М. Рогачев на празднике св. Параскевы Пятницы. Фото 1992 г.

Д. К. Яковлева проводит молебен у обетного креста во славу чудотворной иконы Параскевы Пятницы на р. Керью в дер. Кривое Удорского района Республики Коми. Фото 1992 г.

Омовение иконы св. Параскевы Пятницы. Фото 1993 г.

Омовение иконы св. Параскевы Пятницы. Фото 1993 г.

Набор «вежа ва» («пекнича ва») с чудотворной иконы Параскевы Пятницы на р. Керью в дер. Кривое Удорского района Республики Коми. Фото 1993 г.

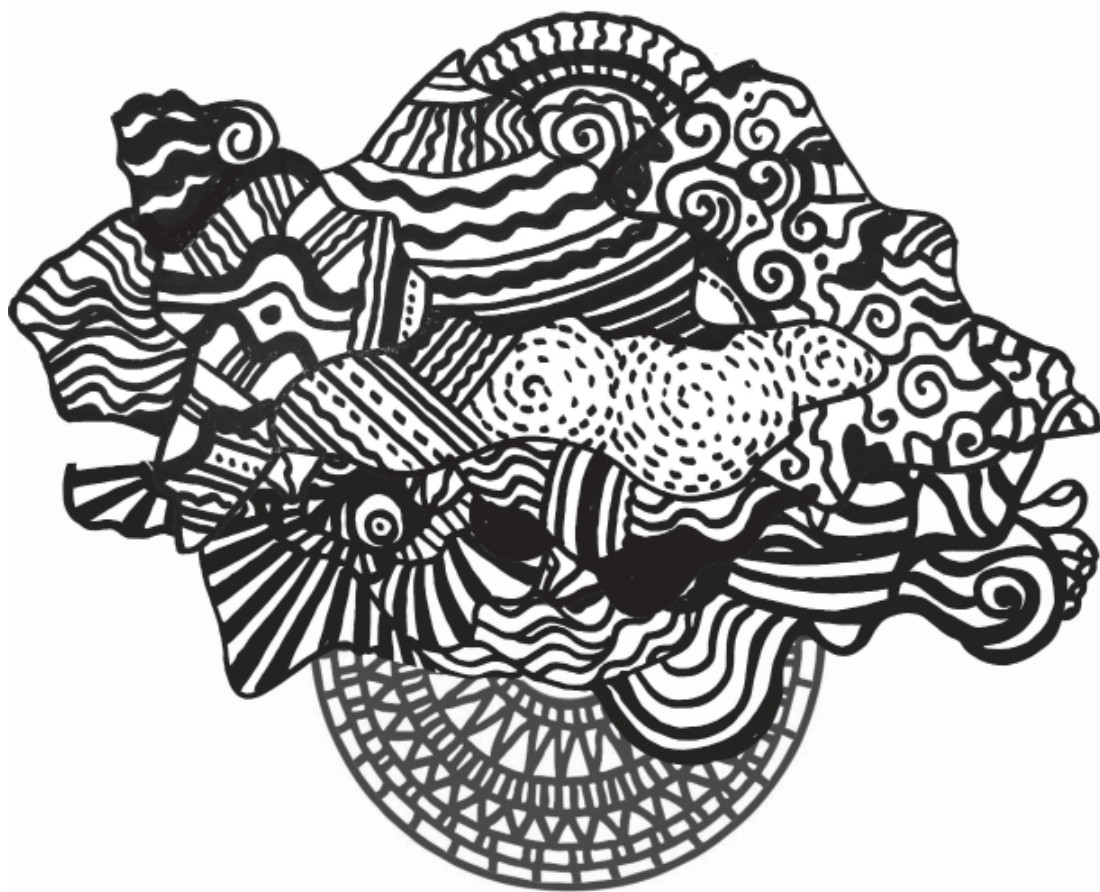

Установка омытых водой икон к обетному кресту. Фото 1993 г.

Второй молебен у обетного креста на берегу речки Керью на праздник Параскевы-Пятницы в д. Кривой наволок (Кодж) Удорского района. Проводит молебен Дарья Кирилловна Яковлева. Фото 1993 г.

Арт-факт

Молодёжная выставка в Доме художника

1 декабря открылась вторая молодёжная выставка в Доме художника.

Выставка рассчитана на погружение в творческую среду и создание импульса для развития профессионального искусства среди молодёжи в нашем регионе.

Зрителям открылись порталы полотен и произведений в разных жанрах и техниках: живопись, графика, керамика, арт-объекты, художественный текстиль, видео-арт, коллаж.

Название выставки «Ас костын» переводится с коми языка как «среди своих», «в своей среде». Здесь собраны молодые таланты Республики Коми: 39 авторов.

Экспозиция окрашивает выставочный зал то в суровую сдержанную палитру, то взрывается ярким колоритом подобно стремительному цветению в северном климате.

У каждой работы свой характер, свой «сезон», в залах будто уместились все элементы Вселенной: тихая ночь с яркими звёздами Усть-Куломского района, сотканые реки и избы, кони, дороги, искрящаяся жёлтая осень, свежая весна, осенние плоды, магические символы, перламутровые сны.

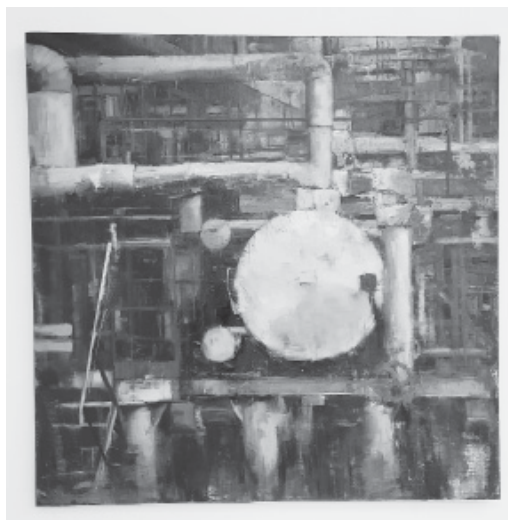

СОН, 2023, Анастасия Савинова (картон, акрил)

БЕЛАЯ ДОРОГА, 2022, Юлия Тчанникова (ручное экспериментальное ткачество, х/б нити, дерево)

РЫБКИ, 2023, Наталья Ширяева (вышивка, хлопок)

Знаковая для севера тема буровых и нефтяной промышленности запечатлена в брутальных полотнах Евгения Бурцева:

СИЛАЧ, 2023 (холст, масло) и

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УЗЕЛ, 2023 (холст, масло).

Интересен авторский каллиграфический шрифт Павла Чукичева. Кажется, он создал коми мантру, украшая художественным шифром поверхности холстов и мореного дерева.

НЕИЗМЕННО, 2023, Павел Чукичев (дерево, акрил). Это стилизация дохристианского тотема с руническими письменами и пасами. «Всё меняется, создаётся, разрушается, создаётся вновь... Неизменны только Великая Парма вокруг и человеческое счастье».

ЛУЧШЕ, ЧЕМ СЕЙЧАС, 2023 и ГРАНИЦЫ СЛОВ, 2023, Павел Чукичев (холст, акрил). Здесь скрыты фразы: «за границами слов начинается настоящая жизнь» и «есть такие люди, которые считают, что когда-то было или будет лучше, чем сейчас».

Студенты второго курса Колледжа искусств РК отделения «Дизайн» собрали КАРТИНУ МИРА, 2023, вложили предметы и фактуры, объединили их белой поверхностью, на которой незаметно всплывают студенческие фразы и мемы, отзеркаливающие их собственный внутренний мир в масштабе коллективной инсталляции.

Динамика экспозиции иногда останавливается, делая паузу безмятежности и тишины, неторопливо играя масляными мазками спокойного цвета:

ВЕЧЕРНИЙ ЭТЮД, 2023, Анастасия Попова
(холст, масло)

Триптих МОТЫЛЬКИ, 2023, Кристина Овсянкина (холст, акрил). Эти полотна – портал в мистику и символизм под тяжестью ночного августовского неба и россыпью алмазных звёзд, фигурами людей, контрастными потоками электричества из окон в деревне Аныб. Будто в глубокую тишину громко врезаются искры природного и синтетического освещения под тихий звук насекомых и суеты полудночников.

ОСЕННИЙ ЯГ, 2022, Анастасия Юрьева (шамот, глазури)

Скользкий глянец глазурей, текущие следы пигментов обволакивают устойчивые формы ваз, приманивая взгляд зрителя, заставляя следить за движением на округлых поверхностях глины и восхищаться вновь древнейшим искусством керамики.

Чёрная бархатная птица повисла среди картин, напоминая о коми легенде про Золотую бабу (коми Зарни ань; коми-перм. Зарни инь) – персонаже-идоле, который переносит в языческое время поклонения сверхъестественной силе.

ЗАРНИ АНЬ, 2023, Анна Сажина
(бархат, стеклярус).

Фактурный СЛЕД ВÖРСЫ, 2021 Анастасии Юрьевой (глина, ангобы, глазури, ямный обжиг раку, мох) переливается бурыми оттенками в сочетании со мхом, напоминая о таёжных мифах.

Яро расцветают ягоды, цветы и плоды, усыпанные бисером и стежками, искушают зрителя внимательно рассматривать вышивки Натальи Ширяевой РАСЦВЕТАЙ, ЦВЕТ НОЧИ и ЗОЛОТАЯ ПЕСНЬ, 2023 (вышивка, хлопок). Народные мотивы – всегда вне времени, цветут и сияют в работах современных авторов.

Сегодня мир не может существовать без медиапроизводства, и молодые художники охотно откликаются на современные способы творчества. Наталья Ширяева – уникальный автор и педагог в направлении анимации. На выставке представлена анимация НИ СВЕТ НИ ЗАРЯ, 2021, которая пронизывает через проектор объекты экспозиции, отбрасывая движущиеся тени в пространстве. Зрители, проходя через зал, становятся участниками художественных событий.

Работа БЕЛЫЙ ЦВЕТОК, 2023 Юлии Вакушкиной напечатана на большом полотне ткани, такой современный художественный подход делает её полноценным интерьерным объектом.

Серия работ МОЙ САД: АМАРАНТЫ, 2022 и ГОРОХ, 2022 (бумага, акварель) Анастасии Исаковой написана акварелью в многослойной реалистичной технике, отображающей детализированное восхищение ботаникой.

Дарья Александрова пишет в технике «алла прима», поэтому работы кажутся воздушными, прозрачными, романтическими. УТРО ЯБЛОЧНОГО СПАСА, 2023 (бумага, акварель) и СВЯТО-ТРОИЦКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ. МУРОМ, 2023 (бумага, акварель).

ЗЕМЛЯ КОЧЕВНИКОВ, 2023 Софьи Хапиной (бумага, акварель, пастель) передаёт дух и свободу кочевых народов.

СБОР УРОЖАЯ ГРАНАТОВ, 2022 Софьи Хапиной (бумага, акварель) – это собирательный образ Востока, Великого шёлкового пути, караваны верблюдов, фигуры женщин в национальных одеждах.

Льняное платье ПЕРВЫЙ СНЕГ, 2021 (лён, хлопок, шитьё, вышивка) Агнии Шаньгиной вышито по знакомым народным мотивам, словно узоры с прялок и сундучков перекочевали на ткань, кружась в медленном танце с рукавов на подол.

Дико-розовый мольберт демонстрирует СКЕТЧБУК Татьяны Вылегжаниной как самый трендовый формат современного искусства, как книга-дневник с личными секретами, страшилками и чудесами. Каждому можно полистать страницы, быстро «прочитать автора».

Под стеклянную витрину спрятан ШЕВА Натальи Павлицкой. Шева – мифологическое воплощение порчи у народов коми в виде различных животных и предметов. В Ижмо-Печорском крае шеву называют «лишинкой», на Удоре – «икотка». Поэтому керамический зубастый сосуд спрятан за стекло в слегка при-темнённом зале.

Инга Поповская представила серию работ ДЕКРЕТНЫЙ ФОРМАТ, 2023 (картон, смешанная техника) – множество красочных историй.

Свежая гамма гобелена Елены Волковой словно наполняет зрителя витаминами, чистым, сочным весенним колоритом: ЯСНЫЙ ДЕНЬ, 2023 (ручное ткачество, пряжа, х/б нити).

Текстильная инсталляция ручного ткачества Анастасии Белолипецких ТУМАН, 2023 и РЕКА, 2023 (полушерсть, хлопок, синтетика) взаимодействует с видеорядом на проекторе в пространстве, отбрасывая тени на посетителей.

ЭТЮД, 2023 Василия Осипова (холст, масло) написан в экспрессивной манере с натуры, яркая летняя гамма напевает о жарком дне.

ПАРА, 2023 Татьяны Лодыгиной (керамика) вызывает нежные чувства.

Завершается выставка картиной МИРАЖ, 2023 Евгения Бурцева (холст, акрил), которая ставит точку в экспозиции: чистая абстракция как эпилог, противовес насыщенности впечатлений.

Молодёжная выставка – это всегда волнительное мероприятие, начинающие творцы используют смелые приёмы и темы, пробуя остаться замеченными. Самой сложной задачей становится правильно показать каждого художника зрителю, почувствовать посыл и нужную ноту страсти в произведении. Эту задачу превосходно решила куратор выставки Кристина Овсянкина, один из самых молодых членов Союза художников.

Среди участников проекта два получателя денежных поощрений молодым творческим деятелям культуры и искусства РК 2023 года – Инга Поповская и Анастасия Юрьева. И пять кандидатов на соискание государственных стипендий Министерства культуры РФ и Правительства РФ в 2024 году: Наталья Павлицкая, Юлия Вакушкина, Анастасия Савинова, Анастасия Юрьева, Инга Поповская.

Кроме того, три автора параллельно участвовали во Всероссийской выставке молодых художников регионов России в Москве (выставочные залы СХ, Новая Третьяковка): Анастасия Белолипецких, Юлия Тчанникова и Анастасия Юрьева – дипломант выставки.

Выставка проводится Коми региональным отделением Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России» при поддержке Министерства культуры и архивного дела Республики Коми.

Анна Сажина.

*Фото: Кристина Овсянкина,
Юрий Бодрихин.*

Анна
БАЖЕНОВА

Анна Александровна Баженова родилась в г. Сыктывкаре в 1985 году. Окончила филологический факультет Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Более 16 лет проработала в отделе информации филиала ГРДНТ им. В. Д. Поленова «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации». Член Коми регионального отделения Гильдии межэтнической журналистики, член Общественного совета Министерства национальной политики Республики Коми.

Северные сказания Николая Фомина

Работы художника Николая Фомина многие могут знать по книгам «Сказки народов Севера», «Атлас животных», «Зов предков» Джека Лондона, «Колёса фортуны» Герберта Уэллса и ещё несколькими десятками других. Свой стиль график и живописец называет наивно-романтическим реализмом с элементами модерна, а о себе скромно говорит: «Я вырос на Урале и хороших книжных иллюстрациях».

Родился Николай в посёлке Горном Свердловской области. С раннего детства любил рисовать и как настоящий сын охотника обожал наблюдать за природой, растительным и животным царством. Благо, из окон дома открывалась прекрасная панорама Уральского хребта. Когда отец приносил из леса зайцев, глухарей, тетеревов и рябчиков, мальчик с огромным любопытством исследовал их шерсть, перья, глаза, клювы и – вдыхал удивительный запах дичи и леса. Спустя годы на его полотнах мы встретим детально отрисованных птиц, зверей и лес, где отчётливо видна каждая травинка и листок. Позже отец приобщил юного Николая к охоте, рыбалке и сбору дикоросов, что в дальнейшем стало его любимым занятием на каникулах и в отпуске.

Ещё одно хобби, повлиявшее на его творческую судьбу, – чтение книг. Сначала маленькому Коле читали родители, в основном сказки северных народов, украшенные яркими рисунками, которые он любил подолгу рассматривать. Потом был период увлечения книгами, проиллюстрированными художниками Вадимом Горбатовым и Геннадием Павлишиным, стилю которых ему так хотелось подражать.

Надо сказать, что интерес к этнографии подпитывали и советские мультфильмы о народах нашей страны, и поездки с отцом на его родину в Вагайский район Тюменской области, где исторически проживали обские угры, чьи предметы культуры и быта он также изучал в Тобольском краеведческом музее-заповеднике.

Трусливый старик, 2019
Иллюстрация к саамской сказке
для книги «Сказки народов Севера».

Хозяин ветров, 2019
Иллюстрация к ненецкой сказке
для книги «Сказки народов Севера».

Мансийская девушка с оленем, 2006
Иллюстрация к набору открыток.

Мансийские дети, 2006

Иллюстрация к набору открыток.

Охотница с финской лайкой, 2018

В основе сюжета – собирательный образ современной северной охотницы на тетеревов в сопровождении верной лайки.

Карельского кантеле звуки печальные..., 2006

Портретный образ художник взял со своей знакомой девушки, уроженки г. Петрозаводска.

Девушка манси и собака Ханси, 2018

Сюжет возник благодаря поездке в мансийские посёлки. Своим собакам манси часто дают кличку Ханси, что означает «красивый».

Кеты. Белая рыба, 2017

Иллюстрация к книге Т. Розмановой «Слова далёкие и близкие». На полотне изображено, как кеты продают нельму русскому купцу.

Нарты, 2006

Иллюстрация к набору открыток.

Ненецкий аргиш, 2020

Художника очень умиляют ненецкие пастушьи лайки, поэтому он ввёл в сюжет несколько этих лохматых помощников.

Семён Никитич Ермаков, 2005

Три рисунка о семье Ермаковых созданы после поездки на родовые угодья хантов под г. Когалымом.

Алёна и Капитолина Романовна Ермаковы, 2005

К. Р. Ермакова – мастер по пошиву традиционной хантыйской одежды.

Зойкин любимец, 2005

Любимец Зои Ермаковой – олень.

Вепсская девочка, 2007

Рисунок создан под впечатлением от фотографии участниц вепсского фольклорного коллектива.

Селькупы. На промысле, 2014

Эту работу художнику заказала женщина в память о годах, проведённых в Ямало-Ненецком автономном округе, на реке Таз, где исторически проживают селькупы.

Ханты. Купальницы, 2015

Купальница – один из любимых цветов Н. Фомина.

На рисунке хантыйские дети веселятся среди цветов, играя в «оленя».

За кедровыми орехами, 2015

Иллюстрация к сказке «Идэ» для книги «Сказки народа ханты».

В летнем чуме, 2015

Иллюстрация к сказке «Хвастуны»
для книги «Сказки народа ханты».

Непрошенная гостья, 2015

Иллюстрация к сказке «Маченкат»
для книги «Сказки народа ханты».

Превращение медведицы, 2015

Иллюстрация к сказке «Маченкат»
для книги «Сказки народа ханты».

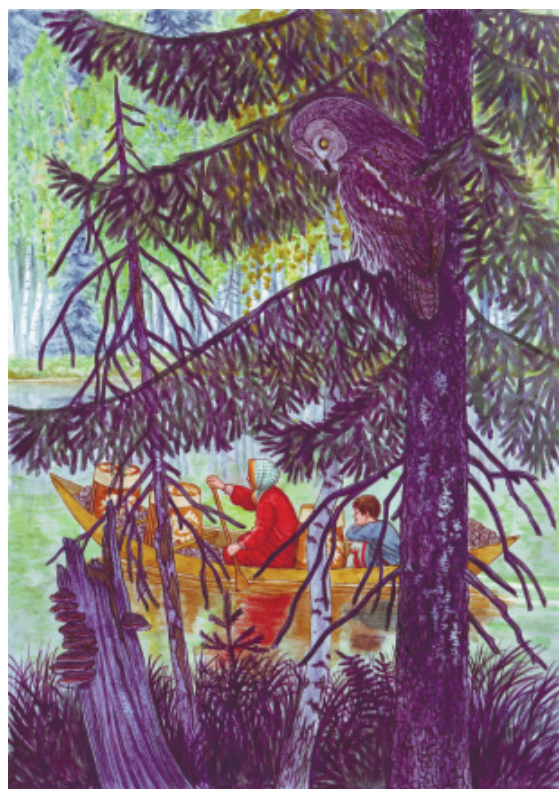
Ночные страхи, 2015

Иллюстрация к сказке «Толстый Колькет»
для книги «Сказки народа ханты».

Хозяйство Колькета, 2015

Иллюстрация к сказке «Толстый Колькет» для книги «Сказки народа ханты».

Возвращение домой, 2015

Иллюстрация к сказке «Толстый Колькет» для книги «Сказки народа ханты».

Совет старика, 2015

Иллюстрация к сказке «Толстый Колькет» для книги «Сказки народа ханты».

Обласок. Колькет пытается грести, 2015

Иллюстрация к сказке «Толстый Колькет» для книги «Сказки народа ханты».

Праздник, 2015

Иллюстрация к сказке «Толстый Колькет» для книги «Сказки народа ханты».

Мудрая бабушка оставила внука, 2015

Иллюстрация к сказке «Идэ» для книги «Сказки народа ханты».

Воля богов, 2009
Обложка к роману М. Косарева
«В поисках Великой Венгрии».

На перепутье миров, 2010
Обложка к роману М. Косарева
«В поисках Великой Венгрии».

Фронтиспис (иллюстрация на левой стороне разворотного титульного листа)
к роману М. Косарева «В поисках Великой Венгрии», 2009.

А с 7-го класса в его сердце зародилась мечта – стать... охотоведом. И она исполнилась – он получил высшее образование в Кировском сельскохозяйственном институте на факультете биологии-охотоведения. И затем более 5 лет посвятил служению природе: работал помощником лесничего на Карельском перешейке, живя в настоящей деревенской избе у самого берега Ладоги. Позже стал участвовать в качестве переводчика в экспедициях по Сибири и Северному Уралу, попутно изучая историю местных народов.

Всё это время Николай не оставлял рисование: ни на учёбе, где испещрял графикой традиционные листы, ни после – на службе, сутками наблюдая за лесными и озёрными обитателями. Художник уверен, что у животных есть свои поведенческие особенности, которые можно сравнить с человеческими сторонами характера. Так, на картинах Николая оживают хитрая лисица, весёлый трудяга-бобр, любопытный бродяга-соболь. Медведь – беспечный и бесцеремонный «ревизор», в одной ситуации может стать трусом, а в другой – опасным убийцей. Глухарь, во многом благодаря бородке из перьев под клювом, видится бодрым и умудрённым стариком. Заяц же, вопреки сложившемуся сказочному амплу, не боязливый, а внимательный и осторожный бегун и маскировщик. В волчьей стае у каждого – свой индивидуальный характер – от властного лидера до подхалима. Всё это автор отображает в своих работах, пытаясь придать эмоции, казалось бы, неэмоциональным обитателям пармы.

Далее был период жизни в Санкт-Петербурге, Великом Новгороде и Москве. И – возвращение на Урал. В Екатеринбурге Николай получил полезный опыт работы в студии творческой таксидермии, где обучился азам скульптуры, постановки верной композиции, опробовал в деле акрил и масло.

Примерно с 2007 года он серьёзно погрузился в создание книжных иллюстраций. И здесь художник остался верен себе, отдавая предпочтение этнографическим и историческим книгам. Большая их часть посвящена Северу и народам его населяющим: карелам, саамам, манси, ханты, ненцам, селькупам... «Любой из народов я ассоциирую, прежде всего, со средой его обитания, отличающейся непростыми природно-климатическими условиями, к которым исторически приспособились финно-угорские и самодийские народы и создали свою материальную и духовную культуру. Видимо, эта культурно-историческая общность вкупе с одинаковыми способами выживания сохранила схожесть характеров, выраженную в спокойном и размеренном, в то же время бодром и своевременном противостоянии среде, точнее, гармоничном существовании в ней», – утверждает Николай. Для него суровый климат и сильный характер народов – и есть то самое сердце Севера, его тайна, которую многие безуспешно пытаются постичь.

К каждой своей новой работе художник тщательно готовится: изучает этнографические и исторические сведения об одежде, архитектуре, предметах быта и прочих артефактах эпохи. И если при изображении сказочных героев ещё можно симпровизировать и сочинить детали, то в отношении реальных исторических персонажей необходимо сохранить полную достоверность их облика и окружения. Иногда помогают сами заказчики, например, археологи или этнографы, предоставляя описательные материалы.

Творчество Николая Фомина известно, пожалуй, всем регионам нашей страны. У Республики Коми – особая история знакомства с ним, во многом благодаря сотрудничеству с филиалом ГРДНТ им. В. Д. Поленова «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации». С 2007 года в выставочный фонд Центра входит коллекция его работ «Природа и народы», на полотнах которой изображены прекрасные девушки в окружении флоры и фауны. По мнению автора, красота женского начала неотделима от природной стихии.

Вторая выставка Николая Дмитриевича в фонде учреждения появилась в 2023 году. На основе его фотоиллюстраций к книге «Сказки народа ханты» и художественных работ разных лет Финно-угорский центр сформировал галерею «Страницы северных сказаний», которая успешно экспонировалась не только в Коми, но и в Венгрии.

Художник пребывает в постоянном поиске и обретении вдохновения. Как правило, он работает одновременно над рядом проектов, и в его мастерской стоят сразу несколько мольбертов, а точнее, досок с наклеенной акварельной бумагой. И сегодня под кистью и карандашом художника рождаются иллюстрации к роману Софьи Радзиевской «Остров мужества» о жизни четырёх поморов на одном из островов архипелага Шпицберген. Оживают сказы лесного Заволжья Ирины Дружаевой и герои повести Надежды Кузнецовой «Тайны сарматов» об участии трёх юных друзей в археологических исследованиях в оренбургских степях. Тут же обретают свой облик сказки, мифы и предания тунгусо-маньчжурских народов, и у научного издания Нерчинского краеведческого музея о Забайкальском походе Петра Бекетова в XVII веке появляется неповторимое обрамление.

Николай признаётся, что он давно вынашивает идеи сюжетов и образов к серии книг о жизни и традиционных занятиях манси. В скором будущем их предстоит воплотить, как и реконструировать на бумаге одежду и предметы быта финно-угорских племён IX–X веков. А ещё Николай мечтает проиллюстрировать произведения о первобытных людях и природе древнейшей эпохи – первоистоках нашего многогранного и загадочного мира. Идей немало – значит, мольберты ещё долго не будут пустовать...

**ТОМ
ГИЖЫСЬЯСЛӨН
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖУРНАЛ**

2023 воын Коми гижысь котыр Национальной политика министерствокöд öтув нуöдiс «Виль нимъяс» конкурс. Та пöрийö сийöс сиисны Коми Республикаса народнöй поэт Альберт Ванеевлы. Кывкöртöдсö вöли вöчöма ноябр 28 лунö. Вермысьясөн лоины Александр Логинов, Удора районса Косланса школаын 6 «Б» классын велöдчысь (10-14 арöса пöвстын), да Анастасия Ракина, Луздор районса Абъячойса школаын 11 «Б» классын велöдчысь (15-30 арöса пöвстын).

Конкурсö пырöдчис вель уна школа. Медся уна удж воис Луздор, Кöрткерöс, Кулöмдiн районъясысь.

Окота пасйыны, кутшöм лöсьыда уджалöма челядьыскöд Кулöмдiн районса Пожöгса школаын велöдысь Елена Александровна Игнатова. Буретш сылөн велöдчысь – Мария Напалкова – босьтiс коми гижысь Александр Ульяновлысь премия, кодöс сетiсны «Виль нимъяслы» кывкöртöд вöчигөн. Чолöмалам Марияöс и Елена Александровнаöс татшöм бур тшупöдөн да сиам сьölöм шызьöдана виль вермöмъяс.

Пожöгса челядьлөн висьтъяс

Видза оланнöд, дона лыддьысьысьяс. Тайö номерын тiян водзын асланыс ичöтик гижöдъясөн петкöдчасны Кулöмдiн районса Пожöг шöр школаын велöдчысьяс. Меным кыдзи коми кыв да литература велöдысьлы зэв нимкодъ. Тайö Эжва йывса сиктас чужисны да быдмисны сэтшöм тöдчана коми гижысьяс, кыдзи Сандрик Микол да Сандрик Ёгор, Пётр да Борис Шахов вокъяс, Александр Лужинов да Александр Шебырев.

Ме оз вермы шуны, лоас-ö кодкö тайö нывкаяс да зонкаяс пöвстысь гижысьён. Мед сöмын чужан кыв да чужан му, бать-мам да рöдвуж пыдди пуктысьён быдмасын, колана туй олöмас бöръясны. Коми нога олöмсö став вир сөннас кылысь бать-мамныслы муöдзыс копыр. Талунъя лун кежлö, Ен сывкöд, став велöдчысьыс на коми кывсö кыдзи чужан кыв велöдöны. Эз на уна бать-мам мукöд сиктса школаын моз государственнöй вылö нывпинысö вуджöдны. Сидзкö, позьö на кутны лача, мый аския луныс чужан кывнымлөн лоö сöдз.

Мед сидзи и лоö дай.

Оз прöста шуны, мый чужан кывйыд – мам. Тайö кывтöгыс тэнад зыбка дорын эськö мича баййöдлан сьылантö эз нургыны, мöд кыв вылын некод тэнö СЬÖЛÖМШÖРÖН да РОЧАКАНЬÖН, ЗАРНИ ПИÖН да ЗÖЛÖТÖЯ ГÖРÄÖН, ШÖВКТУГЙÖН, ДИТЮКÖН, ОЗТУСЬÖН, МУСПОЗЙÖН оз шу. Абу татшöм бабитан-лелькуйтанаыс некутшöм мукöд кывйын. А миянэм. Да нöшта мыйта на шоныдыс сэнi, ас кывъяд. Нимкодъясь мамнад и ас чужан кывнад. Эн янав наысь, эн мышнад бергöдчы. Оз на, майбыр, юрид усь.

Мамыд свет вылас öти, и чужан кывйыд öти жö. Сöмын öти...

**Елена Александровна Игнатова,
Кулöмдiн районса Пожöгса школаын
коми кыв да литература велöдысь**

Пушкыр бөжкөд аддысылөм

висьт

Асылыс койыштіс мусө еджыд бисерөн. Васьө чеччыштіс крөватъысь. Мыйлакө сылы окота лои видзөдчышты паччөр өшиньө. Рытнас асьтө аддзан тайө өшиньсьыс, быттө рөмпөштанысь. А өні асыв, шонді нин куньтырасьө, синтө ёрө. Но коді пывсян потшөс дорас гоньялө? Колөкө, суседъяслөн понйыс? Сійө кузь кока. А пашкыр бөжсө труба моз зэвтөма. Васьөлөн батыс коркө висьтавліс, мый тадзисө вөчө руч. Горт дорысь асывнад ручтө аддыны ой-ей дивө да тешкодъ.

Детинка өдйө лэччис джоджө, курткасө весиг эз кизяв. Порог дорысь мамыслысь гын сапөгсө и көмаліс. Друг пашкыр бөжыд пышъяс.

Васьө кыйөдчө керка сайсянь. Видзөдө, видзөдө, но гөгөрвоны оз вермы, мый вөчө ручыс. Колөкө, курөгъяссө көсйө сёйны гидсьыс. Жугөдас өдзөссө да и пырас.

Васьө өдйө бөр пырис гортас. Мам-батыс зэв на чөскыда узьоны. Батыс би югөрсъыс весиг мөдарө бергөдчис. Таяс помысь пө отсөг оз ло! Аслым пө ковмас ручтө йөйтөдлыны.

Васьө пыраліс холодильникас да чегис ыджыд калбас тор. Матыстчыны пө кута да, өдйө на и пышъяс вөрад, весиг калбассө шыбитны ог удит.

Руч казяліс зонкатө да кутіс зэв тешкодъ тяззыны. Колөкө, Васьөлы повзьөмысла тадзи кажитчис. Шыбитіс калбастө. Руч кватитіс сійөс да горша сёйис, тэрмасьтөг бергөдчис вөрлань. Бөрсянныс мыччысис ручпи. Вөлөмкө, сійө дзебсясьөма мам кынөм улас.

Зонкалы лои жаль, мый эз гөститөд ручлысь кагасө. Сулаліс да тілис синсө. Сэсся дыр шенасис кинас, быттө зэв бур ёрт мунөма.

Анна Игнатова, 8 класс

Муслун Тайө али абу?

висьт

– Вадим, кодлыкө Вадя либө Вадьө. А вот сылы ме некод. Прөста морт, кодкөд мунігад позьө сёысь паныдасыны да весиг не казявны, – тадзи мөвпаліс дас вит арөса зон. Пукаліс өшинь дорын юрлөс вылын да видзөдіс сідз шусяна суперлуніе. Төлысьыс енэжас тасьті кодъ паськыд, быттө былькнитөма енэж шөрас, мед чуймөдны ставнысө. Мича, дерт, абу быдлунъя серпас. Позьө снимайтны да пуктыны аслас лист бокө, мед и мукөд аддзывласны. Но Вадим абу блогер кутшөмкө. Мед асьныс ывлаас петавласны, көсйөны кө аддзывны мыйкө, а оз телепонын пукавны. Быдлаын тай гижөны, татшөм лунъясас пө позьө көсйөмтө гусьөн висьтавны – збыльмас. Но пинясьны да вензьыны пө оз позь. Вадим эз и вензьы некодкөд. Оз и радейт вензьөмсө. Но а көсйөмьд! Эк!

Батыс кө аддзис Вадя писө татысь, шуис эськө, жугалөмьд пө тай, Вадьө. Жугалөмьд! Жугалөмьд – батыс ног торксьөмьд, мыйкө тэкөд неладнө. Позьө шуны, сигнал SOS! Некод на эз аддзыв сійөс енэжө чатөртчөмөн. Вадимлы мед эськө лыжиөн котралөма, ёртъясыскөд футболысь ворсөма. А вокыс кө казялас, серавны кутас. Бара на эськө

кутшөмкө виль кыв мөвпыштас нимтысян ним пыдди. Но ладнө, кытчөкө мунөма да абу гортас ичөт вокыс. Дарөм дзояджык ачыс, а кывйыс өд бритва кодь лэчыд мыйлакө.

Өшинь сайын лэччисны ки пыдөс пасьта лым чиръяс. Сөмын зон быттьө оз казяв найөс. Быттьө сквөзь видзөдө кытчөкө да вашъялө небыдика. Мыйлакө лым чир пыдди вальсын бергалө кузь көсаяса гөрд юрсиа нывка. Наян синнас быттьө сідзи и кыйкнитлө Вадимлань да лапнитлө читкыртчывлөмөн. Но мый пө, Вадим, йөктам?! Кутшөм йөктөм вермас лоны, кор өні на весиг мөвпыштөмсьыс пель йылөдзыс пөсявліс?! Оз куж сійө йөктынысө, некор весиг эз видлы. А йөз водзын да этайө нылыскөд? Кулан да он ло некор.

Шутитө, дерт, Вадя вылын кузь көсаа нывкаыс. Сылы нө мый не шутитны? Савакөд сійө кокниа бергалө вальсын. Са-ва-көд!!! Ёртъясыс эськө шуоны, рыжөй нылыд пө абу мича. Чужөм тырыс пө берин пызйөма. Вадим шуө, точнө пө! Точнө. Дзик некутшөм мичлун абу.

Эк! А мыйлакө тай сөмын тайө нывкаыслөн гөгрөс чужөмыс бара локтіс син водзас.

И школаын урок дырйи сэтчань видзөдсьө.

Ылалас да, «2» на пуктывлөны весиг.

Видзөдлас кө эськө, сьөлөмыд кок чунь йылөдзыд нин волас да.

Муслун пө тайө, интернетыс коркө лыддьывліс. Муслун пө, йөйталөны али мый йөзыс. Сөрөны толькө.

Вом дорыс тай сөмын Вадимлөн эз кывзысь, вөрис шытөг, быттьө сёрнитіс:

– Ме көсья аддзывны сійөс. Ёна-ёна.

Зон бергөдчывліс да казяліс мыш саяс сулалысь воксө.

– Эк, эз гөгрөвоны менсьым корөмөс выліас, эз кывны, эг өд вокөс ме корлы татчө локны, а рыжөй көсаа нывкасө виччыси думысь. Некод оз гөгрөво.

Зон чеччыштіс өшиньдорса юрлөс вылысь да вошис пемыдас.

А енэжын нюмъяліс тасьті кодь төлысь.

Софья Кучева, 5 класс

Ракаяс

висьт

Му вылө шлөпкысис-усис еджыд пася төв. Быттьө петөма ворсны да вильснитөма няйт пася ар вылө. Тупкөма сійөс да нюмъялө. Ме пө тэнө верми.

Тадзи думайтіс Анжелика, коді сөмын на чеччөма вольпасысь да ырскө-юө чай. Сійө зэв вильыш да збой нывка. Век ставсө вөчө ас ногыс. Весиг чайсө юө гораа, мед ставныс кыласны, мый сійө оз нин узы! А то вокыс бара шуас, тэ пө дыш лодыр, а абу Анжелика. Век пө лун шөрнас чеччан, мед этшаджык удитан уджавнытө.

Нывка чай юис, да рушку брун лои. Тадзи пөчыс шуө. Матыстчис өшинь дорө да кутіс гизыны-серавны.

Дзик өшинь улас жлеч бабаяс моз тшетшкисны-пинясисны кык сьөд рака. Анжелика уськөдчис на дорө. Мый пө и юкөны тайө сьөд юръясыс?

А-а-а! Вот мый таяс вёлөм вөчөны! Анжеликалысь гөрд ведрасө да зырсө нетшкөны отарө-мөдарө. И нывка кутіс ворсны, быттьө передача нуөдө, вуджөдны налысь варгөмсө морт кыв вылө, быттьө гөгөрвоө налысь тшетшкөмсө.

– Вай, мися, колөкө!

– Менам, менам!

– Тэ горш! Асьтө сөмын думайтан...

– Кокышта вед съөд юрад!

– А ме тэнө мамөлы висьтала...

Сэсся кык кравзысьыд пуксисны орччөн да вунөдісны, мый и юкөны вөлі.

Анжеликалөн серамыс кутіс петны. Найө воыскөд век жө тадзи тышкасьлөны. Сэсся бурасьоны.

– Сідзкө, ми ракаяс жө воккөд, кор мыйкө юкам. Кык сямтөм рака.

Анжеликалы мыйлакө лои яндзим. Довгис гортас. Сэні воыс виччысьө. Медся вильыш, но муса воыс.

Лариса Шахова, 9 класс

Вөр-ватө кылөмыд – чунь помад

висьт

Пукала лөня кывтысь Эжва ю бокын да мөвпала. Коді ме аслам чужанінын?

Ки мыш вылө пуксьывліс бобув да рытья чөвлунсө эз торк. Ачyd пө думышт. А со век-ныыдик шор, кодлөн менам моз жө эм аслас ним. И сійө нинөм жө эз вочавидз менам юалөм вылө. Сылөн аслас удж да мог эм. Менам аслам юр эм пельпом вылын.

Шыяс. Ме, гашкө, артми йөлөга шыысь? Сійөс кывла вөрө ветлігөн. Бать горөдас миян-лы:

– О-о-о!

Йөлөга быттьө нерас батьөос бөрсяныыс. Он пө вошөй Югыдсинмаад. Косяланныд пө лөньсө асланыд горзөмөн, энө ёна шумитөй. Вотчыны кө локтінныд, вотчөй. Вөрад пө гусьон колө ветлыны.

Ме и чирклысь сьылөмсө пытшкөсө кыски. Чирклысь төчитчөм шысө малышта лолөн. Сигудөк шыа сійө. Чайтанныд, оз шед шыыс киад, абу өд ловъятор? А ме вот кыя да и нуа аскөд гортө козин пыдди, топөда морөс бердө да.

Чужан муөс ме кыла и батьлөн вайөм арся кыйдөсын. Съөла! Первой ыджыд батьөй ноп тыр кыскас вөлі, өні батьөй. Сөмын нопйыс мыйлакө ёна ичөтджык ыджыд батьлөн до-рысь лоөма. Чинөма пө пөткаыс, бырны кутөма. А вот дуыс и көрыс өткодьөсь. Малала кыйөм пөткасө гөнөдыс да кыла вошөм шоныдсө чуньяс улын. Аттьөала думысь, мый чөсмөдлөны миянөс пөтка яя шыдөн. А дуыс! Пөтка яя шыдлөн дуыс сэтшөм төдса да дона овлө. Дультө петкөдас весиг!

Окотапырысь ветла ельдөгла. Кутшөмкө аслыспөлөс еджыд сійө. Дзебсьөма кос коръ-яс пөвстө. Ку-ку! Корсяла найөс, быттьө партизанъясөс. Пуктала чуманө. И весиг чуман-сьыс өвтыштө чөскыд тшак дукөн. Дивө-ө-ө! Дерт, вөр-ваыд кылө жө пыригад шыөдчөмтө: «Чолөм-здорово, парма вөрөй! Тыр да эн төр!» Мукөддырйиыс мөвпыштан, эк, мися, ельдөг кө эськө аддзыны! Недыр мысти и быйкнитас кок улад. Но босьт пө, корин кө.

Ветлөдлан, снимайтан, мый син улад усьө. Нитшялөм мырйыс со сюра-пеля мути кодь. Пуыс кусыньтчөма, быттьө ворота артмөдөма. Öти мыр джуджыдджык, орччаыс ляпкыд.

Ув босьтан да, быттьо пызан сайын письмө гижан сүмөд ыло. Фантазируйтан.

Вөр-ва мичлун йылысь эськө оз ков гижны да. Сэтчө колө ветлыны. Олыштны. Кывзыштны да лолыштны. Аттьоалан кывъяс висътавны гусьоник. Мед мөдысь на корлас. Вөрса ни Васа оз повзьодны некор, он кө ачыл вывтiась. Тадзи олөма йөзыд шуоны миян рөдын.

Босьтöй чумантö да петаламöй орчча вöрас. Таво арыс кузь. Арыс озыр. Ме тай мөдөдчи-а. Суөдöй!

Кирилл Чисталёв, 5 класс

Валяй

висът

Ме зэв сюсь да збой морт. Нинөмысь ог пов. Мыйысь ог пов? Черанысь ог пов весиг. Буско понйысь ог жö пов. Мый повнысö, сийö неважөн на чужис да?

Мамö сiдз жö шуö, тэ пö молодец. Кывйыдла пö зептад он пырав. Мися, кутшöм зептö пыра, ачыл нарошнö вурыштiн да, мед некутшöм чача сэтчö ог суй да школаын урок дыр-йи ог ворс. Ачыс вурыштiс зептöс да, вунөдöма, буракö.

Вокöй дзик жö сэтшöм. Валя вок. Ставныс Валерийөн шуоны, а сийö миян – Валя. Валяй – бурджык шуны. Век мыйкö вильтор думыштас, а тэ вöч. Ыджыд воктö пö колö кывзыны. Кывза ме сийöс!

Талун шуис, закаляйтчам пö. Көмтöг көдзыд арся лысва кузя котöртам. Öдвa и вои кильчöөдз. Сэсся паччöрö кайи, да пиньöй зяткö вöлi весиг.

А Валяй вокыд абу кынмöма. Садьмөдiс менö. Чеччы пö вай, водзö на колö ордйысьны.

Петiм ывлаö. Лэптiс ыджыд ведра тыр көдзыд ва да бузнитiс вылысас. Мыйлакö дыр кeжлö лöньлiс да кильчö бокö кутчысьлiс. Юрсö пыркöдыштiс, мырдөн нюмдiс. Бара шуö:

– Валяй, дзоля вок! Ме тай эг повзьи.

Валяйтö сылы лöсьыд шуны. Ме эськö и пола көдзыд васьыд, но Валяйлы ог петкөдлы полөмөс. Абу вөд небыд нямөд кутшөмкө.

Ме син куни, пыдiсянь лолыштi да бузги юр ыло йиа ватö. Ой, мамö-ö-ö! А-а-а! Ме ризъяла öшинь увтi да шонтыся бара. Валяй юрнас довкйөдлö. Держись пö, братан! Нарошнö рочасьö, менö тешитны окота да.

Мөд луннас Валяйöс закаляйтчöмьд вольпасьö лякис.

Мамö перйис сылы öмидза варенньö. Оз тöд, көнi кынтысьöма ыджыд пиыс. Висьтала кө эськö, вöсни ньöр на пыртас да. Вот тэныд пö лекарство. На! Висьтала али ог эськö? Висьтала али ог?!

Бөбъяс йылысь висьтъяс эмось уна войтырлөн. Сэні геройясөн пырджык петкөдчöны кутшöмкö збыльнöй сикт-карысь йöз, кодъяскöд век лоöма кутшöмкö тешкодътор либö лёктор.

Татшöм грездыс – Киндасово – эм и Карелияын. Киндасовоса йöз йылысь уна мойд висьтавлöны Пряжаса да Олонец районъясын. Та дырйи быд мойд помын висьталысьыс содтö: «Эз вöвны киндасовосаясыс татшöмөн, эз вöвны! Йöз дай йöз! Тайö сөрöмаось на йылысь!»

КИНДАСОВОСА БАЙКАЯС

Панас

Збыльысь татшöмыс вöлöма либö абу, а пöрысь йöз висьтавлöны, важ кадö Киндасово грездын пö овлöмаось аслыспөлöс йöз.

Овлöмаось найö бура: гөрлöмаось-көдзлöмаось, нянь быдтылöмаось, керкаяс кыпöдлöмаось, чери кыйлöмаось, вöравны ветлывлöмаось. Сöмын вöлöма налөн öти шог: эз тöдны, кор кутшöм уджö босътчыны. А орчча грездöдз, Пряжаöдз, насянь дас öти верст. Кадысь кадö и котралöмаось Пряжаö тöдмавны, мый нин сэні вöчöны.

Тулысладорыс аддзасны, мый пряжаса мужикъяс пес кералöны, и найö тшöтш жö мöдасны пес керавны – вöрас рутш-ратш сöмын кылö. И öд тулысбыд пес вöчасны, некыдз сувтны оз вермыны. А мыйöн сувтасны, бара нин кодкö томджык да тэрыбджык Пряжаö котöртö, мый пö сэні керöны-а. Та бöрын сэсся петасны гөрны да көдзны, либö турун ытшкыны.

Пряжаса мужикъяс, овлö, и шмонитасны киндасовоса вылын, и мöдъясыс тшöкыда рöсплокö веськаласны вöлі. Но киндасовоса эз кужны дырсö дузъявны да коркö кад бара нин Пряжаö мунлісны...

Дона куяс

Тöвнас тайö вöлöма. Мöдас киндасовоса мужик Пряжаö гөститны. А мукöдыс велөдöны сійöс, тöдмав пö, мый Пряжаас вöчöны. (Быд пöрийö мунны тайö могнас яндзим. Пряжаын серавласны).

Локтас мужикыд Пряжаö, а сэні öти көзяин кулöм вöвсö кульö. Киндасовоса шуö:

– Ен да бур удж!

– Бур уджыд ладмас быдлаö, – вочавидзö мöдыс.

Гöсьтыд юасьö, оз вермы кутчысьны да:

– Мый нö тэ, – шуö, – тöвнас начкин вöвтö?

– Вöв куяс вылö, – вочавидзö мöдыс, – Петрозаводскын таво доныс ок и ыджыд. Öти ку вузалан – дас вöв шедас. Миян пöшти ставныс вöвъяссö начкисны.

Мужикыд пырысьтöм-пыр и кырссяс гортас (некор гөститны!). Воас – вöвсö начкас, кусö кульö, мукöдыслы весиг некор висьтавнысö. Локтасны грездсьыс став мужикыс.

– Мый нö сэн аддзылін? – юасьöны.

– Пряжаын, – шуö, – вöвъясöс начкöны, Петрозаводскын куяс зэв дона лоöма. Со тай начки ассьым вöлöс, ветла, кусö вузала – ньöба некымын вöлöс!

Мужикъяс сюв-сяв котöртисны гортаныс, став вöвсö начкисны. Пуксис тулыс, а грездын ни öти вöв абу, гөрны некыдзи... Сійö тулыснас мöсьясөн гөрисны.

Кыдзи зөр көдзисны

Отчид тулыснас киндасовосакөд татшөмтор лоис. Ыстасны найө Пряжаө өти мортөс төдмавыны, мый сәні пряжасаыс вөчөны. Воас мортыд Пряжаө, а сәні өти мужик чарөм вылын мөдөма төлөдны көдзан зөрсө, мед ёгысь да жугысь мынтөдчыны. Киндасовоса юалө:

– Тэ зөрсө көдзан ли мый нин?

А пряжаса мужик вочавидзө:

– Миян ставөн нин көдзисны, этша кодлөн көдзтөмыс колис.

– Абу-ө водзджык?

– Абу, абу водз. Гожөмын сэсся водзджык идралам.

Мужикыд бөр бергөдчас, локтас да шуас гортас, пряжаса мужикъяс пө зөр нин көдзөмаось.

Найө тшөтш пондасны зөрсө лым вылас көдзны, да нөшта на ордйысьөны, коді зильджыка көдзас.

Көдзасны найө став зөрсө, некодлөн көйдысыс оз коль. А кыдзи лымйыс сылас, сідзи став көйдыссьө и нуас. Көйдыс ни урожай! Но и тшыгъяласны сійө воас!

Асланыс бөблун вөснаыс жө тай.

Сюмөд борд

Тадзи и шөйтисны киндасовоса мужикъяс Пряжаө. Аслыныс абу нин лөсьыд эськө, яндзим быд пөрийө Пряжаө мунны, мый нин сәні вөчөны.

Чукөртчасны коркө мужикъяс да төлкүйтөны:

– Кыдз нө өні төдмавыны, мый Пряжаын вөчөны?

Өти на пөвстысь вежөраджык вөлөма да шуө:

– А вайө кодөскө лэптам эсійө джуджыд коз пу вылас, нөрысас тай коді сулалө! Тадзи и төдмалам, мый Пряжаас вөчөны.

Сюрис артеляс сюсь мортыд, көсйысис. А козйыслөн улас ни өти ув абу, шыльыд-шыльыд. Мужикъяс мөдасны лэптыны морттө – коді майөгөн, коді беддьөн, коді мыйөн сяммө, сійөн и тувкөдөны.

Судзөдчас мужикыд увъясөдз да кавшасяс дзик йылөдзыс, а йылыс вөсни, өтарө-мөдарө лайкъялө, тайкө чегас.

Улысяньыс юалөны:

– Тыдалө оз Пряжаыс?

Вочавидзө:

– Пряжаыс эськө тыдалө, а мый вөчөны – ог аддзы.

– Но и но! Мый нө сэсся керны кутам?

И думыштасны: мөдасны сюмөдысь борд гоз вөчны, мед вывлань качөдчывны. Лэччас мужикыд, а сылы борд көрталасны, быттё лэбачлы, да шуөны:

– Мыйөн воан йылөдзыс, чеччышт да лэб – гашкө, мыйкө и аддзылан.

Тадзи и вөчас мортыд, да кыдз тай жмуткысяс увлань, и веськыда мыр вылө – весиг черлыыс вөрзяс.

Мужикъяс видзөдөны сы вылө и шуөны:

Мортыд өдвa ловйөн колис, дыр на ас выяс воис татшөм лэбалөм бөрын.

Питерө ветлөм

Төвнас чукөртчисны киндасовоса мужикъяс артельөн, шуисны ветлыны Питерө товарла. Шуисны и мөдісны. Лунтыр мунёны, асывсяныс рытөдзыс. Рытнас веськалісны кутшөмкө грездө, пырисны керкаө, кытчө туйвыв йөзыс сувтлөны. Сёрнитөны ас костаныс:

– Додь вожсө колө Питерлань бергөдны, мед асывнас ог мөдөй думайтны, кытчө мунны!

Тадзи и вөчисны. А өти зон кывліс тайө сёрнисө да шуис шмонитны на вылын. Мыйөн унмовсисны киндасовоса мужикъясыд, зонмыд став додь вожсө бергөдіс гортланыс.

Асывнас доддялісны мужикъяс вөвъяссө и мөдісны Питерө. Мунёны өти сикт дорті. Öтиыс шуө:

– Төрыт тайө сиктсө аддзылім кө нин-а?

– Этша на тэ ветлан, сійөн и шуан. Öткодь сиктыс өд уна, – вочавидзө мөдыс.

Вуджисны өти сикт, мөдөс, асланыс дорө нин матыстчөны. Со и поскыс Шуя вомөн. Öти мужик бара шуө:

– Тайө тай дзик мян пос кодь.

– Уна өткодь поскыс овлө, абу куш мян поскыс съвет пасьталаыс, – паныдалөны сійөс.

Пырисны грездө. Нөшта кымынөнкө падъявны кутісны:

– Тайө грездыс зэв ёна мян грездлань мунө. Тонө керка, – шуө өти, – сулалө, топ менам! Тайө мян грездным!

А медся асныраясыс оз сетчыны:

– Уна татшөм грездыс овлө, – шуөны, – и керкаяс овлөны өткодьөсь!

– Да тонө вадорас баба пожъясьö – кульөма-ляскөма менам гөтырөй!

– Съветас уна өткодь бабаыс!

Водзө мунёны.

А бабаыд кывлас сёрнияссө да кызди горөдас:

– Но и сямтөмъяс, но и йөйяс! Мыйла нө бөр косанныд, да нөшта на и сувтлыны он көсйөй?

Тадзи найө сэки Питерас эз и веськавны.

Йөрданын тэсь пызь

Öтчид мөдөдчасны киндасовоса мужикъяс карө тэсь пызь вузавны. Төвнас тайө вөлі. Ставсө дасьтасны и өти гажа лунө петасны туйө дас вит вөла-доддяөн. Мунасны, мунасны, кынөмныс сюмавны мөдас. Öти и шуас:

– Нуръясьны эськө колө да. Вайө мыйкө думыштлам! (А мунёны найө буретш ты вывті).

Мөд шуө:

– Тэсь пызь мян эм, тыыс орччөн. Гудралам пызьсө йөрданын.

Кисьтасны тэсь пызь мешөксө йөрданө, гудралөны беддьөн, а тэсь пызь оз сукмы, пыр кизьөр. Буракө, этша кисьтөмаөсь. Кисьтасны йөрданас нөшта өти мешөк, а тэсь пызь оз сукмы. Мый оз тырмы? Пузисны мужикъяс. Öти и шуө:

– Ветла төдмавны, кытчө тэсь пызьыс вохис!

Суныштас йорданö и ю пыдöсас лэччас. А мöдъясыс виччысьöны, йордан гөгөр сулалöны. Виччысьöны-виччысьöны, а мортыд оз тыдав ни оз шыась. Шуöны:

– Пörъяліс кө-а миянöс, муніс да став тэсь пызьсö ачыс көсйö сейны.

– Ме тшöтш ветла видзöдлыны! – шуис öти и – йорданö.

Суніс, сöмын ва гадьяс кыпалöны. И бара на некоднанныс оз локны. Нöшта öти – сэтчö жö. Тадзи ставныс и пыраласны йорданö.

А куш доддя вöвъяс косісны гортаныс. Тэсь пызътöг и йöзтöг.

Васа вежа лов

Мöдасны тулыснас кык мужик чери кыйны Шуя ю дорö. Пукалöны пыжын вугыр шатинъясөн. Видзöдöны – юöд йитор кывтö. Öтиыс и шуö:

– Тайö ваыслөн вежа лов! Коньöröй, кутшöм ёна кынмалöма! Вай босьтам сійöс пыжö!

Лэптасны пыжас и гортас мöдасны. Локтасны гортас, сөседсö корасны:

– Вежа лолöс юсьыс кыйим, но сійö ёна кынмöма!

Видзöдлас сөседыс и öтикывъяяс: колö лэптыны паччörö – шонтысьны!

Ветласны часовняö, завтракайтасны. Локтасны грездса мужикъяс, мыйсяма пö васа вежа лов сюрöма. Кутасны видзöдны – некод абу, пышйöма, буракö. Кöзяиныс шуö:

– Васа вежа лов пышйöма! Сöмын «ва» местаыс кольöма!

Чарла-көлдун

Важ кадö уна сиктын эз на кужны вундынысö, сюсö кинас нетшкисны, вужнас. Со таdzi и Киндасовоын уджалісны страдна кадö.

Öтчыд лун шөрнас ставныс разöдчисны шойччыны. Дзебсисны гож сайö, жар да. Му вылас некод эз коль. Сэті кутас тöдтöм морт мунны, сувтовкерас, казялас вужйөн нетшкөм сюсö. А сылөн сьörсьыс вöлі чарла. Босьтас чарласö, вундас сюсö, вöчас кольта, сатшкас сэтчö чарласö и мунас.

Локтасны му вылас киндасовоса, видзöдöны: мый нö тайö, и сюсö вундöма сэтшöм öтрöвнö, мичаа.

– Видзöдлöй, кутшöмкö крук тані, сійö и вундöма сюсö? – шуас öти баба.

Босьтас чарласö, пондас вундыны – кажитчас. Бур! Оз на слöймы кольтасö вöчны, кийс вундыяс. Шыбитас бабаыд чарласö.

Ставныс мöдасны ойзыны, лыддьöдлыны:

– Тайö жö көлдун, оз позь сійöс вөрöдны!

Кутасны думайтны, мый вöчны тайö көлдуныскöд. Думайтасны-думайтасны и шуасны:

– Пöдтыны сійöс колö, мöд ног сыысь оз артмы мынтöдчынысö!

Ставныс радлöны, вöйтны дасьтысьöны. Да кызди сöмын вадорöдзыс кыскыны, öд вермас кодöскö дойдны? Петан туйыс сюрис. Вайисны көв, көрталісны чарласö и му кузя берегань кыскöны. Кыскöны ставныс öтлаын, а көлдун пыксö, оз көсйы ваö: то вутшкö пысаяс, то кустö. Öдва и кыскасны. Вадорысь аддзасны ыджыд из, асыкаласны сійöс көв мöдар помнас и жмуткасны пыжö. Мöдасны витөн, ю шöрас петасны, мед көлдунсö вöйтны.

Кутасны вензъыны, коднансö водзджык шыбитны – кöлдунсö либö изсö. Öтияс шуöны:

– Кöлдунсö колö шыбитны!

– Огö, первой шыбитам изсö!

– Но, изсö шыбитам дай!

Витөн тюрöдасны изсö пыж дорышлань, шыбитасны ваö. Көвйид сы бöрся, а чарлаыд босьтас и дорышас пысаяс. Пыж кымыньтчас – став мужикыс ваö усясны.

– Збыльысь тай кöлдун вöлöма. Миянöс на кöсйö вöйтны!

Дыр курасисны ваын, öдвa-öдвa кавшасисны кыркötшö.

Виль пыж

Пондiсны киндасовоса мужикъяс пыж вурны. Гожöмыс матысмö, чери кыйны пыж колö. Сарай вылас вöчасьöны. Со и пыжыс дась, коли тöдмавны, кымын мортöс кутас.

Пуксясны дас морт – кутö, кызь – кутö. Öкмысдас морт – кутö жö. Öкмысдас öкмыс морт тюрöдчисны пыжö – ставнысö кутö! Локтiс нöшта öти мужик, сёöd – сарай матичыс сэтчö и чегис, став мужикыс увлань турбыльтчисны.

Шуöны:

– Тайö пыжыс вермас кутны öкмысдас öкмыс мортöс, унджыксö оз.

Лэдзасны тулыснас пыжсö ва вылö – став мужикыс, мынта грездас вöли, öтпырийö чеч-чыштас сы пытшкö. Пыжыс гумовтас васö öтарсянныс, сэсся мöдарсянныс и мöдас вöйны. Кодкö кужис уявны, а кодкö и эз, васыс öдвa петiсны...

Асныра кыз пу

Шуя дорын быдмис джуджыд кыз пу. Коркö видзöдласны сы вылö киндасовоса да шу-асны, тайö кыздсьыс пö мыйкö вöчны позьö, нинöмла сылы ылöсас сулавны.

– Тайö кызд пусъыс, – шуöны, – позьö быдсяма уджалан кöлуй вöчны либö шылльö-мыльö. И пуклöсъяс, – шуöны, – позьö вöчны, ыджыд увъяссьыс петасны чер пуяс, дзöля увъяссьыс – шила пуяс. Да мыйыс сöмын, – шуöны, – оз артмы сыысь, эта ыджда кыздсьыс!

Но мый, босьтчисны мужикъяс уджö – пондiсны кызд пу керавны. Кераласны-кераласны – некызд пöрöдны оз вермыны.

Сёрнитöны:

– Колö кавшасьны кызд вылас да йылас шашаритчыны. Ставным кö кавшасям, пöрöдам нин сэсся.

Кавшасясны найö кызд пу вылас, а кыздзыс сiдз нин вöли пöлынтьчöма Шуя юлань, да увсянныс на кералöма. Кызди тай чегас – и веськыда ваö, Шуяö. Став мужикыс гылалас. А öти мужик кыркötш вылас коляс, видзöдö и шуö:

– Тонö Федькалөн куш пöлаыс мыччасьö – карö мöдöма копе юны.

Бара жö – кодкö петiс васыс, а кодкö и сэтчö колис.

Ва вылын ватöг

Öтчид жар гожся лунö киндасовоса кык мужик мöдöдчасны чери кыйны. Пурйөн кыв-тасны ты шöрöдз и чöвтасны вугыр шатинъяссö. Пукалöны, вуграсьöны. Пöсьыс шорөн киссьö – жар. А сэсся и горшныс кутас косьмыны.

Öтиыс шуö:

– Юны көсья!

Мөдыс вочавидзё:

– Терпитышт! Васё съорысь эг босьтöй да.

Пукалоны, вуграсьоны. Вуграсьнысö нин съöкыд лои. Болснитас ва кузяыс чери – найö сöмын вомсö нюлоны кос кывнас.

– Юышты эськö, – шуö öтиыс.

– А юаныс тай абу! Васё вунöдiм босьтны!

Сэтшöма нин юны көсйöны, весиг вуграсьнысö оз вермыны, лигышмунöмaсь. Водiсны пур вылас, куйлоны. Öтиыс мыйкö висьталö на, а мөдыс и шыасьны нин оз вермы, вомыс пакталöма, кывйыс оз бергав.

– Тэ, – шуö, – кызкö сёрнитан на, а ме и сёрнитнысö ог вермы!

Сэтшöма юны көсйöны.

– Öнi и чериыс оз ков, вом тыр ва эськö!

А мөдыс мыйкö ымзö, он велав.

Куйлоны пур вылö пласьткысьöмөн, оз и казявны, мый дукöс пöлаясыс көтасьöмaсь. И сынны оз вермыны. Кыпалiс төвру, ва веркөссö серöсьтiс, пурсö надзöникөн берегланы вöтлö. Ляскас пурсö кыркөтшас, а найö пыр куйлоны, оз чеччыны. Кодкö кутас мунны на дортi, матыстчас и шемöсмас. Мыйсяма дивö: кык зумыд мужик куйлоны пур вылын и оз вөрзöдчыны?

– Мый танi куйланныд? – юалас.

– А юны, – шуöны, – зэв ёна көсьям, ог вермöй легнитчыны!

– Мыйла нö он юöй, пур вылын куйланныд да?

– А васö гортö вунöдiм!

– Да юрнытö копыртлöй тыас дай юöй пöттöдзныд!

Пондiсны найö юны, ловзисны.

Рөмпöштан

Олiсны-вылiсны Киндасовоын том гозъя, верöслөн мамыскöд да батыскöд. Мөдас том верöс карö. Ньöбас сэнi дзоляник рөмпöштан. Локтас гортас, пуктас рөмпöштансö öшинь вылö, а некодлы оз петкөдлы. Гöтырыс пондас пелькөдчыны и казялас рөмпöштантö. Видзöдлас, а сэтысь аддзас сэтшöм томöс, мичаöс, мусаникöс! И кыз тай бöрдны мөдас!

– Ок, – шуö, – öнi аддзис верöсöй татшöм мусаникöс да мичаникöс, вöтлас менö, оз кут мекöд овны.

Пырас керкаас энькаыс:

– Мый нö, моньö, татшöма бöрдан?

– Видзöдлы со, – шуö, – карö ыстылiнныд питö, а öнi сiйö вöтлас менö, аддзöма нин сэтшöм мичаникöс да мусаникöс, да мекöд и овнысö оз кут!

Видзöдлас энькаыс:

– Ок, моньö, – шуö, – кутшöм нö сiйö мусаник да мичаник? Мый бара-й думыштöма-а? Сэтшöм мисьтöмöс вайöма!

Кыкнанныс бöрдöны. Пырас керкаö айка – зонлөн батыс.

– Мый нö бöрданныд?

– Мый бөрдам? Ыстін питө карө, дак видзөдлы, кутшөм сійө старукаөс аддзөма!
 Видзөдлас и айкаыд рөмпөштанө – а сәні пөльө, пөрысь, тошка!
 – Дзик эськө абу старука да, – шуө, – а старик, пөрысь да кос!
 Куимөн нин бөрдөны. Локтас пиныс гортас.
 – Мый нө ті куимнанныд бөрданныд?
 – Да мый сән, монь аддзөма тайө дивөсө.
 Босьтас зонмыд рөмпөштансө и шуө гөтырыслы:
 – Видзөдлы тайө рөмпөштанас! Абу-ө тэ тайө ачыд?
 – Ог төд, ачым либө кодкө мөд, – шуө, – ме өд ачымөс ог аддзы!
 – Он аддзы асьтө, дай тайө тэ и эм, – шуө, – рөмпөштаныс тәнө петкөдлө.
 Нылыд радлыны мөдас, мый сійө сэтшөм том, мича да мусаник – асьсө аддзылөма.
 – Мамө, өні тэ матыстчыв татчө, видзөдлы, – шуө, – абу-ө ачыд тайө, абу-ө тэнад чукуръясыд?
 – Да менам кө-а, пиук, чукуръясыс. Да ачым и эм пөди тайө...
 – Матыстчыв, батьө, видзөдлы ас вылад. Тэ өд?
 – Да ме кө-а, пиук, ме тай, буракө.
 Ставныс нимкодьясьөны, асьнысө аддзылісны да. Ёні олоны лөсьыда и рөмпөштанө тшөкыда видзөдчөны.

Вөлі-ө юрыс?

Киндасовоса вөрө овмөдчөма ош. Гожөмнас скөтсө пөгибө воштас. Шуасны мужикъяс кыйны ошсө төвнас, кор гуас водас.
 Кыдзи шуисны, сідзи и вөчисны. Мунісны төвнас вөравны, пищальтөг, черъясөн. Шөйтисны-шөйтисны вөрөдыс и тангысисны ош гуө. Мөдісны думайтны, кыдзи ошсө вөтлыны. Думайтисны-думайтисны, өти и шуө:
 – А со ми тадзи вөчам: мян пиысь кодкө пырас гуас, кватитас ошсө, а ми сылы кокас көв көрталам и кыскам ошкыскөд тшөтш.
 Вөзйысис өти, шуө:
 – Ме муна. Мыйөн сөмын кватита ошсө, кокөн тракнита. Сэки менө пыр и кыскөй.
 Пырас мужикыд гуө, шашаритчас ошкө. А ошкыд кыдз тай равөстас, кватитас мужиктө и юрсө орөдас. Мөдыс кокнас и тракнитас. Мужикъяс аддзөны – ставыс бур, колө кыскыны. Кыскасны – мужикыд өтнас, оштөг. Юалөны сылысь:
 – Көні ошкыс? Мыйла сійөс эн кыскы?
 Чөв олө мужикыд. Видзөдласны бурджыка, а сылөн юрыс абу. Мөдасны думайтны, вөлі-ө сылөн юрыс либө жө сійө некор эз и вөвлы. Казытылісны-казытылісны, да некод эз вермы дум вылас уськөдны. Мунісны грездас, мужиклөн гөтыр дорас, гашкө, сійө төдө. Локтисны, төлкуйтисны сылы. А гөтырыс шуө:
 – Ог помнит, вөлі-ө юрыс, а вот кыдзи асывнас пызан сайын пукаліс да рудзөг пызя рок сөйис, тошкыс дзөрис!

Йөйяс

Олісны-вылісны мам да ныла-пия. Рытнас мам пондас пачас пес сюявны. Ёти пес и мынас кысьыс, джоджө усяс. Мам кутас бөрдны. Нылыс юалө:
 – Мыйла нө, мамө, бөрдан?
 – Менам кө нук вөлі, да пескыс юр вылас усис, вермис татчө и кувны!

Нылыс тшөтш пондас бөрдны. Кагаыс жаль лои.

Пырө керкаас пиыс, юалө:

– Мыйла нө бөрданныд?

Найө и висьталасны: кийсь пескыс мыніс, вермис эськө нукөс вины.

– Но и йөйяс, нинөм абусьыс бөрданныд, нукус абу на-а!

Рытнас мама-ныла мунасны мөскөс лысьтыны. Дыр оз пондыны локны. И зонмыд петас найөс корсьны. Аддзө: кыкнанныс копрасьоны мөслы да лыддьөдлөны: «Прөстит, Руско! Прөстит, Руско!»

– Мый нө вөчанныд?

– Да со, – шуө мамыс, – лысьтысигас менам суртыссис, да сынөдыс тшыкис, өні мөслысь прөща кора.

Зонмыд мөвпалө: «Ветла муюгидсө кытшовтышта, эмөсь-ө көнкө татшөм йөйясыс. Аддза кө, гортө локта!»

Асывнас чеччас, чай юас и мөдас. Мунас, мунас, сиктө пырас. Видзөдө – мужик мошкоритчө, керкасө бергөдө!

– Мый нө, көзяин, вөчан?

– Керкаөс бергөда. Ёшинь улын куйөд чукөр куйлө да, керкаө пырө дукус.

– Зырийд эм тэнад?

– Эм, зонмө, эм!

– Вайлы меным.

Босьтис зонмыд зырсь, шыбитис куйөдсө му вылө.

– Аттьө тэныд, аттьө, – шуалө көзяин, – сэтшөм ыджыд неминуचाысь менө мездін!

Мөдөдчас зонмыд водзө. Мунас, мунас, бара сиктө воас. Видзөдө – мужик мырсьө, көсьө өшписө пывсян вылас лэптыны.

– Мый нө вөчан? – юасьө.

– Да со пывсян вевт вылын турун быдмөма, да өшпиыс мед йирас.

– Косаыд эм?

– Эм, дерт, кыз нө сытөг.

Ваяс көзяиныд коса. Зонмыд турунсө ытшкас, шыбитас өшпиы. Мөдыс и рөмидзтас.

– Ыджыд жө аттьө тэныд, сэтшөма отсалін!

Зонмыд водзө мөдас, зэв на уна дивө да тешкодь йөзөс паныдалас. Сэсся и гортас бергөдчас, мамыс да чойыс дінө.

*Карел кывйысь роч вылө вуджөдіс Александра Степанова.
Комиөдіс Алёна Шомысова.*

ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART A

<http://www.artlad.ru/>

Предпечатная подготовка журнала выполнена
при финансовой поддержке филиала ГРДНТ им. В.Д.Поленова
«Финно-угорский культурный центр Российской Федерации»

Подписной индекс: П4453

ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART A